БДГ

Для служебного пользования

МЕСЯЦ февраль №2(13) 2003 год

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Таинственный анальгетик

Беларусь оказалась замешана в поставке наркотиков в Чечню. Речь идет о производстве и продаже наркотических препаратов в промышленных масштабах

Стр. 3

Исповедь вертухая

Германские монологи Олега Алкаева. Мы публикуем ту часть его рассказов, в которой содержится информация о возможной причастности к исчезновениям известных белорусских политиков высокопоставленных чиновников

Стр. 4-5

Жизнь под рентгеном

«БДГ. ДСП» начинает публикацию фрагментов из книги Леонида Борткевича. Известный певец рассказывает о своем знакомстве с Мулявиным, об Ольге Корбут, которая на протяжении 22 лет была его супругой, и о многих других

Стр. 20-21

ПРОШУ СЛОВА

Метаморфозы

На днях пришлось поучаствовать в социологическом опросе. На вопрос: «Доверяете ли вы существующим аналитическим центрам?» я честно ответила: «Доверяю». Тут главное — наловчиться читать их исследования между строк. Это, знаете ли, как учебник по математике: тебе дается условие, а решить задачку ты должен самостоятельно.

В конце минувшего года мы гадали на кофейной гуще, что и как случится в году нынешнем: что будет с зарплатой и пенсиями, каким будет курс белорусского рубля в обменниках, потянет ли наш кошелек постоянно растущую квартплату и останутся ли деньги на отпуск. Аналитики, знаете ли, все подсчитали. Сейчас среднестатистический работающий белорус получает зарплату в 193 тысячи белорусских рублей, что эквивалентно 100 долларам. Понятно, что у одного 150, у другого 50, но на выходе — запрограммированная еще накануне второго президентского срока «сотня». К концу года, дорогие соотечественники, среднестатистический белорус будет получать 250 тысяч рублей. При этом, если будут выполнены все нормативы по инфляции, за 2400 рублей к концу года можно будет купить один «зеленый». Но, как вы помните, еще не было случая, чтобы реальная инфляция соответствовала приказам правительства. Таким образом, очень может быть, что к концу года не видать нам заветной «сотни» — жалкой, кстати говоря, суммы, которую уже по нынешним ценам можно за один раз оставить в хорошем гастрономе.

А вот траты наши с вами будут расти. И чтобы утверждать это, не надо быть большим аналитиком. Понятно ведь, что гастроном не снизит цены потому, что аптеки больше не выдают лекарств по льготным рецептам, да и электрички не станут дешевле из-за того, что квартплата «зашкаливает». Иными словами, прогноз на этот год весьма невеселый: мы станем реально беднее, и накопить денег на отпуск получится далеко не у всех. Причем и мамаши-пенсионерки, и бизнесмены-предприниматели здесь в равных условиях. Просто у бизнеса свои заморочки: принята целая государственная программа по вовлечению денег в экономику (так и называется), будто наши предприятия хранят на своих счетах миллиарды без движения. А у них нет денег, просто нет.

Хотя не секрет, что в нашей стране можно прекрасно прожить и без денег. Вот на днях группа высокопоставленных чиновников получила в подарок дорогостоящие «Мерседесы». С одной стороны, подарок он и есть подарок — кому хотели, тому и дарили. Но с другой стороны, мне, например, такую любезность никто не окажет, а если и случится чудо, то не буду знать, у кого одолжить денег на уплату налогов. Как не знает наша «последняя героиня» микробиолог Ксения Волкова, за какие средства растаможить выигранный джип. Президентскому окружению, вероятно, в рамках программы борьбы с коррупцией, налогов платить не надо. Они же день и ночь работают на государство и за свой титанический труд получают 200, 300, ну 400 долларов. Какие налоги?! Это государство им должно. Причем, что странно, всему аппарату Совета Министров, который, как известно, непосредственно предпринимательской деятельностью не занимается, из бюджета будет выделено меньше денег, чем, например, Управлению делами президента, оккупировавшему все самые прибыльные сферы бизнеса. Вот такие метаморфозы.

Светлана КАЛИНКИНА

РЕЙТИНГ

Подарки после праздника

Это только кажется, что в январе жизнь застыла у новогодних елок и празднично накрытых столов. На самом деле именно в это время из-за отвлеченного внимания широкой общественности случаются весьма важные события. Так, несколько чиновников, которые еще в декабре гадали, что означают их нынешние посты — то ли ссылку, то ли награду, — в январе могут праздновать победу.

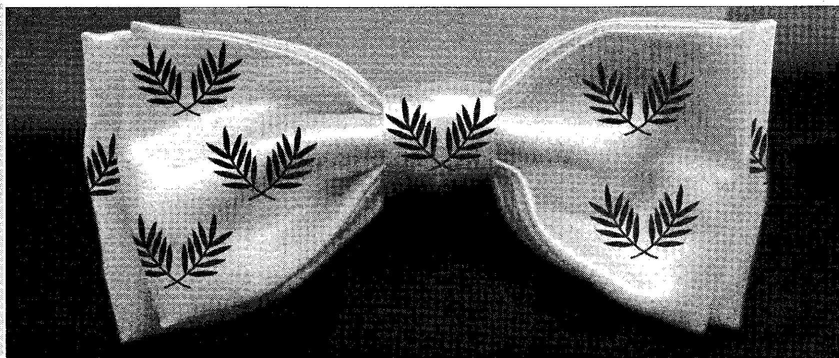
С барского плеча Федерация профсоюзов Беларуси во главе с Леонидом Козиком и Академия наук Беларуси во главе с Михаилом Мясниковичем получили освобождение от уплаты налога на прибыль в части средств, полученных от осуществления предпринимательской деятельности. Раньше такая льгота предоставлялась только школам, больницам и прочим собесам. Как и почему тяжеловесы отечественной политической арены оказались приравнены в льготах к детям и инвалидам, остается только догадываться. Но нет никаких сомнений, что перед ними теперь развернулось еще более широкое поле деятельности.

Вообще, белорусские чиновники завоевывают себе влияние кто на чем. Губернатор Могилевской области Борис Батура, например, решил сполна воспользоваться преимуществами своего географического положения. Руководитель родной области белорусского президента и прародительницы большинства чиновников высшего ранга (сам Батура, кстати, с Гродненщины) выторговал себе беспрецедентный карт-бланш. Все 100% налога на добавленную стоимость на произведенные областью товары и услуги, а также все собранные в области суммы налогов на доходы и прибыль будут оставаться в распоряжении губернатора. Чтобы было понятно, как «поднялся» Борис Батура, сообщаем, что его коллеге из Гомельской области оставили только 42% НДС и 33% налога на доходы и прибыль, из Витебской — 47% и 44% соответственно, мэру Минска Михаилу Павлову и вовсе остается всего ничего — 31,5% НДС и менее 30% налогов на доходы и прибыль. Почувствуйте разницу!

Вице-премьер — министр экономики Андрей Кобяков, похоже, решил прибрать к рукам такую прибыльную сферу, как... банкротство предприятий. Ответ на вопрос, как могло случиться, что сия отрасль оставалась никем не охваченной, лежит где-то в сфере пресловутого белорусского менталитета. Связаться с банкротами для нас — это будто проказы какой набраться. Хотя в той же России на этом сделаны даже не миллионные, а миллиардные состояния. И очень может быть, что именно Кобяков теперь будет главным игроком в процессе приватизации крупной белорусской промышленности. Ведь, положа руку на сердце, сегодня никто не может сказать, какой из белорусских промышленных гигантов не является фактическим банкротом. Тут ведь важно, как считать. Считать теперь будет Кобяков. Он же теперь будет представлять кандидатуры внешних управляющих на предприятия, в отношении которых начата процедура санации или банкротства. В общем, Кобякову достался такой крупный кусок пирога, что есть только одна опасность: как бы не подавиться.

Опасность, кстати, реальная. И, похоже, министр торговли Александр Куличков ее уже осознал. Придя на пост, он решил заявить о себе и во внешней торговле, и на самых прибыльных рынках — алкогольном и табачном. Продавать белорусскую продукцию за пределами Беларуси у Минторга не получается — нет ни специалистов, ни опыта, ни продукции достойной. Дивидендов от того, что табачные квоты поделили в пользу Управления делами президента, Куличков не получил никаких, зато дефицит сигарет западных марок в начале нынешнего года — налицо. Теперь Куличков сложил с себя все «табачные полномочия» и будет делить исключительно алкогольные квоты. Возможно, министр торговли каким-то тайным указом назначен главным ответственным лицом по борьбе с табакокурением и алкоголизмом... Тогда он успешно справляется со своими обязанностями. Если же нет, то напоминаем, что еще не было прецедента, чтобы спокойно покидали свои посты люди, причастные к водочному бизнесу.

Вообще, удача — птица шустрая, того и гляди выпорхнет. Вот, казалось, словил ее за хвост министр иностранных дел Михаил Хвостов — уладил конфликт с ОБСЕ, с Соединенными Штатами Америки... Сделав на этом поприще все что мог, проявив личную преданность и государственную заинтересованность, Хвостов уже наверняка представлял, как будет наблюдать за загниванием капитализма в должности посла Беларуси в США. Но в последний момент случилось непредвиденное: на должность руководителя офиса ОБСЕ в Минске назначен немец Эберхард Хайкен, тот самый, которому белорусский МИД еще год назад отказал в выдаче въездной визы. Более того, по нашим данным, одним из условий белорусской стороны на переговорах с ОБСЕ было пожелание, чтобы ни один из тех, кто уже имел отношение к работе представительства этой организации в Минске, больше перед глазами белорусских властей не маячил. Но случилось то, что случилось. Хвостов доказал, что он умеет вести переговоры, умеет и говорить, и молчать. Таким образом, даже несмотря на те обстоятельства, которые пока остаются за кадром, следует признать, что по итогам января министр иностранных дел перепрыгнул и самого себя, и тех чиновников, которые боролись за свое место под солнцем. Есть, кстати, и такие, которые уже не боролись.

СЛУХИ

Генеральный прокурор Беларуси Виктор Шейман в скором времени может стать главным и единственным борцом с коррупцией в нашей стране. По слухам, главный страж законности инициирует ликвидацию соответствующего управления в Комитете государственной безопасности и намерен собрать под свое крыло всех, кто может предоставить альтернативную информацию по ситуации в этой сфере. Напомним, что в свое время, уходя из Совета безопасности, Шейман увел за собой всех, кто отслеживал факты коррупции в высших эшелонах власти. Коррупции от этого меньше не стало. Если в подчинение к Шейману попадут еще и комитетчики, то, надо понимать, по коррупции будет нанесен последний удар.

Заместителя министра экономики Андрея Тура понизили в табели о рангах. Если раньше Тур курировал вопросы макроуровня, в том числе акционирование и приватизацию белорусской промышленности, то теперь ему доверили лишь уровень микро — малый и средний бизнес. По слухам, Тур вообще едва не потерял пост заместителя министра, хотя сам не понимает, что стало тому причиной. Наши источники утверждают, что департамент финансовых расследований заподозрил Андрея Николаевича в небезвозмездном отстаивании интересов одной из коммерческих структур. Правда, сумма мифического вознаграждения «за любовь» называется такая мизерная, что невозможно поверить в справедливость обвинений ДФР.

Комитет государственной безопасности вдруг заинтересовался транспортной сферой. Вообще-то не вдруг, а потому, что автомобильные перевозки — стабильный источник пополнения государственной казны, и если он иссяк — сами понимаете. По слухам, рядовая проверка весьма обеспокоила многочисленное семейство Боровых — министра транспорта и его братьев, которые являются крупнейшими игроками рынка грузоперевозок. Дело в том, что комитетчики на этот раз решили узнать то, чем никто до них не интересовался. А именно — кому принадлежат фирмы, у которых белорусские перевозчики берут автотехнику в лизинг. По оперативной информации, большинство белорусских перевозчиков берут технику у одних и тех же фирм, следы которых уходят в оффшоры. Вот КГБ и пошел по следу.

В начале нынешнего года президент Беларуси наградил группу сотрудников российской Федеральной службы безопасности государственными наградами нашей страны. По слухам, награжденные не знают, как реагировать на этот знак благодарности от главы другого государства. Для представителей российских спецслужб произошедшее — случай вопиющий, ведь ФСБ не Госдума и не может оказывать услуги руководителю чужой страны. А президент Беларуси настойчиво подчеркивает, что такие услуги ему оказывают. И «особо отличившихся» называет поименно. Ситуация тем более странная, что награждение произошло как раз в те дни, когда в Украине разразился скандал с обвинениями России в том, что она осуществляет на территории «незалежной» разведдеятельность.

По непроверенным данным, Минский тракторный завод за последнее время полностью изменил состав своих дилеров, и по странному стечению обстоятельств на предприятии сейчас «заказывают музыку» российские фирмы. По слухам, такая ситуация, грозящая полной зависимостью от российских продавцов техники, которые одновременно являются поставщиками сырья и комплектующих на МТЗ, уже стала предметом озабоченности соответствующих контролирующих органов. В чем бы ни обвиняли бывшего гендиректора завода Михаила Леонова, но он не выпускал предприятие из-под контроля.

Разобраться, как договорились

Таинственный анальгетик

Беларусь оказалась замешана в поставке наркотиков в Чечню

Георгий ДАНЬ

Все материалы этого уголовного дела проходят под грифом «Секретно». К ним имеет доступ строго ограниченный круг лиц из числа проверенных сотрудников департамента финансовых расследований, Комитета государственного контроля, Прокуратуры республики и Совета безопасности. Любая утечка документов по этому делу будет расценена как государственная измена, поэтому люди боятся. Именно по этой причине мы пока не можем назвать предприятие, которое замешано в скандале, и не станем называть фамилии высоких государственных лиц, которые «засветились». Дело в том, что речь идет о производстве и продаже наркотических препаратов в промышленных масштабах, а в таких делах случается всякое.

От древности до наших дней

Опий известен в мире с древности. Историки до сих пор затрудняются ответить, кто и когда открыл свойства этого сильнейшего природного наркотического анальгетика. Известно, что великий медик Парацельс в набалдашнике своей трости постоянно носил опий, используя его как обезболивающее и успокаивающее средство. С тех пор в мире мало что изменилось. Сегодня опиоидные препараты по-прежнему остаются самыми мощными обезболивающими средствами, широко применяемыми в медицине. Чаще всего эти анальгетики используют при сильной боли травматического или сосудистого происхождения, а также в послеоперационный период и при некоторых формах рака. Они же являются объектом вожделения наркоманов.

Единственное, что претерпело серьезные изменения со времен доктора Парацельса — число опиоидных препаратов. Все ныне существующие наркотические анальгетики — либо производные опия, либо полусинтетические и синтетические опиоиды. Они вызывают обезболивание, воздействуя на центральную нервную систему. Надо сказать, что из-за некоторых характерных свойств этих препаратов могут возникнуть весьма неприятные последствия. Длительный прием приводит к нарушениям, которые происходят в центральной нервной системе. Поэтому для достижения обезболивающего эффекта приходится все время увеличивать дозы. Причем при возникновении устойчивости к одному препарату одновременно возникает перекрестная устойчивость и к другим опиоидам. Правда, эта устойчивость носит неполный характер. Поэтому смена анальгетика, при должном подборе, дает иногда неплохой результат.

Именно из-за необходимости смены анальгетика при длительном лечении в современном мире обычно не проходит и года, как в какой-нибудь стране появляется новый сильный анальгетик. Не обошло это «счастье» и Беларусь.

Чеченские друзья

В 1998 году, приблизительно за год до того, как один из чеченских полевых командиров Шамиль Басаев вторгся в Дагестан, ФСБ России получила информацию, что в Чечню идут крупные партии опиоидного анальгетика, которым комплектуются аптечки первой помощи солдат Аллаха. Это однозначно свидетельствовало о том, что Чечня серьезно готовится к активным боевым действиям. Подобные крупные закупки обезболивающих наркотических средств спецслужбы отслеживали постоянно, но в данном случае сложность заключалась в том, что поставлялся совершенно новый препарат — буторфанол тартрат, по сути являющийся аналогом морфина, но обладающий в 5–8 раз более сильным действием. При этом анальгетик поставлялся в виде 2-процентного раствора, упакованного в шприцы-тюбики, что также свидетельствовало о военном предназначении товара. По оперативным данным, анальгетик попадал в Россию с Запада, иногда со стороны Беларуси, иногда — Украины. Когда российские спецслужбы начали копать глубже и обратились с просьбой о помощи к украинским и белорусским коллегам, поставки неожиданно прекратились.

Специальная информация

БУТОРФАНОЛ (BUTORPHANOL) — опиоидный анальгетик из группы агонистов-антагонистов опиоидных рецепторов (стимулирует каппа- и блокирует мю-рецепторы). По интенсивности и продолжительности анальгетического действия (3-4 часа) близок к морфину. По сравнению с морфином в меньшей степени угнетает дыхание, обладает более низким наркогенным потенциалом. Применяется при болевом синдроме средней и сильной интенсивности различной этиологии, премедикации, послеоперационном обезболивании. Наблюдаются побочные явления в виде седативного действия, тошноты, рвоты, усиления потоотделения, головокружения, в редких случаях — дисфории, галлюцинаций. При длительном применении возможно развитие лекарственной зависимости (наркомании).

Препарат не рекомендуется назначать больным с наркотической зависимостью, а также сразу после применения наркотических средств. В случаях крайней необходимости перед применением буторфанола такими пациентами следует принять меры, направленные на полное выведение наркотического средства из организма. Препарат не рекомендуется применять пациентам в возрасте до 18 лет. В период лечения не следует заниматься потенциально опасными видами деятельности, требующими повышенного внимания, быстроты психических и двигательных реакций.

В настоящее время, помимо буторфанола в Беларуси, производится: БЕФОРАЛ (BEFORAL) LECHIVA, Чешская Республика; СТАДОЛ (STADOL) BRISTOL-MYERS SQUIBB, США; Стадол НС (Stadol NS) Bristol-Myers Squibb, США; Морадол (Moradol) ICN Galenika, Югославия.

Особенно широкое применение в последнее время буторфанол получил в горячих точках.

История с поставкой в Россию буторфанола получила свое неожиданное продолжение в начале 2002 года, когда Комитет государственного контроля Беларуси провел комплексную проверку финансово-хозяйственной деятельности предприятий и подразделений Министерства здравоохранения страны. В результате проверки было установлено, что в первой половине 1998 года одно из белорусских предприятий поставляло в Россию крупные партии препарата буторфанол тартрат. Так как во время поставок данный опиоидный анальгетик еще не был внесен в список «А», то он продавался абсолютно свободно. Возможно, ревизоры и не обратили бы на эти поставки никакого внимания, если бы не всплыла одна немаловажная деталь. По документам, деньги за последнюю партию товара, оцененную приблизительно в 1,5 млн долларов, на предприятие так и не поступили. А это уже был прямой интерес КГК. Поэтому департамент финансовых расследований возбудил уголовное дело по ст. 166 УК РБ в редакции 1960 года и принялся копать дальше. Вскоре выяснилось, что буторфанол закупал российский гражданин чеченской национальности...

Таким образом, обычная проверка КГК грозила обернуться серьезным международным скандалом, и буквально на следующий день о ЧП узнал президент. Сами контролеры ему доложили или Служба безопасности президента хорошо сработала, сегодня уже не установишь. Но уже через несколько дней со скандальным делом начали происходить непонятные метаморфозы.

Утаить шило в мешке

Сначала исчез директор предприятия. Его не могли найти около недели. Когда же он вновь появился, то не захотел никому объяснять, где пропадал все это время. Интересно, что, несмотря на фигурирующую в деле внушительную сумму задолженности и на внезапное исчезновение главного подозреваемого, его даже не подумали взять под стражу. Напрашивается вывод, что директор вовсе не исчезал, а был тихо изолирован компетентными органами для проведения профилактических бесед, и очень вероятно, что в ходе этих самых бесед ему доходчиво объяснили, как нужно себя вести во время расследования дела. Само собой, информация о расследовании была тут же засекречена. До нас уже в то время доходили смутные слухи о скандале, но все попытки получить хоть какой-то комментарий не увенчались успехом. Наши источники подтверждали, что произошло нечто чрезвычайное, но ничего конкретного сказать не могли. Тайной оказалось даже имя следователя, занимающегося данным делом. Впрочем, это и неудивительно. Как нам удалось выяснить, после начала расследования дело потихоньку начали спускать на тормозах. Чтобы, не дай бог, не допустить утечки информации, расследование взяли под контроль не только в Прокуратуре РБ, но и в Совете безопасности. И это дало свои результаты.

В ноябре 2002 года расследование по делу приостановили, как нам удалось выяснить, в связи с невозможностью установления местонахождения обвиняемого. Речь, конечно же, идет не о директоре белорусского предприятия — ему спрятаться негде. Да и незачем. По всей видимости, не смогли найти того самого чеченца. Можно предположить — потому что не искали. Ведь такой обвиняемый — это бомба замедленного действия, которая неизвестно когда и где взорвется. Кроме того, учитывая важность пропавшего груза, в деле оказались замешаны крупные государственные фигуры.

Минск – Киев

Несмотря на попытки официальных властей спрятать концы в воду, отследить движение пропавшей партии буторфанола все же можно. Как нам стало известно, плата не поступила только за одну из партий анальгетика. И по той простой причине, что эта партия не дошла до потребителя. Когда ФСБ обратилась к белорусским коллегам за помощью, у Минска было только два варианта: либо продолжить движение груза, рискуя нарваться на международный скандал с весьма негативными последствиями для союза братских народов, либо тормознуть партию до того, как она попадет в руки федералов. Понятно, что выбран был второй вариант. Но и здесь белорусов ждали серьезные трудности. Во-первых, на хвосте сидели российские спецслужбы, и возврат крупной партии лекарств они могли бы заметить. Во-вторых, Беларусь просто не в состоянии была быстро и незаметно «переварить» такие объемы буторфанола.

В этой ситуации у Минска был только один выход: сплавить препарат в другую страну, предварительно дав ему «остыть» в течение одного-двух месяцев. Кроме того, и страну следовало выбрать такую, с которой можно было бы по-братски договориться. Учитывая, что буторфанол изначально шел в Россию двумя путями, наши источники почти со 100-процентной вероятностью говорят, что такой страной стала Украина. В пользу этой версии свидетельствует и тот факт, что в июле 1998 года Министерство здравоохранения Украины по поручению своего президента приняло неожиданное постановление. Согласно ему все аптечки автотранспортных средств отныне должны были быть укомплектованы... шприцами-тюбиками с 2-процентным раствором буторфанола тартрата: легковые автомобили с количеством пассажиров до 9 человек и грузовые — 2 тюбика на одну аптечку, пассажирский транспорт с количеством пассажиров более 9 человек — 6 тюбиков на одну аптечку.

В 1998 году в Украине насчитывалось более 5 млн единиц автомобильного транспорта, поэтому постановление тамошнего Минздрава сразу же дало сбыт как минимум 15 миллионов шприц-тюбиков буторфанола. Учитывая данное обстоятельство, горячая партия белорусского анальгетика ни в какую другую страну просто не могла уйти. Остается открытым лишь вопрос о том, почему на белорусское предприятие не были возвращены деньги за лекарство. По всей видимости, они стали платой за дружескую помощь руководителей братского народа или же просто были растворены через финансовые структуры, чтобы не наводить федералов на белорусский след.

В настоящее время в деле о пропаже крупной партии буторфанола начались новые подвижки. Всего лишь приостановление расследования кому-то не дает спокойно спать, поэтому, по нашей информации, в ближайшее время расследование должно быть возобновлено, чтобы затем прекратить его по амнистии, а материалы «похоронить» в секретных архивах.

Оформить протоколом

Исповедь вертухая

Германские монологи Олега Алкаева

Ирина ХАЛИП

Хронометраж видеозаписи бывшего начальника минского СИЗО составляет шесть часов. Полная расшифровка заняла бы не один газетный разворот, а наверняка весь номер. Поэтому мы решили опубликовать лишь ту часть рассказов Алкаева, в которой содержится информация, а не многословное самолюбование, которым переполнена пленка. За кадром осталось многое. И это многое выглядит иногда странно, иногда — смешно.

Странно — это когда Алкаев изо всех сил выгораживает Лукашенко. Дескать, дорогой Александр Григорьич ничегошеньки не знал, и все убийства совершались за его спиной. Еще более странно — когда Алкаев зачем-то пытается убедить в том, что сам он ни разу на курок не нажал, хотя давно известно, как лично он приводил в исполнение смертные приговоры. А смешно — когда Олег Алкаев, важно сцепив пальцы на внушительном животе («Ох, и похудел же я в Германии — на целых 40 килограммов. Когда приехал сюда, 150 весил, а сейчас во мне только-только 110 наберется...»), говорит о том, что после смены власти, как только он вернется, все убийцы в течение суток просто сбегут из Беларуси, убоявшись его, алкаевского, гнева. Совсем смешно заявление о том, что он бы в Беларуси каждый день писал на дверях Шеймана неприличное слово (а кто ему мешал это делать все долгие годы?). Нестыковок, несоответствий, противоречий и лжи в рассказах Алкаева больше, чем в белорусском законодательстве. Но послушать или почитать его монологи все-таки не помешает — по той простой причине, что он единственный, кто вообще говорит. Все остальные участники этой истории предпочитают хранить загадочное молчание, и непонятно, то ли они согласны с определением «убийц», то ли им просто неинтересно на это реагировать...

О Юрии Сивакове:

Специальная информация

Юрий Сиваков был министром внутренних дел, потом курировал в Администрации президента кадровые вопросы. Недавно стал министром спорта. Ему приписывают реализацию идеи по созданию так называемых «эскадронов смерти» из числа профессионалов, которые занимались устранением неугодных. Сиваков категорически все отрицает. Алкаев ему не верит.

— По моему мнению, Сиваков пробивал дорогу лично себе. По отношению к президенту он, бывало, вел себя даже покровительственно. Президент его и выгнал. А когда Сиваков понял, что никуда уже не выплывет — сломался. Он загнанный человек. Он где-то все уже, может, записал, и только за счет этого его еще держат. Ничего такого нового он не откроет, разве что более детально расскажет и назовет заказчиков. Исполнителей мы найдем.

Сиваков спрашивал меня, можно ли организовать тюрьму человек на 20. Кого он собирался держать в этом «зиндане»? И потом, когда пишут постановление об аресте, там указано, где будет содержаться арестованный: в СИЗО N8 в Жодино или в СИЗО N1 в Минске. А тут что писать, если такая тюрьма нигде не числится? «Содержать задержанного в личном следственном изоляторе Сивакова»? Значит, это будет делать уже не следователь. И вся эта идея вовсе не для официальных действий. И потом, даже убивать ведь не будешь на улице...

Но я знаю точно, что такая тюрьма была. Она нигде не значится, нигде не числится. Сиваков ее открыл в нарушение всех законов. Я знаю начальника той тюрьмы. Однажды он ко мне обратился с просьбой: подыскать ему несколько человек в сотрудники. Я ему их нашел. Я даже знаю, где она находилась. Поверьте, места в Беларуси достаточно. Это не так далеко от Минска. Очень удобное место.

У Сивакова в окружении были одни военные, не милиционеры. Вообще, это тенденция: Лукашенко окружил себя военными. Шейман — военный, капитан, Сиваков — танкист, Павличенко — замполит. Люди, которые руководствуются не законами, а приказами. В милиции все-таки даже если последний дурачок стоит на улице с дубинкой, а к нему подъедет министр и скажет: «Пойди вон того прохожего стукни дубинкой по голове», — он не стукнет. А военный — стукнет. И в подразделении наружного наблюдения, которое создал Шейман, все военные. Поэтому я сразу подумал о Павличенко, когда узнал, что за Захаренко следили на красной «БМВ». Наружное наблюдение — служба деликатная. Там люди все — неприметные, и машины у них такие же. Но все сотрудники — высшей квалификации. Вот меня бы из-за объемов даже не взяли в «наружку», потому что я два раза появился — меня уже запомнили. А тут — красная «БМВ»!

Министр хотел объединить два подразделения — мое и Дмитрия Павличенко — в одно, чтобы узаконить официальные убийства, которыми я занимался, и неофициальные. Вот, мол, вы два друга, идите и «мочите». Меня просили подружиться с Павличенко. И даже, насколько я знаю, министр хотел передать функции расстрелов СОБРу. А еще он мне все руки выкручивал: мол, почему не пользуетесь крематорием для захоронений расстрелянных? Да потому и не пользуемся, что там, у стен, будут круглосуточно дежурить родственники. Да и хоронили мы, как положено людей хоронить. Странно: я многих министров повидал. Ни один из них вообще этой темой не интересовался — все они как-то пытались ее обходить. Никто никаких вопросов не задавал.

24 мая 1999 года Юрий Сиваков приехал в СИЗО. Тогда как раз осудили одного офицера внутренних войск за покушение на убийство — 6 лет ему дали. Звонят мне из аппарата Сивакова и говорят: «Завтра вы должны привезти этого человека в кабинет к министру». Я ответил: «Для этого есть конвойное подразделение ГУВД». Нет, в самом деле, как я его повезу — без соответствующих документов, без разрешения Верховного суда? Не хотелось позориться перед сотрудниками. Меня потом «на ковер» замначальника ГУВД вызвал. Но я заупрямился. И вот вечером сообщают, что завтра министр сам приедет. Мы всю ночь работали: навели порядок, покрасили, побелили. Министр приехал, был очень доброжелателен. Походил-походил, потом говорит: «Ну хотя бы сюда ты можешь его привести?» А по закону к себе в кабинет я могу кого угодно, любого заключенного приводить. И вот, помню, первые слова Сивакова тому осужденному офицеру внутренних войск: «Ну, что ты натворил?» А тот отвечает: «Вы же знаете: если бы хотел убить — убил бы». Я тогда еще не въехал ни в суть вопроса, ни в суть ответа. Потом они еще поговорили. Осужденный просил квартиру для семьи. Министр сказал ему: «С квартирой проблемы, а общежитие твоей жене дадим». В общем, они поговорили, осужденного увели, потом министр уехал, поблагодарив меня. Расстались мы очень хорошо. Именно в тот день он спросил меня, почему мы не пользуемся крематорием. Обещал помочь организационно. Это было 24 мая, а 7 мая пропал Захаренко. Я все объяснил насчет крематория (что это может привести к расшифровке), и он перед уходом сказал, чтобы я подумал и внес свои предложения. А спустя какое-то время Кадушкин (бывший начальник Комитета исполнения наказаний при МВД РБ) спросил: «Ты обдумал предложение министра?» Я ответил, что обдумал, но в условиях Минска сегодня нет никакой возможности пользоваться крематорием.

О Валерии Игнатовиче:

Специальная информация

Игнатович — бывший офицер спецподразделения «Алмаз», приговоренный за похищение оператора ОРТ Дмитрия Завадского к пожизненному заключению. По версии суда и следствия, Игнатович отомстил Завадскому «за Чечню». Вернее, за интервью «Белорусской деловой газете», в котором Дмитрий рассказал о задержанном федеральными войсками офицере «Алмаза», которого заподозрили в том, что он воюет на стороне боевиков.

Он в Ханкале мародерством занимался. Если чечены мои знакомые узнают, что он в Ханкале грабил (он, кстати, сам об этом в камере рассказывал определенным лицам), то ему все равно головы не сносить. Не только руки отрежут, но и все остальное. Он в Ханкале брал золото, бриллианты в чеченских домах. Награбленным, кстати, потом расплатился за автомобиль с бывшим сослуживцем, который в Израиль уезжал. Но Игнатович никем не командовал — он не был лидером группы, не мог решать, кого ему брать, кого не брать.

На допросах, я знаю, он вообще ничего не говорил. Я его в камере посещал, мы разговаривали, даже про Чечню. Он голодал, правда. Помню, когда Наумов однажды пришел, то сказал: «Вы там поосторожнее с ним. А то он вроде и голодает, но в Чечне по 90 километров в день по горам пробегал». Но к делу Завадского, я уверен, он непричастен. Если бы была малейшая информация, я бы ее знал. Просто Александр Григорьевич поклялся, что найдет виновного, вот Игнатовичу и «нагрузили» Завадского. Расстрел — процедура долгая. В течение года человек пишет кассации. Кто знает, что он там может написать? Возможна утечка информации. Поэтому с ним был заключен договор.

Я Игнатовича как-то спросил: «Ты на чьей стороне в Чечне воевал?» Он в ответ: «А вы чеченец?» Я говорю: «Наполовину». Он сказал: «Тогда я промолчу». На этом разговор закончился.

Кстати, я слышал, что Мацкевич (бывший председатель КГБ) видел запись, где Захаренко — с отрубленными руками. Тогда еще все подумали, что это почерк Игнатовича. Тот в Чечне этому обучился. Мне об этой видеозаписи рассказал друг, который вообще к силовым структурам отношения не имеет, — заместитель председателя колхоза. Он заехал ко мне буквально на следующий день после ареста Павличенко и говорит: «Слышал о видеопленке?» Такая видеопленка могла на второй же день выйти только из одного места: из кабинета Мацкевича. А сейчас, думаю, она осела в кабинете Шеймана.

22 ноября Наумов приходил к Игнатовичу в СИЗО. Я их разговора не слышал, вышел на это время из кабинета. А когда выходил Наумов, я услышал только одну, последнюю, фразу: «Ты подумай, Валера, и скажи, пока не поздно, где закопан Завадский». Потом мы пили чай, и после этого Наумов говорит: «Ну все, мы пошли арестовывать Павличенко». Я еще спросил: «Помощь нужна?» Он ответил: «Сами справимся». Мы как раз готовились отметить день рождения моего заместителя, была бутылка шампанского, так Наумов даже от шампанского отказался. Трезвый был.

То, что Игнатович не давал никаких показаний, было крайне выгодно и следствию, и суду. В результате все обвинение базировалось на показаниях двух других лиц под чужими фамилиями. Эти двое уже были осуждены и сидели в колониях. Им вместо пожизненного дали по 8 лет еще два года назад. И вот эти два чудака на Игнатовича нагородили. Почему суд был закрытый? Чтобы свидетелей никто не опознал. А они дали показания типа «он с нами был третьим». Их фамилии даже нигде не всплыли.

А Игнатовичу, заметьте, так и не инкриминировали убийство Завадского — только похищение. Да их всех Завадский и не беспокоит сейчас — боятся, что если Игнатович заговорит, то заговорит по другим делам. Вот и устроили этот компромисс.

Когда власть изменится, Игнатович, конечно, заговорит. Да все заговорят. И преступления будут раскрыты. Я как-то даже пошутил: «Дайте мне на месяц пост генерального прокурора — я вам все раскрою, и даже зарплату мне платить не надо».

О Дмитрии Павличенко:

Специальная информация

Павличенко — командир спецотряда быстрого реагирования (СОБРа), любимого спецподразделения экс-министра внутренних дел Сивакова. По одной из версий, именно он являлся руководителем большинства «деликатных операций».

— Моя группа работала с высшей степенью конспирации, а Павличенко позволял себе варианты. Он импровизатор, он же не знал ничего, не видел инструкцию. Она, правда, в одном экземпляре и только у меня. Еще в прокуратуре есть, у генерального.

У меня 27 ноября 2000 года состоялся разговор со следователем Иваном Бранчелем. Тот пришел возвращать мне пистолет, протокол моего допроса и прочие доказательства. Я спросил его: «Как же так, Иван Иванович?» Он говорит: «Мы четыре раза ходили президента убеждать... Бесполезно». И в тот же день президент объявил о переназначениях...

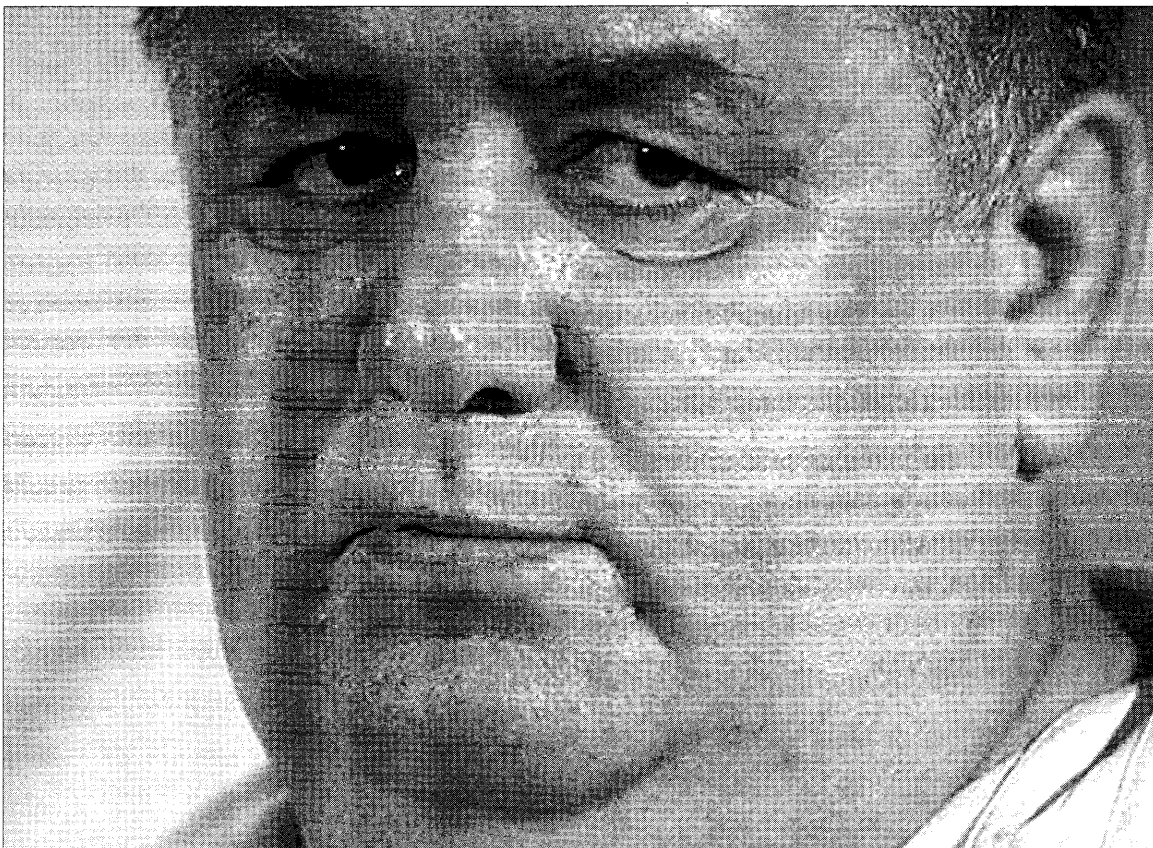
Мне кажется, что Павличенко на допросе все подтвердил. Я даже в этом уверен. Я таких сотни видел — людей, которые убивали, а потом сопли распускали. Если бы не подтвердил, Наумов никогда бы не решился просить санкции на арест Шеймана. Это было возможно только после признания Павличенко. И вот тогда всеми силами начали его освобождать. Говорят, что когда его привезли к президенту, тот спросил: «За что тебя арестовали?» Павличенко ответил: «За то, что я выполнял приказы президента». Этого оказалось достаточно.

И еще пока никто не ответил на вопрос: что было написано в постановлении об аресте Павличенко? Да, он был арестован превентивно, но все равно нужно было что-то написать в постановлении.

Никто, кстати, так не навредил расследованию, как Угляница с компанией. Они своими расколками поставили под сомнение и меня, и Случека с Петрушкевичем с их документами. (По поводу Случека с Петрушкевичем могу сказать: если они смогли отксерокопировать «совершенно секретные» документы, можно представить себе, как они там, в прокуратуре, хранятся. Половину прокуратуры за это посадить надо.) В общем, я думаю, кто-то узнал, что Угляница с Жерносеком играют в войнушку, и умело им подставили какого-то солдата, который, кстати, давно демобилизовался и ничего внятного не сказал. От кого-то слышал, где-то что-то видел... Ничего конкретного! Ну кто начнет в 50 метрах от части трупы прятать? В лесу, что ли, мало места? Их просто грамотно вели опытные «кукловоды». Я хорошо знаю систему МВД — ага, так бы они и полетели все во главе с министром землю копать вместе с прессой. Прекрасно они знали, что там никогда ничего не было, никакой машины. Дали бы мне того солдата, он бы через 15 минут все сказал: или где на самом деле что закопано, или что он все наврал.

Когда Дмитрий Павличенко присутствовал на процедуре исполнения приговора, он спрашивал о местах захоронений. Сказал, что имеет информацию о спецучастках на Северном кладбище. Кстати, это неправда — мы тогда на кладбищах не хоронили. И я ему не сказал, где на самом деле это происходит. Правда, предложил: «Если хочешь, тем более если тебя министр прислал, то я могу туда пригласить завтра». Но он на следующий день на захоронение не пришел. Хотя у меня был приказ показать все. А потом еще Кадушкин сказал: «Олег, да свози ты его, пусть посмотрит, а то меня уже министр душит».

Вообще же наше государство к вопросу захоронений расстрелянных подходит очень серьезно. Места захоронений выделялись на высоком правительственном уровне. Это все было настолько законспирировано! Специально — чтобы пустить всех, кто заинтересуется, по ложному следу — распускались слухи. Да вы что, если бы стало известно, где хоронят, на том месте такое бы началось!

REX/ProMedia

О «расстрельном» пистолете:

— Это серийный табельный пистолет для специальных операций. Туда входит обычный патрон Макарова, только пружины немножко другие. У этого пистолета малая убойная сила, и он производит мало шума. Предназначен только для выстрелов в упор, то есть для совершенно конкретных боевых действий. Если бы уж очень нужно было такой пистолет для каких-то учебных действий брать — министру бы со склада МВД чемодан таких привезли! А на складе Министерства обороны вообще какие хочешь лежат. Я сам потом еще два пистолета получил. По моему мнению, именно этот пистолет понадобился, чтобы придать убийствам ритуальный обряд — так сказать, законная расправа. И человека унизить до конца. Тем более что Сиваков — человек театральный, большой любитель эффектов. И еще. Думаю, с их точки зрения, именно этот пистолет не идентифицируется. Больше я не вижу никаких причин — в конце концов, человека можно и палкой убить. Не отметаю также версии о видеозаписи — кому-то эта запись должна была порадовать глаз. Возможно, Шейман должен был потом посмотреть и оценить исполнение. А может быть, и Александр Григорьевич. Во всяком случае, я знаю, что смертные приговоры Александр Григорьевич подписывал именно 31 декабря. А потом поздравлял белорусский народ.

С пистолетом они, правда, перемудрили. Я ж не по устному распоряжению его выдавал. Дик — человек военный, он расписался в журнале. Он сам, кстати, начальник вооружения, и если бы я ему так выдал, без регистрации, он бы меня еще и уличил в нарушении инструкции. Кстати, это была большая ошибка — посылать Дика за пистолетом. Если бы пришел кто-то другой, я бы просто так пистолет дал. А пришел Дик, и я подумал: ага, провокатор! Он еще принес бумагу от замминистра внутренних дел Чванкина с резолюцией Кадушкина.

Кадушкин написал: «Товарищ Алкаев, решите вопрос положительно». А как мне еще решить вопрос? Я думал: может, для какой-то экспертизы, может, отстрелять — мало ли зачем он понадобился?

Дальше цепочка выстраивается такая: Дик относит пистолет Чванкину. Но ему этот пистолет сто лет не нужен — Чванкин ничего крупнее рогатки сроду в руках не держал. Какие, к черту, он может стрельбы организовывать? Короче, они так перешифровались, что вызвали у меня еще тогда большие подозрения.

Но инструкцию я не нарушил. Думал, пистолет берется для учений — в приказе, кстати, так и было написано. Никаких боеприпасов к нему мы не выдавали. Пистолет взяли 7 мая, а где-то в конце мая мне уже надо было с ним работать. Я спрашиваю Дика: «Где пистолет?» Он пошел к Чванкину и принес. Только одно было странно: впервые пистолет вернулся заржавленным. Наверное, где-то на болотах им пользовались, уронили и не почистили. Тогда, правда, я не придал этому значения: мало ли, думал, может, где-то по воробьям или по бутылкам постреляли — у нас, у офицеров, это в порядке вещей.

Есть еще одна штука, о которой я прежде не говорил. Таких пистолетов было два: один у меня, второй — у Вишнякова. Полковник Вишняков тогда командовал бригадой, которой сейчас командует Павличенко. Так вот, у Вишнякова был такой же пистолет. Он вообще очень порядочный офицер. Конвойщик. Его потом сместили, потому что конвойщики очень неудобные люди. Перед ним ставят задачу, а он спрашивает: «Позвольте уточнить, зачем это нужно». А танкисты не уточняют.

О Щавлике:

Специальная информация

Владимир Клещ, он же Щавлик, один из наиболее авторитетных белорусских воров в законе. Таинственным образом исчез, и никакие поиски результата не дали.

— Уже здесь, в Берлине, я получил от одного авторитетного человека, которому доверяю, информацию о том, что Щавлик жив-здоров и живет в Москве. У меня пока нет возможности проверить эту информацию, но вот что я помню. Тогда, незадолго до исчезновения Щавлика, были задержаны два бандита. Один — Леня Зворыко, фамилию второго не помню. Они, естественно, тут же «отмазали» Щавлика и взяли все на себя. Но он должен был проходить свидетелем по делу, поскольку сидел в машине и все видел. А вор в законе ну никак не может выступать в суде ни свидетелем, ни потерпевшим. И потому для него был один вариант: просто исчезнуть.

Хотя легенд в Беларуси ходило немало: один будто бы видел, как Щавлика убивали; второй видел, как его расчленяли; третий утверждал, что знает печку, в которой Щавлика сожгли. Некоторые даже говорили, что в печке у меня на территории тюрьмы. У меня там печка действительно была. Мы в ней бумагу жгли. Одного заключенного опера месяц по городу возили: он все обещал вспомнить дом, в котором Щавлика держали. Говорил: «Вроде крыша не синяя, а зеленая была». Так и катался. Для него же это просто прогулки были…

Но Щавликом не я занимался, а мой тогдашний заместитель Коля Саевич (теперь он начальник СИЗО). Ко мне более серьезная информация стекалась. Поэтому мое преимущество в том, что я знаю, где что искать.

О Владимире Наумове:

— Помню, в апреле 2000 года ко мне пришел Наумов. По заданию президента интересовался директором цирка Бондарчук, которая тогда была арестована и содержалась у меня в СИЗО. Президент послал его разобраться. (Сиваков тогда уже ушел в отставку.) И я спросил Наумова: может, это за спиной президента творятся такие дела? Я сказал ему: «Владимир Владимирович, вы у ног президента днем и ночью. Ближе никого нет. Может, он не знает?» И поделился подозрениями, которые у меня уже были. Я сказал, что убежден: Захаренко, Гончар и Красовский убиты. Рассказал ему про странные совпадения с выдачей пистолета в определенные дни, про подозрения насчет использования пистолета для убийств. Ведь только военный мог не знать, что этот пистолет идентифицируется. Он точно так же отстреливается, и пули хранятся в пулегильзотеке. Я Наумову все сказал: «Представь себе, Володя: находят труп, в нем пулю, по пуле устанавливают оружие, а этот пистолет хранится у меня. И что дальше? Через два часа меня арестовывают или вообще расстреливают в моей любимой тюрьме. И кто мне поверит, что я, человек, совершивший столько заказных убийств, не убивал этих троих? Найдут кучу свидетелей, еще и моих ребят пару подкупят». Наумов говорит: «Я тебя понимаю, у меня у самого такой случай был. Получил как-то раз пять автоматов, а из них буквально через месяц на белорусско-литовской границе в Мядининкае литовских таможенников застрелили. Хорошо, успел справку получить, а то сам сидел бы». Я просил Наумова спросить у президента, может, он не знает, что за его спиной происходит. Я считаю, что президент стал заложником ситуации. Если бы не лез в уголовные дела сам, может, его имя и не связывали бы с преступлениями. А то сам решил, что директорша цирка невиновна, без всякого следствия…

Наумов уверенно шел к раскрытию этих исчезновений. Я до сих пор не могу понять, почему ему не хватило ума пойти к президенту и спросить прямо: замешан ли Шейман? Может, и я бы не стал писать свой рапорт — я ж не самоубийца, в конце концов. И Лопатик (бывший начальник главного управления уголовной милиции МВД) не самоубийца. Я писал рапорт потому, что считал Наумова честным человеком. Я ведь не в газету писал письмо! Знаете, как некоторые: захотел за границу — написал письмо в газету. Наумов все знал, но предпочел молчать, сделать вид, будто все забыл или вообще не знал. Ничего не поделаешь — сломался, получив должность. Ему этой должностью рот заткнули. Все-таки стал министром внутренних дел в 44 года! Берия стал министром государственной безопасности вообще в 32 года (На самом деле Берия стал наркомом внутренних дел в 39 лет) Но это для него плохо кончилось.

О Михаиле Удовикове:

Был у меня с Удовиковым (сейчас заместитель секретаря Совета безопасности) однажды разговор. В то время Сиваков уже ушел, а Наумов еще не пришел. И обязанности министра исполнял Удовиков. Я рассказал ему о своих подозрениях. Удовиков сказал: «Я все знаю. Уничтожь пистолет. Я подпишу любую бумагу, любой акт. Только уничтожь. Молотком расплющи». Я спросил: «А как же пуля в пулегильзотеке?» Удовиков ответил: «И ее уничтожь». Я отказался.

Я сейчас назову людей, которые все знают и могли бы рассказать, но им мешает трусость. Наумов, Удовиков, Чергинец, Мацкевич, Лопатик, Куприянов, Бранчель. Рассказали бы всю правду Александру Григорьевичу — он бы сам повесился, и не нужно никакой атомной бомбы. Что стоило тому же Бранчелю не выбрасывать доказательства, а выделить все в отдельное производство? Испугался. Трусость не позволяет им всем ничего говорить. Каждому из них пора уже колготки покупать и поздравлять их с 8 Марта.

О Викторе Шеймане:

Генеральный прокурор никогда не подписывает постановлений об аресте. Это всегда делают всякие косухи-снегири. А санкцию на арест Дмитрия Павличенко давал лично генеральный прокурор Божелко. Хотя мог бы любой районный прокурор подписать. Или военный. Почему, спрашивается? Да потому, что замахнулись они вовсе не на Павличенко! Они замахнулись на Шеймана, который к тому времени уже всех достал. А тут — такой случай! Ну как им не воспользоваться? Наумов мне как-то сказал: «Всю работу сделали в результате сведением личных счетов». Может, он и прав.

Я свой рапорт написал уже после ареста Павличенко. Подумал, что делу дан, наконец, законный ход, и я готов быть свидетелем. 23 ноября мне позвонил Наумов и сказал: «Сходи к Лопатику, ему нужна вся информация, которой ты располагаешь». Мы с Лопатиком в одном кабинете рапорты писали. Помню, он уже закончил, а мне еще немного времени надо было. Так он мне еще сказал: «Давай поторопись, вас всех наказать нужно, один я работаю, а больше никто». Довольный такой был. Наверное, он уже представлял себе, как станет заместителем министра внутренних дел. Все-таки, не будучи пьяным или под наркотиками, написать документ на второе лицо государства — Шеймана — большой риск. Значит, кроме наших двух рапортов у него было что-то еще. Какие-то другие документы. Но я их не видел — у нас не принято в чужих кабинетах документы на столах рассматривать.

24-го рано утром снова позвонил Наумов и говорит: «К 10 часам подойди в МВД, тебя допросит следователь». То есть утром еще казалось, что все идет как надо. Меня допросили в здании МВД. Потом следователь Казаков, который меня допрашивал, сказал, что должен изъять мой пистолет. Кстати, он во время допроса несколько раз спрашивал о захоронениях: смогу ли я отличить «своих» от «чужих». По ходу его вопросов получалось, что была некая группа, которая работала «под нас». Короче, пошли мы с ним в мой кабинет, там я включил телевизор — как раз новости в час дня передавали по БТ. Слышу: Шейман освобожден от должности госсекретаря Совета безопасности. Ну, думаю, совсем все правильно идет. Пистолет у меня изъяли. Зашел еще прокурор по надзору Заводской прокуратуры. Я ему говорю: «Слышал новости?» Он мне: «Да ты что, не может быть!» В общем, эйфория была. А тут еще Божелко освобожден, Мацкевич освобожден… В общем, я был уверен, что это все в русле того уголовного дела полетели головы. В такой эйфории день прошел. А 27 ноября прибегает ко мне Бранчель со словами: «Мы тебя не видели, не вызывали, забудь о том, что тебя допрашивали!» Я ему: «Да что случилось?» Он говорит: «Шейман назначен генеральным». В тот же день показали по телевизору выступление Лукашенко в КГБ, где он рассказывал, что сам за все ответит. А на следующий день я звоню Наумову: «Что мне теперь делать, товарищ генерал?» Он отвечает: «Все в порядке. Я сказал, чтобы тебя не трогали». Потом меня даже повысили в должности: перевели в Комитет по исполнению наказаний.

Чтобы победить Шеймана, нужно обязательно будоражить общественное мнение! Без этого никак нельзя. Вот пусть бы «Народная воля» каждый раз выходила с шапкой «Господину Шейману осталось до ареста столько-то дней». Был бы я в Беларуси, я бы ему каждый день слово неприличное на дверях писал.

Дать что-нибудь

Национальный

Ася ТРЕТЮК

Любая политическая кампания, навязанная народу «сверху», влечет за собой усиление режима во всех его проявлениях. Приоритет в такой ситуации, как правило, отдается системе тотального контроля. Не от того ли в маленькой, но гордой Беларуси главный контролирующий орган превратился в особый вид власти, обладающий неограниченными полномочиями? Этакое государство в государстве с ярко выраженными чертами диктаторского режима — никому не подконтрольное, кроме самого правителя.

Взойдя на политический Олимп власти, молодой глава государства клятвенно заверял электорат, что если по истечении двух президентских лет он не выполнит данные народу предвыборные обещания, то немедленно уйдет в отставку. Прошло два года, и вместо, казалось бы, ожидаемой по всем показателям отставки всенародноизбранного доверчивый электорат с головой «окунули» в референдум, вошедший в историю белорусской современности как конституционный переворот. Спустя десять дней после этого эпохального события первым по важности документом стал указ А.Лукашенко о создании высшего контрольного органа — Комитета государственного контроля, подотчетного непосредственно инициатору референдума ноября 1996 года.

Око государево

Глава Комитета госконтроля (КГК) Николай Домашкевич в среде сослуживцев слыл человеком безынициативным, с ярко выраженными замашками руководителя провинциального уровня, неспособного генерировать рациональные идеи, что особенно проявилось в его бытность главным специалистом Контрольной палаты РБ по Сенненскому району Витебской области. Совершив головокружительный карьерный взлет, Николай Федорович готов был рыть землю, лишь бы доказать свою преданность А.Лукашенко. Вместе с тем, несмотря на очевидный служебный инфантилизм, главный контролер страны выражал готовность выполнить самые деликатные поручения Александра Григорьевича и его ближайшего окружения. Это объяснялось просто: приехавшему из отсталого района Витебщины провинциалу необходимо было утвердиться в обойме власть имущих. Что касается исполнения им непосредственных обязанностей шефа КГК, то здесь возникала масса вопросов не менее деликатного свойства.

...На крючок контролеров генеральный директор Минского завода электронных вычислительных машин им. Орджоникидзе Анатолий Харлап попал во время плановой проверки предприятия, где были выявлены серьезные нарушения в учете и реализации драгметаллов. С благословения начальства заводские умельцы извлекали из новых комплектующих для вычислительных машин устройства, содержащие наибольшее количество драгметаллов, а затем по заниженным ценам продавали коммерческим структурам, в том числе и за океан. Как выяснилось, генеральному удалось договориться с руководством Комитета по драгоценным металлам, чтобы последний изменил нормы выхода золота, платины, серебра и проч. в сторону их уменьшения. Результат бурной деятельности г-на Харлапа — ущерб в размере 400 тыс. долларов, а также недостача 80 кг золота на вверенном ему предприятии — был отражен в соответствующем акте, где предлагалось расторгнуть с Харлапом контракт, а материалы проверки передать в правоохранительные органы для возбуждения уголовного дела. Казалось бы, настало самое время для прокурорского реагирования, чтобы установить, в каких банках и на чьих расчетных счетах «осели» излишки от заниженных норм выхода драгметаллов. Тем более что Харлап в ревизуемый период дважды откомандировывал своего помощника в США якобы по служебным вопросам.

Увы, тому не суждено было сбыться. На выручку Харлапу пришел — кто бы вы думали? — главный контролер страны Домашкевич. Это он акт о выявленных на заводе им. Орджоникидзе нарушениях списал в архив, сославшись на то, что, дескать, вот-вот должен выйти указ президента о назначении А.Харлапа на пост министра промышленности. Что, собственно, вскоре и произошло.

А вот с главой Нацбанка Т.Винниковой Домашкевич обошелся куда суровее. 14 января 1997 года во время совещания по настоятельной просьбе шефа КГК ничего не подозревающая банкирша вышла в соседний кабинет, где ее ожидали следователь генеральной прокуратуры Кудин и полковник милиции Кужель, предъявивший постановление об аресте. Заметим лишь, что в аресте «особо опасной преступницы» принимали участие бойцы «Алмаза», которые без ведома шефа КГК не имели права войти в здание комитета. Почему эта заранее спланированная акция была проведена именно в стенах контролирующего ведомства? Ведь о «шалостях» банкирши президенту было известно задолго до ее назначения на пост главы Нацбанка. Кстати, а почему сегодня беглянкой никто не интересуется? Кажется, независимые СМИ еще три года назад любезно подсказали нашим правоохранителям, где искать «орхидею», а те и по сей день тушуются...

Впрочем, если говорить о «деликатных» поручениях, то в послужном списке Комитета госконтроля есть более масштабные операции. Вспоминается весна 1997-го, когда наши доблестные контролеры «накрыли» районную знать Борисова в самый неподходящий момент — во время новоселья местных налоговиков. Те только начали праздник, как тут же с криком: «Стоять на месте! Здание заминировано!» — ворвались какие-то незнакомые люди в сопровождении шести сотрудников милиции. Какие мотивы заставили столичных контролеров по анонимному звонку совершить марш-бросок на расстояние 65 км, можно лишь догадываться. Возможно, интрига состояла в том, что одним из самых почетных гостей на этом увеселительном мероприятии был председатель Борисовского горисполкома, он же коммунист-калякинец В.Капульцевич. Бытует мнение, что если бы он был «чикинец», то есть член КПБ, поддерживающей нынешний режим, то на новоселье вместо контролеров могла бы прибыть разве что «скорая», да и то в случае передозировки.

Складывается впечатление, что более важной задачи, чем вмешиваться в устоявшиеся в чиновничьей среде традиции, у контролирующего ведомства республики не было. Народу же это было подано под соусом борьбы с зарвавшимися чиновниками-бюрократами, устроившими пьянку на рабочем месте, да еще за народные деньги. Нетрудно догадаться, что все участники торжества в одночасье остались без работы, хотя, с их слов, веселились они по окончании трудового дня.

Сыны и пасынки

Задействовав немалые людские ресурсы для «укрощения» чиновников славного города Борисова, у КГК в то же время никак не доходили руки до акул теневого бизнеса Витебщины, где почти в открытую производили и реализовывали самый «стратегический» товар — алкогольную продукцию. Так, специалистами Главного контрольно-ревизионного управления КГК и налоговой инспекции Шумилинского района при проверке деятельности некоего ЗАО «Майр» были установлены многочисленные нарушения. Как выяснилось, эта фирма, будучи незаконно зарегистрированной, создала свои заводы-филиалы. По факту теневого бизнеса прокуратурой области было возбуждено уголовное дело, которое потом благополучно «похоронили». Материалы ревизии ЗАО были рассмотрены даже на коллегии КГК, но этим все и закончилось. Видя лояльность Домашкевича, председатель Витебского облисполкома В. Андрейченко вместо того, чтобы свернуть нелегальное производство алкоголя, начал «бомбить» правительство просьбами о передаче «Майр» в коммунальную собственность при одновременном списании всей образовавшейся перед бюджетом задолженности в размере 33 млрд рублей. Должно быть, у губернатора не было других более важных проблем, нежели возиться с фирмой, имеющей весьма сомнительную репутацию. Словно речь шла не о нарушителе закона, а о градообразующем предприятии. Забегая вперед, заметим, что настанет день, когда А.Лукашенко вручит Андрейченко и Домашкевичу высокие награды — «за труд и преданность делу».

Знать бы, что президент имел в виду под словом «преданность». А то ведь на сей счет всякое судачат. Например, земляки Домашкевича вспоминают, как, будучи еще слушателем ВПШ, он постоянно возил из Витебщины в столицу в трехлитровых банках спирт, который на тот момент в республике еще не был в свободной продаже. Не оттого ли и сегодня фирмы, осуществляющие производство и реализацию алкогольного продукта все в той же Витебской области, считаются постоянными «клиентами» контролеров? Последним особенно запала в душу некая ПТФ «Саабон», с деятельностью которой Домашкевич был знаком не понаслышке. Именно по его инициативе «дело «Саабона» рассматривалось не в Витебске, как это принято, а на коллегии в столице. После чего наложенные на фирму штрафные санкции в размере около 100 тыс. долларов так и не были применены, а уголовное дело по материалам проверки госконтроля прекратили. Благодаря чему, как считают местные контролеры, этот «источник» не иссякает с 1997 года и по сей день. Не так давно эта фирма опять попала «под раздачу» — за реализацию по завышенным ценам 6500 литров водки «Славянский базар».

Байка для олигофрена

Апофеозом деятельности Домашкевича на посту главного контролера страны является один приснопамятный эпизод. Еще в 1995 г. контролерами проводилась проверка финансово-хозяйственной деятельности фирм ЗАО «Эйд» и «Markrose Trading Company», которые осуществляли операции, связанные с переработкой нефти, поставляемой на Мозырский НПЗ с последующей реализацией нефтепродуктов. Выяснилось, что за ревизуемый период — а это два года — ими был получен доход в размере более 23 млн долларов. Однако указанную сумму сокрыли от налогообложения, в связи с чем были наложены штрафные санкции на «Эйд» в размере 40,8 млрд рублей, а на «Markrose Trading company» — более 46 млн долларов.

А дальше начались какие-то «непонятки», напоминающие скорее игру в карты, где игроками являлись с одной стороны государственные мужи в лице руководителей Комитета госконтроля Домашкевича и Главной налоговой инспекции республики Денисова, с другой — бизнесмены, возглавляющие «Markrose Trading company» и «Эйд». На кон были поставлены долги этих фирм перед государством. В течение трех лет продолжалась игра за казенный счет, и все это время фирмачи жаловались своим партнерам по бизнесу, что они несут огромные «представительские» расходы. Хэппи-энд был таким: государство с его силой и мощью потерпело позорное фиаско, так и не дождавшись 40 млрд рублей и более 46 млн долларов, которые растворились в неизвестном направлении вместе с фирмами-штрафниками.

Более значимой суммы, подлежащей взысканию в доход государства, Комитет госконтроля эпохи Домашкевича еще не знал. Исходя из размера санкций, даже олигофрен не поверит, что «крупняк» ушел из-под носа государства, как принято говорить, по служебной халатности...

В этот же период Домашкевич начал упразднять Главное контрольно-ревизионное управление КГК, специалисты которого и проверяли «Markrose Trading company» и «Эйд».

Вздох облегчения пронесся в среде чиновников всех рангов, когда стало известно, что Н.Домашкевича перебрасывают на новый фронт работ — слишком многим к тому времени шеф КГК успел насолить. Сам же он узнал об этом на очередном заседании комитета, когда неожиданно позвонил президент. При этом вид главного контролера страны, по словам очевидцев, был удручающий. На следующий день, 2 декабря 1998 года, он был «сослан» на Минщину, куда сейчас частенько наведываются с проверками контролеры.

Человек с компроматом

Если бы бывший снабженец завода «Диапроектор» В.Долголев в один прекрасный день не возглавил президентскую службу контроля, Беларусь никогда бы не узнала такого выдающегося деятеля современности, как Андрей Кобяков. Едва перебравшись из Рогачева в столицу, Долголев через несколько месяцев назначил своим заместителем бывшего коллегу по заводу «Диапроектор» Кобякова. Сослуживцы-контролеры вспоминают, что, когда эта «сладкая парочка» обосновалась в здании контрольного ведомства на К.Маркса, 3, неотъемлемым атрибутом их рабочих кабинетов стали приборы ночного видения и оптика. Должно быть, лоббировали продукцию родного завода, проблемы которого не давали им покоя даже в Минске.

В отличие от хамоватого Долголева его зам был более интеллигентен и в целом оставлял приятное впечатление: умел адекватно реагировать, воспринимать и перерабатывать информацию, общаться с людьми и, что немаловажно, знал, где ставить правильно ударение в слове «средства». И это в нем подкупало. Однако его имидж в глазах сослуживцев подпортила ревизия финансово-хозяйственной деятельности центрального аппарата президентской службы контроля, которая выявила факт недостачи бензина, якобы израсходованного при эксплуатации Кобяковым служебного транспорта. Путем фальсификации документов была увеличена задним числом норма расхода бензина на служебный автомобиль Кобякова, чтобы скрыть факт недостачи более 2 тонн бензина АИ-95.

В акте ревизии руководителю контрольного ведомства предлагалось расторгнуть с Кобяковым контракт «за несоответствие занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, а также нарушение действующего законодательства и решений вышестоящих органов». Руководитель КГК обязан был направить результаты проверки в прокуратуру, но так и не направил. И это при том, что на акте ревизии стояла резолюция Лукашенко: «Принять самые жесткие меры».

Через два года человек с компроматом был назначен президентом Белорусского государственного концерна по производству и реализации товаров легкой промышленности («Беллегпром»). Новым назначением Кобяков наверняка был обязан Долголеву, занимающему на тот момент пост первого вице-премьера. Не успев утвердиться в новой должности, Кобяков вернулся в Комитет госконтроля, правда, уже в качестве его руководителя. Что за этими телодвижениями стояло, непонятно. Возможно, временно понижая Кобякова в должности, Лукашенко вспомнил китайский опыт времен дедушки Мао Цзэдуна, когда высоких чиновников «опускали» для перевоспитания, а затем снова возвращали в исходное положение. Иначе чем объяснить, что только в 1998 году Кобяков умудрился сменить три должности?

К слову, в том же 1998-м, выступая с докладом на республиканском совещании по вопросам повышения эффективности работы исполнительных и распорядительных органов республики, А.Лукашенко изрек: «Меня каждый день информируют о фактах воровства, разбазаривания горюче-смазочных материалов на местах. И речь идет о десятках и сотнях тонн разворованного бензина, дизельного топлива... У нас немалый штат контролеров, и надо Комитету государственного контроля повысить с них спрос за рациональное использование имеющихся ресурсов, обеспечить пресечение бесхозяйственности и воровства!»

Как знать, возможно, слушая двухчасовой президентский спич, интеллигентный Кобяков в душе заходился от хохота...

Длительное нахождение «многостаночника» на посту шефа КГК было невозможно по той простой причине, что он считался протеже Долголева. А вопрос доступа к телу всенародноизбранного, как известно, был прерогативой госсекретаря Совета безопасности В. Шеймана и всех, кто пытался под его ногами, всесильный Виктор Владимирович убирал со своего пути. Поэтому не стало большим откровением, когда после полуторагодичного пребывания Кобякова в должности главы Комитета госконтроля его «ушли» в правительство.

На «вахту» заступил полковник КГБ Анатолий Тозик.

«В дни суровых испытаний»

На должность руководителя Комитета госконтроля Тозик был назначен 22 июля 2000 года. На тот момент он являлся заместителем госсекретаря Совета безопасности, где главенствовал Виктор Шейман. Благодаря своему протеже шеф Совбеза еще дальше оттеснил своих конкурентов в клановой борьбе за доступ к «телу» и окончательно укрепился в роли второго лица в государстве.

Что же до назначенца Тозика, то к себе он привлек внимание еще в 1997 году, когда стал куратором знаменитого «дела Шеремета». Отечественные СМИ тех лет характеризовали Анатолия Афанасьевича как «одержимого и закостенелого чеки-

столбняк — 2

ста». Должно быть, на то были свои причины.

Выпускники Белгосуниверситета конца 70-х вспоминают, что некто А.Тозик еще со своего студенчества начал сотрудничать с известными органами, куда впоследствии был любезно приглашен на работу. Уже тогда у него начали проявляться способности, которые особенно ценятся в «конторе». Как освобожденному секретарю комитета комсомола БГУ тех лет ему была доверена важная и деликатная миссия — проводить собеседования со студентами, которых рекомендовали направить в ГДР в составе стройотрядов. Комсомольский вожак профессионально тестировал политическую зрелость отъезжающих, закрывая выезд за кордон тем, чьи идейные воззрения не вписывались в марксистско-ленинские каноны. К примеру, одну из студенток он спровоцировал на откровенный разговор о том, ограничивается ли в Советском Союзе свобода совести. Товарищ Тозик, очевидно, был осведомлен, что девушка лояльно относится к религии и не скрывает своих взглядов. В чем он, собственно, и убедился. «Незрелая» студентка обронила фразу, что права церковных организаций в СССР действительно ограничены. И путь в ГДР ей был закрыт.

Словом, у молодого ленинца открывались широкие перспективы для самовыражения, тем более в стране с двойной моралью. Так, например, в 1981 году издательством БГУ была выпущена небольшая, но ценная книжица с претенциозным названием «В дни суровых испытаний: укрепление рядов КП(б)Б в условиях подполья в годы Великой Отечественной войны» (1941-1944 гг.). Автором «произведения» объемом в 160 страниц и тиражом 2250 экземпляров оказался все тот же А.А.Тозик.

Свои глубокие теоретические познания в области «руководящей и направляющей роли КПСС» Анатолий Афанасьевич успешно передавал благодарным слушателям Высшей школы КГБ СССР (ныне это Институт национальной безопасности РБ), где он заведовал кафедрой и на протяжении 12 лет читал лекции о проблемах марксистско-ленинского учения. Вспоминают, что лекции полковника КГБ Тозика были очень увлекательными.

Глаза и уши президента

Сразу же после своего назначения председателем Комитета госконтроля Тозик дал интервью «СБ», в котором сказал следующее: «... Государство, в частности, не реализует в полной мере свое право собственника по отношению к имуществу, находящемуся в управлении. Даже государственные унитарные предприятия, уставный фонд которых стопроцентно принадлежит государству, до настоящего времени производят в бюджет такие же платежи, как и негосударственные предприятия...» По сути, новоиспеченный шеф КГК ратовал за более эффективное использование госсобственности. Что, конечно же, вполне соответствовало предназначению органа финансово-экономического контроля, который, выражаясь языком президента, обязан был поставить надежный заслон разбазариванию госсобственности. Однако по прошествии двух лет стало ясно, что благая идея Тозика осталась не более чем прожектерством: вклад государственных предприятий в бюджет катастрофически снижается в сравнении с коммерческими структурами. И это при том, что, по мнению большинства аналитиков, около 80% своих доходов негосударственный сектор, по известным причинам, скрывает от налогообложения. А чему, собственно, удивляться? Помните, как, давая традиционное напутствие Анатолию Афанасьевичу, Лукашенко сразу же очертил рамки дозволенного в деятельности КГК, назвав его «принципиальнейшим органом, глазами и ушами президента»? Развернув таким образом своего назначенца на 180 градусов, глава государства тем самым недвусмысленно указал Тозику его место.

Старые песни о главном

Быстро сообразив, что от него требуется, шеф КГК приступил к реализации багажа накопленных знаний, базирующихся, очевидно, на ленинской нетленке «Как реорганизовать Рабкрин». Похоже, что к нам возвращается наше славное прошлое. Посмотрите, какое историческое сходство с днем сегодняшним можно увидеть на стр. 779 Малой советской энциклопедии 1937 года издания: «По мере развития социалистического строительства и общего подъема народного хозяйства назрела необходимость решительной перестройки органов контроля. Необходимо от инспектирования перейти к оперативному, действенному контролю исполнения решений партии и правительства».

Что ж, поговорим об оперативности контроля. Для этого Тозик полностью укомплектовал подразделение по режиму и кадрам сотрудниками КГБ в составе 6 человек, которых бывший заместитель госсекретаря Совбеза привел за собой. В их задачу входило (как нетрудно догадаться) чуть ли не подглядывание в замочную скважину, но уже за самими контролерами. Неудивительно, что сегодня обитатели здания на К.Маркса, 3 настолько запуганы, что даже не в силах скрыть этот страх, явно не гармонирующий с их грозными должностями. Любой сигнал режимников Тозик воспринимает как руководство к действию, вряд ли сомневаясь в достоверности информации. Такая подозрительность привела к тому, что на одном из совещаний шеф КГК, как рассказали его подчиненные, озвучил следующую мысль: если контролер задержался на проверяемом объекте более трех-пяти дней, значит, его «прикормили». Философия, однако...

И это при том, что установлены нормы проведения контрольно-ревизионных действий. Если следовать этим нормам, отведенного Тозиком срока хватает контролерам только на «начетничество» и дезорганизацию работы проверяемых структур. Не оттого ли текучесть кадров в комитете сегодня вышла за рамки допустимого (более 90 человек в год)?.. Многие знающие себе цену специалисты не выдержали такой унизительной роли и ушли из этого ведомства.

Война с собственной тенью

Но еще больше не позавидуешь тем, кто попадает в поле зрения контролеров. Да и как не попасть?! Вначале государство создает запутанные и постоянно меняющиеся правила игры, а затем — огромную армию надзирателей, чтобы контролировать выполнение этих правил. Тем самым создается повод для проверок, выявляющих нарушения, которые в нередких случаях являются следствием перекосов государственной политики.

Кто же становится мишенями госконтроля в государстве, где личность персонифицирована, а власть сосредоточена в руках одного человека? Если абстрагироваться от опальных директоров-промышленников, заполонивших в последнее время камеры СИЗО, и вести речь о системе государственного контроля в целом, то главное внимание уделяется субъектам хозяйствования негосударственной формы собственности. Словно в частных структурах работают не такие же наши сограждане, а агенты иностранных разведок! Потому и оттягиваются контролеры на «вшивых блохах» по полной программе — разумеется, с благословения самого Александра Григорьевича.

А вот дышащие на ладан госпредприятия и субъекты аграрно-промышленного комплекса в большинстве случаев обладают иммунитетом к КГК. Будто неизвестно, что все льготы, преференции и дотации, которые уходят в государственные структуры, словно по сообщающимся сосудам переливаются в коммерческие, где нередко заправляют ну очень близкие родственники высокопоставленных особ, отмывающих названные выше привилегии. Почувствовали запах коррупции? Но отчего же борьба с ней напоминает войну с собственной тенью? И чем больше оригинальных технологий придумывает ведомство г-на Тозика, тем абсурднее выглядит эта война.

Как тут не вспомнить события двухлетней давности! В преддверии вступительных экзаменов на совещании Комитета госконтроля было принято решение об организации работы телефонов горячей линии, по которым желающие могли жаловаться на преподавателей и членов приемных комиссий любого учебного заведения. Для реализации этой благородной цели КГК пожертвовал свои собственные телефонные номера и даже обнародовал их в СМИ. Говорят, «стуку» было!.. Накал страстей в немалой степени подогревался тем обстоятельством, что «стучать» можно было анонимно, без всяких ограничений.

***

Да, лето 2001 года по всем показателям выдалось жарким. Все говорило о том, что предстоят не просто президентские выборы, а, выражаясь языком известного политика, схватка. Со всеми вытекающими.

Времени до «элегантной победы» белорусского правителя оставалось в обрез...

Контроль в Беларуси — особый вид власти

Следить за развитием

Для служебного пользования

Клонированный инсулин

Марьяна ДУНЦЕВА

После скандала, связанного с невыдачей официальной Прагой визы Александру Лукашенко, ОАО «Белмедпрепараты» больше не сотрудничает с чешской фирмой «Спофа». Выпуск свиного инсулина (почти столетие он применяется для предотвращения неконтролируемого повышения уровня сахара в крови при диабете) пока не остановлен. Но Минздрав Беларуси намерен в ближайшее время перевести большинство больных на генно-инженерный препарат, который производители при внедрении на рынок удачно назвали «человеческим». Тонкий пиаровский ход обеспечил ему признание больных. Хотя этот инсулин отнюдь не точная копия естественного гормона, который вырабатывает человеческий организм.

Генно-инженерный препарат получается путем микробиологического синтеза, как антибиотики и генетически модифицированные продукты, против которых выступают сейчас во всем мире. Он содержит примеси, многие из которых невозможно проконтролировать.

К 2005 году Минздрав собирается увеличить долю закупок генно-инженерного инсулина до двух третей в общем объеме и привлечь мировых лидеров к сотрудничеству по выпуску биосинтетического продукта. Белорусских эндокринологов и больных такая перспектива радует. Они утверждают, что переносимость генно-инженерного инсулина лучше. На Западе же, где всем без исключения новым пациентам назначается «человеческий» инсулин, диабетические ассоциации все чаще ратуют за возвращение в медикаментозную практику животного препарата. (С его закупками, кстати, уже возникают проблемы во Франции, Германии, Бельгии, Канаде, Австралии. Особенно после того, как датская фирма «Ново Нордиск», которая владеет 70% мирового рынка биосинтетического инсулина, купила мирового поставщика сырья для производства животного инсулина — бразильскую Biobras.) Потребители и некоторые западные ученые склонны обвинять генно-инженерный инсулин в том, что он убивает больных, которые вводят лекарство, чтобы спасти себе жизнь. Причиной смерти становится гипогликемия — когда уровень сахара в крови падает настолько, что тело остается практически без энергетического источника. Эти факты, впрочем, не мешают производителям клонированного инсулина вытеснять с рынка натуральный.

Синдром «мертвой постели»

20 лет назад производителям генетического продукта в упорной борьбе приходилось доказывать, что он ничуть не хуже проверенного долгой практикой предшественника. О возможном вреде свиных высокоочищенных инсулинов заговорили именно тогда. Ни одна из фирм-монополистов за 15 лет с начала накопления международного опыта лечения «человеческим» инсулином не привела научных данных о долговременных клинических наблюдениях, сравнивающих их продукцию и высокоочищенные свиные инсулины. Нет никакой научной информации о преимуществах биосинтетического продукта. А недавно в Великобритании был опубликован научный отчет о недостаточном тестировании генно-инженерного инсулина перед его выходом на рынок. В первом исследовании приняли участие всего 17 человек. Это ставит под сомнение качество продукта, который тысячи диабетиков вводят себе каждый день.

«Человеческое» название во многом способствовало тому, что больные «прозревали»: такой препарат, конечно, ближе к телу, чем животный. Многие, действительно, адаптировались без проблем. Хотя больные часто жаловались на ожирение, суставные боли, смертельную усталость. Фиксировались и необъяснимые смерти диабетиков. Человек ложился спать и без видимой причины уже не просыпался. Такие случаи назвали синдромом «мертвой постели». Тех, кто пытался заострить внимание на этой проблеме, обозвали паникерами. Но кто ради их здоровья откажется от миллионных прибылей?

Если бы было найдено хоть одно доказательство, что «человеческий» инсулин эффективнее своего предшественника, об этом бы давно заявили громогласно, предполагают сторонники старого препарата. В лучшем случае исследования не выявили никакой разницы между инсулинами.

По данным заведующего кафедрой и клиникой гастроэнтерологии Академии медицинских наук в Варшаве Вальдемара Карнафеля, человеческий организм вступает в конфликт с инсулином животного происхождения лишь в первый год лечения. А дальше — нет никакой разницы в клинической эффективности.

На одном из международных симпозиумов по сахарному диабету у детей и подростков эндокринологи из Питтсбурга заявили, что всегда используют свиной инсулин в лечении диабета I типа у детей, потому что на эффективность лечения это не влияет, а так легче контролировать уровень содержания сахара в крови. Был назван только один недостаток: свиной инсулин стоит дороже.

Специалисты установили, что натуральный инсулин, помимо сахароснижающего действия, оказывает более двадцати других метаболических эффектов. Искусственные инсулиновые аналоги лишены таких компонентов. К тому же натуральный инсулин участвует в регуляции процессов обучения, запоминания и памяти. В Беларуси считается, что дети, подростки и беременные женщины должны получать только модифицированный инсулин. Его стоимость у нас в два раза выше, чем свиного.

Обычно диабетик чувствует приближение гипогликемии даже во сне. У него есть время съесть что-нибудь сладкое, чтобы спасти себе жизнь. Но приблизительно у 5% диабетиков «человеческий» инсулин, который действует быстрее и агрессивнее на изменение уровня сахара в крови, блокирует естественные сигналы, предупреждающие, что уровень сахара опустился до опасно низких значений.

Недавно Швейцарская ассоциация диабетиков обнародовала данные о том, что между 1984 и 1987 гг. (когда усиленно внедрялся «человеческий» инсулин) произошло трехкратное увеличение числа больных, поступивших в одну из больниц Берна в бессознательном состоянии с глубокой гипогликемией. Начиная с 1983 года в США на маркировке препаратов печатается

Выбирать не из чего

предупреждение о возможности развития гипогликемии при лечении «человеческим» инсулином.

Цепная реакция

Российский рынок инсулинов развалился вместе с Союзом. Его сразу же завоевала «Ново Нордиск». Было заявлено, что советский инсулин никуда не годен. Никто не стал бороться за его чистоту, улучшать технологию. Просто закрыли заводы. И стали закупать инсулин у «Ново Нордиск». Сейчас в России сразу несколько организаций объединили свои усилия в рамках программы по производству отечественного генно-инженерного инсулина. Но потерянный рынок уже не вернуть. Монополист может так снизить цену, что отечественный продукт станет невыгодно продавать.

Из имевшихся в Советском Союзе заводов, которые производили животный инсулин, выстоял только один — наши «Белмедпрепараты». Но генеральный директор концерна «Белбиофарм» Вячеслав ДРАНИЦА считает, что правильнее пойти по пути россиян.

— На основании чего было принято решение о переориентации отечественного производства на генно-инженерный инсулин? Ведь еще несколько лет назад ВОЗ рекомендовала белорусам использовать свиной, который, по мнению экспертов, ничуть не хуже, зато дешевле.

— В основе лежит мировая практика. Концепцию принимали после предварительного глубокого анализа. В той же России доля генно-инженерного инсулина свыше 70%. В Казахстане, тоже не самой богатой стране, это вообще 100%. Несколько отличается подход в Украине, но там в собственное производство полусинтетического инсулина вложено около 50 млн долларов. (Украинские эндокринологи, кстати, нисколько не жалуются на качество лечения отечественным препаратом. — **М.Д.**)

К тому же мощность линии по выпуску животного инсулина на «Белмедпрепаратах» — 8 млн условных флаконов в год, а на внутреннем рынке продавалось только до 400 тысяч (по данным Минздрава, потребность страны в животном инсулине, как и в генно-инженерном, на 2003 год составляет 700 тыс. условных флаконов. — **М.Д.**). Мощности не востребованы.

— Работа по переориентации их на производство генно-инженерного инсулина уже началась?

— Есть два пути: сотрудничество с ведущими производителями и разработка собственной технологии. Учитывая, что генно-инженерный инсулин разрабатывался не один год, если мы пойдем по пути собственной разработки, то будем все время плестись в хвосте. Сегодня зарубежные фирмы-производители идут на диалог. Мы подбираем оптимальный вариант: чтобы был дешевый и надежный. Хотелось бы иметь свое производство и уверенность, что больные будут защищены в любой момент.

— Но в мире сегодня неоднозначно оценивают синтетический инсулин…

— Американские ученые иногда советуют отдавать предпочтение животному инсулину. Кстати, подобное наблюдалось, например, с привычным нам парацетамолом, который является основой многих лекарств. Его не раз пытались запретить, но и сегодня используют все.

— Может быть, причина вашего оптимизма в том, что этот вид инсулина не так долго применяется в медицинской практике Беларуси?

— Генно-инженерный инсулин применяется у нас более 10 лет. Есть категории больных, которым вообще противопоказан животный инсулин. Это доказано. Например, детям, беременным женщинам. Это уже говорит о том, что совместимость генно-инженерного инсулина выше. По параметрам совместимости с человеческим организмом группы идут так: животный, полусинтетический, генно-инженерный.

На самом деле различие между животным и генно-инженерным инсулином всего в одной конечной аминокислоте. Именно благодаря ей генно-инженерный инсулин действует на 10-15 минут быстрее. В то же время фармацевты предупреждают: генно-инженерный инсулин не идентичен веществу, которое вырабатывает человеческий организм. В нем есть примеси: и те, которые можно определить аналитически, и те, уловить которые невозможно. Например, полисахариды ни одной фирмой даже не включены в документацию по анализу инсулина. Примеси накапливаются в организме. И пока никто не знает, грозит это чем-то больным или нет. Сторонники животного инсулина говорят, что к продукту, «закодированному природой», человек более адаптирован, потому что потребляет его с детства.

Зато синтетический продукт выгоднее производить. Имея штамм, всегда можно получить необходимое количество субстанции. Это сокращает затраты. Тем не менее генно-инженерный инсулин стоит дороже. Секрет прост: не все могут его произвести. Специалисты, кстати, склоняются к тому, что разработать генно-инженерный инсулин в Беларуси в нынешних экономических условиях и с нашим уровнем развития молекулярной биологии нереально.

Сейчас, по словам Вячеслава Драницы, идут интенсивные переговоры с фирмами-поставщиками генно-инженерного инсулина. Выбирать особо не из чего. Его пока производят на планете всего три фирмы: датская «Ново Нордикс», американская «Эли—Лилли» и германская «Авентис» (10%).

В марте-апреле правительство Беларуси рассчитывает уже наладить совместное производство с одной из них. Впрочем, совместное производство — громко сказано. Никто не собирается делиться с нами технологией. Самое большее, что доверят нашим специалистам монополисты — наклеивать этикетки.

Несколько лет назад подобное «сотрудничество» уже велось. Фирма «Ново Нордиск» (кстати, в прошлом году именно она получила 75% белорусского госзаказа на инсулин и, скорее всего, именно на ее помощь рассчитывают белорусские власти сейчас) доверила «Белмедпрепаратам» упаковку инсулина. А когда государство задолжало фирме деньги, поставки прекратились. Новая концепция использования инсулинов в лечении сахарного диабета — попытка разрушить собственное производство животного инсулина. После этого монополистом на нашем рынке станет зарубежная фирма, выигравшая тендер. И сможет диктовать любые условия. И тогда больным, «подсаженным» на зарубежные поставки, придется туго. Без поддерживающей терапии диабетик может умереть всего за несколько месяцев. Кстати, проблемы с финансированием закупок инсулиновых препаратов для населения существуют в Беларуси и сейчас, несмотря на то, что отечественный животный инсулин (пока это половина в общем объеме) стоит в два (а по ценам зарубежного производителя, даже в три) раза дешевле.

В то же время самый «больной» вопрос для диабетиков — индивидуальный контроль содержания сахара в крови, который позволил бы снизить побочные эффекты развития болезни. Для этого каждому больному нужен специальный прибор. Но даже эндокринологи не обсуждают этот вопрос так громогласно, как проблему закупки инсулинов. На приборы денег не выделяют. Только на лекарства.

Разобраться

Карточные домики

Марьяна ДУНЦЕВА

Сейсмологи не относят Беларусь к зоне повышенного риска. Но жители по меньшей мере 72 белорусских деревень каждый день опасаются, что жилище затрещит по швам, а печь вдруг начнет ходить ходуном. Такое не исключено в округе шахтерского города Солигорска, где земная поверхность постоянно движется и деформируется.

На площади 20 тыс. га над шахтными полями земля «пускается вприсядку», пытаясь хоть как-то заполнить образовавшиеся внутри пустоты. Эти «пляски» доставляют немало хлопот дорожным службам и строителям, потому что прямых и ровных дорог при такой нестабильности рельефа быть не может, а возводя здания, надо строго следовать требованиям особого порядка застройки. Игры шахтеров с природой наводят страх на местных стариков: свои дома они строили до появления на этой земле «Беларуськалия». Тогда об особых требованиях слыхом не слыхивали. А сейчас во время сильных ветров и бурь многие жители выходят на улицу из боязни, что перекошенная крыша обрушится прямо на голову, а дом рухнет вмиг, как карточный.

Неустойчивое затухание

Если верить нормативным документам, то земная поверхность деформируется в течение четырех лет после подземных подработок. Потом наступает затухание. В деревне Закальное, которая сейчас находится в «сейсмоопасной» зоне 4-го рудника, выстоять могут только дома, опоясанные железобетонными конструкциями. «Пояса» поддерживают клуб, магазин, ферму, здание сельсовета. С ними, по словам председателя колхоза «Будаўнік» Андрея Жогло, «не так рвет дома», которые проседают, но все же не рушатся. Впрочем, предпринятые меры предосторожности полностью не уберегают от разрушений. Практически во всех 300 дворах деревни на крышах построек лопается шифер, дают трещины печи. Здание сельсовета построено в начале 90-х годов. Потолки в кабинетах прорезают глубокие и широкие трещины.

— Может ведь и рухнуть, — опасливо поглядываю наверх я.

— Нет. Пока не дойдет до аварийной массы, — оптимистично обнадеживает председатель.

По рассказам местных жителей, еще года два назад в новых домах ванны проваливались в подполье. Здание детского сада содрогалось. Туда стало опасно водить детей, потому что в окнах ни с того ни с сего лопались стекла. Правда, руководство «Беларуськалия», чьи ремонтно-строительные бригады и производят стяжку домов, подвалов и перекладку печей, утверждает, что не деформация земной коры «похоронила» детсад, а ненадлежащий уход за зданием. Сейчас от него осталась лишь коробка, и 18 младших жителей Закального сидят по домам. «Непричастный» к развалу садика «Беларуськалий» согласился помочь со строительством нового здания. Хотя в каждом подобном случае отстаивает свою невиновность до победного конца — пока обратное не докажет строительная экспертиза.

В поселке Вынья Любанского района даже в ясную погоду на стеклах окон частенько остаются желтоватые следы от моросящей неподалеку трубы 4-го рудника. Особенно достается крайнему дому, где живет Ольга Лук. Но до мытья ли окон, когда крыша раскололась, косяки «расходились», одна часть забора «нырнула» на несколько метров ниже другой, погреб того и гляди рухнет, а колодец завалился под землю?

Солеотвал находится в 950 метрах от дома Ольги Лук. И она полагает, что, по справедливости, всех 20 жителей Выньи давно пора отселить. По правилам, утвержденным еще в 1989 году, в санитарно-защитной зоне (на расстоянии 1 км) не должны размещаться жилые помещения. Только вот отсчет ведется от источника выброса — трубы рудника, а не от солеотвала, который «подполз» уже гораздо ближе.

Вынья попадала в зону горных работ дважды: в 1979-1980 годах и в 1982-м. По бумажным расчетам, фаза затухания длится уже 20 лет. «Беларуськалий» давно никакой ответственности не несет за происходящие на этой территории изменения. Их можно списать на дряхлость построек. Юридических оснований для отселения жителей поселка нет. А денег не хватает даже на новоселье для тех, кого официально признали нуждающимися в перемене места жительства. Например, стариков из соседней деревни Фольварок.

В советские времена «Беларуськалий» вел активное отселение из неустойчивой и «грязной» производственной зоны. Было перенесено около 600 дворов, построено несколько поселков для переселенцев.

— Раньше переселение велось за счет средств союзного министерства по производству минеральных удобрений. С начала 90-х годов в массовом порядке мы этого не делаем, но по каждому конкретному случаю решение принимает комиссия, — пояснили в заводоуправлении «Беларуськалия».

От Выньи до деревни Зеленый Мох, которой уже нет на карте, пару километров. Она лежит прямо у подножия солеотвала. На кривой улочке — два уцелевших дома. Хозяин одного из них Адам Васильевич зимой живет в городе. Летом его тянет в отцовский дом, от которого до сильвинитовой горы не больше 20 метров. Адам Васильевич сам когда-то строил калийный рудник, который поглотил родную деревню. А сейчас поднять свой дом ему уже не по силам. Пол в горнице накренился метра на полтора-два. Эту часть дома перекосило — вот-вот рухнет.

За треть века в Солигорском, Любанском и Слуцком районах по производственной причине исчезло около десятка населенных пунктов.

Большинство жителей поселка Мирный — переселенцы. Дома для них (как и все социальные объекты) возводили по заказу «Беларуськалия» в спешном порядке. Неудивительно, что жизнь в Мирном — как на пороховой бочке: водонапорная башня очень быстро вышла из строя (пришлось строить новую), а многие здания дают усадку до сих пор. Трещат крыши, лопаются погреба. А сами миряне, по их меткому выражению, уже два десятка лет сидят в луже — сколько ни кладут асфальтовую дорогу, она тут же трескается. В Мирном никогда не составляет труда узнать, где намечается свадьба: к большим семейным торжествам подъезды к домам жители засыпают гравием сами. В 16- и 8-квартирных домах трещины в стенах так широки, что, по рассказам их жильцов, не составит труда просунуть кулак прямо в соседскую квартиру. Но все эксперты отвечают, что опасности обвала нет. Пока руководство сельсовета ломает голову над тем, как предотвратить трагедию в Мирном, солеотвал ближайшего рудника медленно, но верно наступает на поселок переселенцев. От «Беларуськалия» в солигорской зоне никуда не скрыться.

В зоне деятельности предприятия — около 6 тыс.га подтопленных и заболоченных земель. Из других мест вода, наоборот, ушла. Централизованные водопроводные системы зачастую не выдерживают смещения породы. Приходится утолять жажду из колонок.

В Погосте с этой бедой до недавнего времени намаялись вдоволь. Зато горы сильвинита характерного красновато-коричневого цвета растут прямо на глазах. Это отходы. В год на-гора поднимается в среднем 30 млн тонн калийных удобрений. После переработки значительная часть сырья, добытого из недр, остается на поверхности. Под шламохранилищами и отработанной породой (в 2000 году ее вес исчислялся в 17 млн тонн) скрылось уже более 1700 га плодородных земель.

Лет пятнадцать назад отходы пожелали закупить японцы. «Нет, — ответило белорусское руководство, — нам они не мешают».

Разве может стать помехой для деятельности градообразующего предприятия, добывающего в государственную казну каждый третий доллар, выпадение в районе рудников красного снега, высыхание садов и колодцев, разрушение зданий, потеря плодородных земель?

Стадный рефлекс

Недавно ветеринары хозяйств, которые находятся в зоне активных подработок, заговорили еще об одной напасти. Они заметили, что для достижения успеха в увеличении поголовья покрывать колхозное стадо приходится по 3-4 раза. Председатель колхоза «Будаўнік», специализирующегося на мясо-молочном производстве, Андрей Жогло подчеркивает: «Это только наши наблюдения. Они не подтверждены научными данными. Мы не можем заявлять, что нестабильность земной поверхности влияет на покрытие стада, но в последние пять лет с получением собственного молодняка возникли проблемы». Хозяйству пришлось даже приобретать на стороне 100 телок для замены выбывших, а одну из ферм, где обитал крупный рогатый скот, соответствующие службы запретили эксплуатировать из-за аварийной ситуации — последствия «плясок» земли. Специалисты колхоза имени Чапаева пожаловались на такую же беду в районную ветеринарную службу, но расследовать неблагополучную демографическую ситуацию в коровниках пока никто не торопится.

В НИИ ветеринарии, куда обратилась корреспондент «БДГ. ДСП», этот вопрос тоже не изучали. В общереспубликанских масштабах он не имеет особого значения. Ученые уверены лишь, что, по доказанным ветеринарной наукой данным, нестабильная экологическая обстановка влияет на обмен веществ (в том числе и гормональный) в организме животных. Это может негативно повлиять на способность буренок обзаводиться потомством. Еще одну возможную причину назвали в НИИ животноводства НАН РБ — ухудшение качества кормов. Так что пока «Беларуськалий» не отвечает рублем за неродившееся поголовье. Но и без того эксплуатация национальных природных богатств и ликвидация ущерба, нанесенного окрестным хозяйствам, влетают объединению в копеечку.

Дойная корова

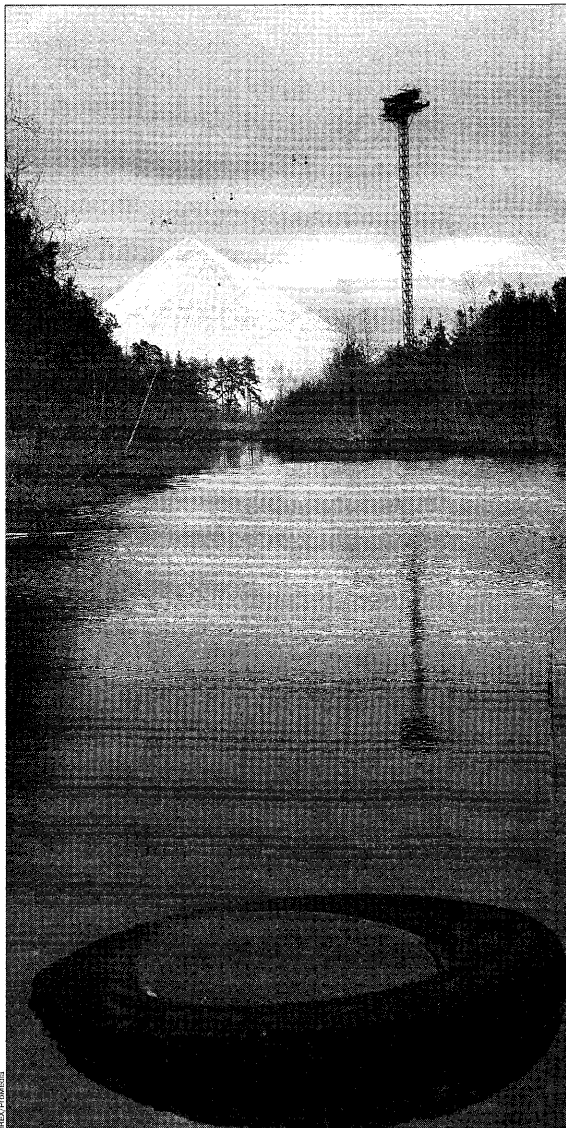
«Беларуськалий», поднявший на-гора почти миллиард тонн калийной руды, давно стал заложником катастрофической экологической обстановки в регионе. Его «доят» все. И претензии бабулек — не самая обременительная для кошелька предприятия статья расходов.

В 2001 году экологические налоги «Беларуськалия» составили 2 млрд. 19 млн рублей: за выброс вредных веществ в атмосферу, за складирование отходов производства, за сбросы в водоемы, за добычу природных ресурсов... В 2002 году ставка налога за выбросы в атмосферу стала больше в 2 раза, а за содержание отходов — в 10 раз. Налог за добычу природных ресурсов ежегодно стабильно увеличивается. Хотя в законе о бюджете применительно к этому налогу есть оговорка, по которой местные Советы имеют право не только увеличивать, но и уменьшать его. А они берут по полной программе и используют на что угодно, но совсем не на улучшение жизни в домах с видом на рудник.

Налоги — не все расходы «Беларуськалия» на природоохранную деятельность. На нее ежегодно уходит несколько десятков миллиардов рублей, добытых шахтерами из-под земли. Это и стяжка домов в зоне подработки, и мероприятия по мелиорации, поддержанию в порядке мостов и дорог. Это установка оборудования по очистке дымовых газов, внедрение новых технологий выемки руды, когда извлекаются лишь продуктивные соли, а пустая порода остается в шахте. И газификация 4-го рудника, которая позволит уменьшить вредные выбросы в атмосферу.

Тем не менее две трети отходов всего производственного комплекса страны скопилось сейчас в солигорских солеотвалах. В 1999 году была принята «Государственная комплексная программа неотложных мер охраны окружающей среды Солигорска и промышленного района на 2000-2005 годы». В ней названы основные «болевые точки»: оседание земной поверхности над выработанным пространством при ведении горных работ, образование значительного количества жидких и легкорастворимых твердых отходов, отчуждение земель для создания хранилищ отходов.

Чтобы провести все действительно не терпящие отлагательства мероприятия, «Беларуськалию» приходится рассчитывать только на собственные средства, потому что деньги на реализацию программы выделяются с большим скрипом. Если бы вся сумма экологических налогов оставалась на месте, ситуация не выглядела бы столь безрадостной. Но из бюджета на экологические нужды солигорской зоны возвращается смехотворная сумма — всего около 100 млн рублей в год. Сплошной обвал еще не грянул...

Соль и вода завоевывают территорию

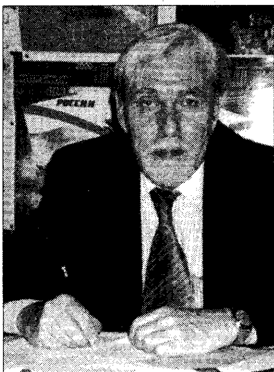
На контроль

Балтийский полигон

Елена НОВОЖИЛОВА

Вряд ли сегодня кто-то может рассказать о залежах химического оружия, покрытых толщей балтийских вод, больше, чем геологи, изучающие дно Балтики. И изучающие отнюдь не по теоретическим выкладкам.

Михаил Александрович СПИРИДОНОВ — заведующий отделом региональной геоэкологии и морской геологии Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского в Петербурге, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН — не раз опускался к захоронениям химического оружия, видел воочию эти «мины замедленного действия».

Михаил Спиридонов

«Я знал, что рано или поздно это закончится скандалом», — такой фразой встретил Михаил Александрович корреспондента «БДГ. ДСП».

— Для скандала действительно есть повод?

— Будем оперировать фактами. На дне Балтийского моря установлено наличие сотен тысяч тонн химических боеприпасов. Их контакт с морской водой и биологическими объектами в море прямой. Поражающее действие ОВ и продуктов их гидролиза доказано. При этом процесс развития экологической и геоэкологической ситуации в зоне захоронений в лабораториях смоделировать невозможно. Остается единственный вариант — естество-испытание. Эксперимент в природе. Только он.

Сразу оговорюсь, что моя компетенция распространяется исключительно на геологическую среду морского дна: донные осадки, геологический разрез, внутрипородные и придонные воды. Вся остальная толща воды — это не моя сфера, хотя, конечно, поскольку я с этим работаю, какой-то минимум сведений имею.

Но геология здесь очень важна, потому что затопленное оружие, находясь на поверхности дна либо уйдя в недра, стало уже частью геологической среды. Поэтому при неоспоримом приоритете биологии на этапе изучения геологи играют важнейшую роль, которую признали наши коллеги других отраслей.

Данные сейчас, к сожалению, разрозненные, неполные, иногда противоречивые. Могут сказать: «Вы там шесть лет занимаетесь, и все еще у вас недостаточные данные!» Да, это так. Потому что за шесть истекших лет из-за недостатка финансирования нам ни разу не удалось осуществить намеченную программу. Отсутствие денег — тривиальная вещь в любом современном деле. Мы не исключение: не хватает ассигнований, чтобы провести комплексную экспедицию на необходимом судне. Всегда урывками что-то делаем, хотя и это очень важно — это все-таки мониторинг. Причем мониторинг комплексный: по гидрофизике, гидрохимии, геологии.

Самым слабым звеном у нас сейчас является биология, в то время как именно она имеет первостепенное значение, поскольку очевидно, что самое главное в экологической проблеме — взаимоотношение организма, в том числе человека, со средой. Все остальное — это дополнительные сведения. По дополнительным сведениям мы преуспели, а в основной части — биологии — сильно отстаем. Готовы биологи, готово оборудование, но нет денег.

Несмотря на полное отсутствие ассигнований, наши экспедиции выходят ежегодно. На борту судна с нами работали по одному-два специалиста от всех стран Балтийского региона: финны, шведы, датчане, поляки, немцы, эстонцы, литовцы. Почему-то не было латышей, хотя о проблеме им известно. Ухитрились попасть к нам даже американцы и англичане, но это скорее в виде дополнительной «конфетки».

В прошлом году не было денег даже на топливо — мы вышли под парусами. Гордиться тут особенно нечем: до чего докатились! Горжусь только одним, что мы не сорвали год мониторинга, а о самой технологии лучше говорить в несколько юмористическом плане, потому что в начале XXI века такие серьезные задачи надо решать на серьезном уровне.

— Ситуация несколько странная: столько стран причастно к этому вопросу, а вы под парусами ходите. Того и гляди, на веслах в научную экспедицию отправитесь...

— На больную мозоль давите. Сколько мы этот вопрос уже обсуждали, кому только об этом ни говорили! Были и парламентарии балтийских стран, и члены правительств, и натовские специалисты. Но все развивается по одной схеме: «Ах, как это интересно! Как важно! Как нужно! Мы обсудим, мы решим, мы с вами свяжемся». И дальше все затихает.

Был у нас даже губернатор шведского острова Готланд, генерал Дегир. Рассказывал, что на восточном побережье, обращенном в сторону Готландской впадины, у рыбаков возникают какие-то странные, ни с чем не связанные заболевания: раковые опухоли, различные поражения. Наша петербургская Военно-медицинская академия ему сразу сказала, что это очень похоже на постоянное воздействие малых доз продуктов ОВ. Он был настроен очень решительно: «Я — губернатор, я решаю. Все организуем, все сделаем». Через некоторое время сообщает: «Вы знаете, в шведском правительстве меня не поддержали».

Мне кажется, что, поскольку экономика стран Балтийского региона, Скандинавского и Североевропейского на 20-30%, а по некоторым данным и на 46%, зависит от морского промысла, то они просто «гасят» эту тему.

Один высокопоставленный господин мне прямо сказал: «Вы нам с вашими научными разговорами устроите английскую говядину».

— Но при этом сами шведы едят озерную и речную рыбу.

— Понятно. Ведь Балтийское море за счет своей мелководности и долгого периода смены свежих вод находится в экологически напряженнейшем состоянии. Но если, скажем, азотные превышения уже стали делом привычным, то одни слова «химическое оружие», «боевые ОВ» наводят ужас. Поэтому, при общем одобрении, на самом деле ничего не делается. Не хотят они этого делать. А в последнее время к этому присоединился еще и туристический бизнес.

В общем, лобби в этих странах, связанные с огромными деньгами, — начни мы все это дело — задавили бы нас, просто уничтожили. Я им пытаюсь доказать противоположное: «Господа, дайте нам провести двухлетний мониторинг, мы вам скажем: безопасно. Живите, купайтесь, ловите рыбу. Только не ловите донными тралами в такой-то зоне (это будет сотня квадратных километров, не более)». Так нет. Сейчас только Россия — не знаю, бедная или, наоборот, счастливая — занимается этой проблемой. И теперь уже можно говорить, что мы являемся держателями мониторинга.

— Для сложнейших работ, анализов, которые вы проводите, очевидно, необходимо ультрасовременное оборудование. При отсутствии денег даже на топливо...

— За последние годы мы очень хорошо вооружились, работаем с новейшими системами. Пожалуй, наш институт в Балтийском регионе с этой точки зрения находится сейчас на недосягаемой высоте. Это нам стоило гигантских усилий и огромных денег, но нам удалось создать техническую базу самого современного уровня в мире. Скажем, у нас работает одна из систем локации бокового обзора, а следующим после нас такую же систему приобрел английский военно-морской флот. В нашем активе самые различные геофизические приборы: акустические, электрометрические, магнитометрические...

Кроме того, мы работаем со многими типами подводных аппаратов: обитаемыми и необитаемыми — подводными телевизорами. Последние наиболее эффективны, поскольку здесь нет пределов по воздуху, по физиологии, и они могут «бегать» часами.

В Скагерраке мы уже давно все просмотрели, а два года назад обследовали суда и в Борнхольме: увидели палубы, проваленные трюмы, в трюмах — снаряды и авиационные бомбы. Все это записано на видеопленку.

— Вы сами неоднократно опускались на морское дно и своими глазами видели эти залежи. Какие ощущения испытывали?

— Действительно, у меня десятки часов «наплыва» в различных подводных аппаратах: «Омар», «Тетис», «Рив». Опускался и в больших военных аппаратах.

Первым, что я увидел из боеприпасов, были контейнеры с ОВ на дне Борнхольмской впадины, которые военные называют «барабанами». Потом уже пошли и снаряды, и мины... Вы знаете, ожидаемое от фактического всегда резко отличается. Все оружие уже чем-то обросло или вошло в ил. Неподготовленному наблюдателю сразу трудно что-либо распознать. Сначала я вообще ничего не различал, потом постепенно стал разбираться, что есть что. Когда манипулятором где-то немножко поцарапаешь, что-то зачистишь, дойдешь до металла, тогда уже становится ясно. Постепенно привыкаешь к форме и начинаешь узнавать снаряды среди множества камней на дне.

Это не то, что спустился и — «мать честная! Все завалено!» Нет. Все постепенно. Работа эта скрупулезная, внешне не очень яркая, сложная, грязная, физически тяжелая.

— Опасная?

— Нам запрещено подвергать себя опасности. Есть защитные средства, установленные нормы и правила. Стараемся их соблюдать. Подорвать эти залежи оружия мы не можем — взрывчатых веществ у нас нет. Можем случайно поднять снаряд, но все, что поднимаем, тщательно контролируется еще в воде. К счастью, ни разу в жизни мы не достали ни снаряд, ни бомбу. Работа в море вообще достаточно опасна: можно за борт упасть, руку тросом отрезать, подводный аппарат может за что-нибудь зацепиться... Но все эти риски не связаны с химическим оружием.

— А человек, который находится внизу, непосредственно возле оружия, рискует подвергнуться поражению?

— В подводном аппарате мы изолированы. Поднятый из толщи воды аппарат сразу дегазируется и весь обмывается. Поражение исключено.

Хотя однажды мы подняли со дна иприт — опасное, токсичное вещество. Причем подняли элементарным ковшом-начерпателем, берущим 30-40 см поверхностного грунта. Когда это оливритовое глинистое стяжение проанализировали химики, занимающиеся ОВ, они сообщили нам, что там был сернистый иприт. Нам повезло: во-первых, была очень низкая температура, во-вторых, мы его сразу загерметизировали. Так что на палубе вредного эффекта он произвести не успел. Но в принципе мы могли быть уже пораженными.

— Какие данные есть у биологов?

— Работающие с нами биологи уже выяснили, что микроорганизмы в балтийской воде подверглись поражению, или, как они говорят, мутировали. И эти отклонения, весьма вероятно, связаны с медленным воздействием ОВ. Есть у биологов и другие факты: нарушение массы популяции, т.е. исчезновение в зонах захоронений каких-то видов организмов. И напротив, работая с минеральной геологической средой (донными осадками), мы выявили особый вид микроорганизмов, который сейчас изучается в Научно-исследовательском центре экологической безопасности Российской академии наук под руководством профессора Медведевой Надежды Григорьевны. Она деликатно называет эти микроорганизмы «толерантными» к иприту. Но я-то считаю, что они просто его любят. Они развиваются на ипритной среде. Я их называю «ипритоеды». Они колониями сидят на выходах этого яда.

Поражающее действие сернистого иприта давно установлено. Более того, у нас есть даже не косвенные, а прямые признаки этого воздействия: во время пробоотбора, когда поднимается трос (с троса, естественно, летят брызги), человек, стоящий у лебедки, через 8-10 часов начинает ощущать на коже жжение, несмотря на все средства защиты. Это я на себе испытал.

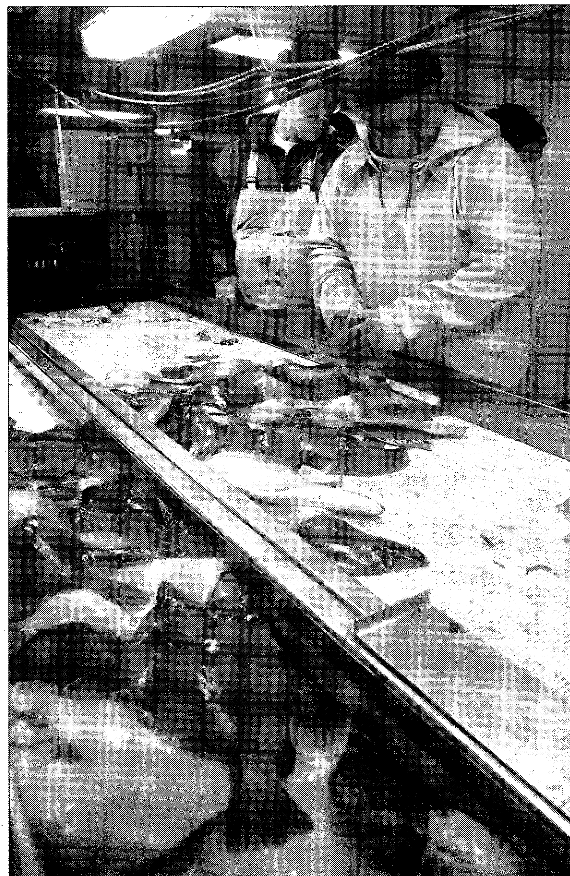
Кроме того, сейчас в придонной воде, в донных осадках и в иловых водах нами улавливается входящий в состав многих ОВ мышьяк. Причем улавливается не на уровне фона, а в виде многопорядковых аномалий, связанных с химоружием.

Есть определенные нормы содержания вещества в воде. Допустим, грамм на литр. Если концентрация в 10 раз больше, это один порядок аномалии, в 100 раз больше — два порядка. Концентрация же мышьяка превышает все допустимые нормы на много порядков.

Эти факты показывают, что локально, в точках концентрации оружия, прямая экологическая угроза сейчас существует.

— Может ли возникнуть региональная или даже глобальная катастрофа?

— В дискуссии на данную тему есть направление, проповедующее ближайшую экологическую катастрофу как минимум для стран Балтийского региона. Да, теоретически такая катастрофа может произойти. Но сначала говорили, что наступит момент, когда все оружие за счет коррозии и механических повреждений одновременно развалится. Присоединиться к этому мнению я не могу. Я видел это оружие: снаряды действительно «проедены» коррозией,

«Свежезараженная» рыба

Территории захоронений ОВ по-прежнему остаются зонами активного донного промысла

но они разрушаются постепенно, а не одномоментно, и предполагать за счет естественного развития глобальную или региональную катастрофу мне очень трудно. Хотя в последнее время я думаю, что это возможно. Причем очень простым путем: несколько лет тому назад датский военно-морской флот проводил маневры рядом со Скагерракским захоронением, и, как положено у любых военных, головотяпство присутствовало как основная составляющая деятельности. Датчане уронили глубинную бомбу. Но, к счастью, за счет другого головотяпства эта бомба не взорвалась. Как видим, сочетание одного головотяпства с другим может спасти человечество. Но если бы взрыв произошел — вот вам и массовая разгерметизация, подрыв, катастрофа.

Кроме того, мы живем сейчас в мире, где главной угрозой является терроризм. Почему какому-нибудь кретину не совершить хотя бы провокацию: прийти в открытые, доступные для кого угодно районы Балтийского моря и по радио сообщить, что если вы мне сейчас не сделаете то-то и то-то, я брошу снаряд и устрою вам?

Природным, естественным ходом развития я отрицаю возможность возникновения катастрофы, а за счет человеческого фактора — сколько угодно.

— Верно ли, что при всей опасности иприта вероятность его попадания к человеку через рыбу ничтожна?

— Что я в рыбе понимаю? Я ж геолог, я даже не рыбак. Но если серьезно, то контакт с биосферой есть. Пофантазируем, что иприт на рыбу не действует. Но рыба-то питается планктоном, а на планктон иприт влияет. Так что рыба свою дозу получает.

Причем не только иприта. Люизит, зарин, бутан… Там же «букет» из множества ОВ, и каждый из них обладает своими свойствами. Некоторые сочетаются с ипритом, другие абсолютно индивидуальны, третьи гидролизуются, создавая вторичный продукт еще более высокой токсичности, и т.д.

При разрушении оболочек снарядов, все виды ОВ выходят в морскую воду или в донный осадок, отравляя все вокруг себя: ил, песок, глину… Более того, ОВ с ними соединяются, образуя совершенно новые трансформации, которые нельзя получить в лаборатории. Эти трансформации иногда более токсичны, чем первичные ОВ. С этими новыми образованиями контактирует морская биота (биота — вся биологическая жизнь: рыба, моллюски, водоросли, микроорганизмы — все живое, находящееся в толще воды, на поверхности морского дна и в самом дне. — **Е.Н.**). С этим, в свою очередь, контактирует человек.

Вода все разносит. Были разговоры, что образовавшаяся во впадине отрава там и остается. Вадим Тимофеевич Пака, возглавляющий атлантическое отделение Института океанологии РАН в Калининграде, высочайший специалист и непререкаемый авторитет, доказал, что ничего подобного не происходит. ОВ или продукты их трансформации моментально достигают берегов всего Балтийского моря. Так что при массовом выбросе ОВ все получат. Даже Петербург в своей Невской губе и Финском заливе в течение года — полутора лет получит результаты отравления.

— Действительно ли при движении по трофической цепочке к человеку опасность ОВ уменьшается, или, напротив, за счет кумулятивного эффекта она только возрастает?

— Я думаю, что опасность не уменьшается. В самом деле, насколько говорили наши биохимики, все эти вещи обладают накопительными свойствами. Несмотря на то, что человек в этой цепочке является по отношению к ОВ приблизительно 5-м звеном (микроорганизмы — планктон — рыба — ее добыча и переработка — человек), их опасность не снижается. Более того (что самое страшное), они не имеют прямого воздействия, а действуют на генетическом уровне. Т.е. влияние этих ОВ проявится на последующих поколениях. Внукам и правнукам это может угрожать более серьезно, чем современному человеку. Поэтому прежде всего надо обращать внимание на медленное, малое поступление доз и их накопительное воздействие.

Хотя и сейчас факт воздействия оружия, находящегося на дне Балтийского моря, на человека уже окончательно и бесповоротно установлен. И не только нами, исследователями. Ведь территории захоронений продолжают оставаться районами активного донного промысла. На всех морских картах написано: «Район захоронения химического оружия». Но там много рыбы, идет активнейший лов. Работая в зоне захоронения ночью, пребываешь под впечатлением, что находишься в городе: вокруг все море засыпано огнями. Там и поляки, и литовцы, и латыши, и русские… Все на маленьких судах ловят рыбу донными орудиями. И периодически в эти орудия попадают снаряды, бомбы… Ну разве что «барабаны» поднять не могут — они очень большие. Все пытаются скрывать эти факты, но это происходит постоянно.

Кроме того, часто нам говорили, что снаряд или бомбу выбросило на берег. До недавнего времени я не мог понять, как может стальной, тяжелый предмет с глубины 100 м подняться против закона всемирного тяготения на ноль и даже выше и поплыть к берегу. Оказывается, очень просто: многие бомбы и снаряды были сброшены в деревянных упаковках — клетушках, ящиках. И очень часто, несмотря на пятидесятилетний период существования, эти упаковки, отрываясь от общей массы, приобретают положительную плавучесть, поднимают и несут снаряд к шведским, литовским берегам… Эти факты тоже скрывают, уверяя, что все нормально. А я лично наблюдал, как снаряд в деревянной оплетке начинает идти вверх.

— Купаться-то в Балтике можно?

— Конечно, можно. Пока не произошло массового выброса ОВ и есть только местные высокие концентрации, купаться можно, рыбу есть можно.

Лет семь назад HELCOM (Хельсинкская комиссия по охране среды Балтийского моря) уже создавала комиссию по вопросу химического оружия, которая пришла к успокоительному выводу: опасности нет. За это время положение изменилось кардинально.

В конце 2002 года в Петербурге прошло совещание парламентариев стран Балтийского региона, на котором HELCOM было вменено в обязанность создать новую комиссию и доложить. Ведь факты говорят о том, что опасность существует. А с моей точки зрения, самая большая опасность — незнание, потому что знание как раз может привести к тому, что мы скажем: «Нет, граждане, это действительно не так опасно». А знания нет. Более того, нет даже контроля.

За время наблюдений мы вышли на определенные параметры мониторинга (слово избитое, зато точное), но нам не хватает завершающего этапа. Только после этого мы сможем дать заключение. И даже это еще, быть может, будет не конец.

Но во всяком случае, это будут выводы. И в них — я беру на себя ответственность, забегая вперед, — будет сформулировано следующее:

Первое. Опасность существует, и ситуация требует наблюдения, потому что, только накопив сумму фактов, мы сможем дать прогноз чего-то опасного. Это статистика. Нельзя даже по шестилетним разрозненным данным сейчас утверждать, что умрем через год или что все будет в порядке. И то и другое чушь. Истина где-то посередине.

Программа мониторинга готова, коллектив готов, научно-исследовательское судно «Профессор Штокман» готово. Международный уровень согласован: мы можем пригласить представителей всех стран региона. Конечно, если мы соберем всех сразу, нам придется брать что-то типа «Титаника». Но ведь всегда можно договориться и все согласовать. В любом случае мы это сделаем.

Второе. Абсолютно очевидна бесперспективность подъема химических боеприпасов. Невозможно поднять каждый снаряд, многие из которых уже пустые, или разваливиеся, невозможно поднять битком набитые оружием корабли. Технически, инженерно решить эту задачу нереально. Я уже не говорю о последствиях. Ну вынули, и куда все это везти? В Кремль? Или в Минск, в Дом правительства? Это невозможно.

Россия как одно из главных государств, занимающихся сейчас в Восточной Европе утилизацией и ликвидацией химических боеприпасов, не может справиться и с тем, что у нее на суше-то лежит — это огромные деньги, гигантские объемы и колоссальные временные затраты. На складах оружие лежит, а кто-то предлагает вытаскивать со дна моря сотни тысяч тонн! Утопия.

Результат мониторинга покажет, какие захоронения можно отнести к условно(!) безопасным, даже в случае подрыва. Их можно будет «закрестить» и проверять, например, раз в пять лет.

Но проявятся и действительно опасные районы. Странам Балтийского региона обязательно следует договориться в официальном порядке по мидовским каналам с определением режима и статуса этих площадей, и на протяжении, скажем, 10 лет к этим территориям относиться особо. Я считаю, что вполне спокойно (площади не такие большие) можно на время наблюдения запретить там активный донный лов. Рыбная промышленность от этого не пострадает, и деньги ни у кого не пропадут, потому что ловить в толще воды никто не запрещает. Но только не ловите тралами. И мало написать, надо еще контролировать.

Кстати, статус зон и контроль над ними в какой-то степени обезопасит нас и от проявлений терроризма. Скажем, мощная радиолокационная станция на шведском берегу в Борнхольме и на Готланде контролирует вход любого судна в эту зону. Зоны эти, к счастью, только в одном месте пересекаются большой дорогой транспортных судов. Движущиеся суда опасности не представляют. А вот если корабль остановился, что-то начал делать, моментально реагирует авиация и выясняет причины остановки. Когда мы работаем, шведские, датские самолеты над нами летают постоянно.

И третье. Сейчас мне известно, по крайней мере, 5-6 инженерных решений по консервации захоронений, в т.ч. создание саркофагов. Такой саркофаг был сконструирован на подводной лодке «Комсомолец». Технические решения вопроса есть. И когда мы, специалисты-природоведы, естествоиспытатели, по результатам нашего окончательного мониторинга распределим территории по степени опасности, выявятся небольшие участки, опасные в наивысшей степени. И здесь уже настанет черед «Рубина»: нужно будет изолировать эти захоронения и обезопасить эти площади.

— Исходя из того, что вы наблюдали, какой из вариантов ЦКБ «Рубин» представляется вам наиболее приемлемым?

— Все предложения «Рубина» (во всяком случае, большинство) приемлемы, исходя из конкретных особенностей объекта. Каждый случай индивидуален. Я думаю, что все их технологии должны быть применены. «Рубин» — передовая судостроительная организация России, получающая от нас сведения, в каком состоянии находятся захоронения химического оружия.

Мы работаем в постоянном контакте со Спасским (генеральный конструктор ЦКБ «Рубин». — **Е.Н.**). Даже когда несчастный «Курск» затонул, моментально нашлись люди, которые сказали, что подводную лодку на дне Баренцева моря засосало в ил. В тот момент мы как раз вели съемку в этих районах, еще не будучи привлечены к этому. И решили посмотреть. Узнали координаты «Курска» — оказалось, мы прямо в этом районе работали, и у нас есть фотографии дна. Я посмотрел — мать честная! Там на дне щебенка и плотная глина. Туда кидай что угодно, хоть небоскреб — он никуда вглубь не уйдет. Позвонил Спасскому, говорю: «Игорь Дмитриевич, вранье! Нормально все». Так оно и оказалось.

Так что с нами советоваться «Рубину» надо, мы можем быть полезными. Да мы и так работаем в постоянном контакте.

— Захоронения химического оружия являются проблемой не только Балтики?

— Опасные химические вещества, включая радиохимические, разбросаны по всему миру. Многие районы в шельфах США, Японии, Австралии, Испании, Нидерландов, Англии, России засыпаны химическим оружием, отходами химической промышленности, отработанным атомным топливом… И все время появляются новые факты. Не так давно один финский журналист сказал, что в Финском заливе, здесь у нас под Петербургом, во время войны тоже сбрасывали химическое оружие. Его там, в Финляндии, прижали, чуть в тюрьму не посадили. Я думаю, он что-то раскопал. Нет дыма без огня. Что-то было. И везде есть.

Методики действий, которые мы сейчас разрабатываем на примере Балтики, универсальны. Нам иногда говорят: «Что вы работаете в Скагерраке? Это же не российские воды!» Но если, не дай Бог, выброс произойдет, несмотря на то, что это не российские воды, Россия получит сполна. Кроме того, на этом примере мы создаем алгоритм действий и в Японском море, и в Баренцевом, и т.д. Вот почему мы все должны закончить начатое в Балтике. Балтика выступает как полигон, как тест.

Стратег и финансист

Пригласить на собеседование

Ирина МАКОВЕЦКАЯ

Андрея Мельниченко, в прошлом гомельчанина, а ныне одного из московских олигархов, можно назвать героем нашего времени. Того времени, когда большая страна развалилась на куски, бизнес стал развиваться по волчьим законам, а битву за жизнь начали выигрывать те, кто не стыдился показать клыки и звериную хватку. По данным американского журнала Fortune, Андрей Мельниченко занимает 24-е место среди 40 самых состоятельных молодых (в возрасте до 40 лет) людей, проживающих за пределами США.

Андрей Мельниченко

Везунчик

В своей новой, московской, жизни 30-летний Андрей Мельниченко оставил из прошлого только одно: воспоминание о малой родине. Мол, вышел из глуши, а подвинул всех вас, столичных.

Еще более удивителен его успех с позиции астрологии. Мельниченко родился 8 марта 1972 года: над мечтательной Рыбой взяла верх расторопная Крыса.

С детства Андрей Игоревич был склонен к точным наукам. Поэтому сначала закончил физико-математическую школу-интернат им. Колмогорова N18, а затем Российскую экономическую академию им. Плеханова по специальности «Финансы и кредит». Именно такие сведения предоставила «БДГ. ДСП» пресс-служба г-на Мельниченко. А в российской прессе о нем нет-нет да и напишут как о выпускнике физического факультета МГУ и добавят, что, дескать, выпускник обладает смутными представлениями об экономических процессах, но хорошо умеет считать деньги и прекрасно ориентируется в многочисленных «дырах» законодательства по валютно-экспортному контролю.

Вероятно, в последней характеристике кроется недвусмысленный намек на начало карьеры Андрея Мельниченко. 19-летний парень, такой же, как и десятки других парней, начал бизнес с торговли валютой на Октябрьской площади в Москве. Потом занял должность начальника обменного пункта банка «Премьер», обслуживавшего большей частью челноков. А в 1993 году Мельниченко создал собственную ФКК «Банковское учреждение — Бюро МДМ» и стал заместителем председателя правления.

В декабре 1993 года в Москве образуется банк «Московский деловой мир» («МДМ-банк»), одним из учредителей которого становится бывший валютчик Андрей Мельниченко. Кто бы мог подумать, что через пару лет «МДМ-банк» будет соперничать с финансовым монстром «Альфа-банком», а его «родитель» рассорится с одними олигархами и подружится с другими? Практически до последнего времени Мельниченко не называл всех акционеров своего детища. Периодически в прессе всплывают сведения об оффшорном происхождении фирм-акционеров, а Standart&Poor's называет Мельниченко «единоличным владельцем» финансовой группы МДМ, для которой «МДМ-банк» является основным банком.

Пять лет Мельниченко занимал в банке «свадебные» должности: то председателя совета директоров, то председателя наблюдательного совета. А в 1998 году Мельниченко впервые дали порулить в должности главы правления «МДМ-банка».

По данным пресс-службы группы МДМ, «МДМ-банк», возглавляемый Мельниченко, в 1998 году не только не пострадал от экономического кризиса, но и сумел кардинально улучшить свои позиции на рынке и войти в течение последующих двух лет в число лидеров кредитно-финансового сектора страны. По сведениям «Новой газеты», к 1998 году «МДМ-банк» действительно приобрел большое влияние, но в связи с кризисом Мельниченко пришлось отложить «наполеоновские планы присоединения к касте олигархов». За последующие два года «МДМ-банк» оправился от августовского потрясения, и держать счета в «МДМ-банке» не считали для себя зазорным ни совладельцы «Русского алюминия» Дерипаска с Абрамовичем, ни многие предприятия черной и цветной металлургии, химической промышленности. Фактически банк взял под свое управление значительную часть государственных средств. По последним данным, активы «МДМ-банка» составляют 81,7 млрд российских рублей, капитал — 8,1 млрд рублей, а прибыль за 2002 год до вычета налогов — 42 млн рублей.

На двух стульях

При таком удивительном скачке из грязи в князи, возможно, Мельниченко стало казаться, что для него нет ничего невозможного. Видимо, такого мнения о себе были и другие молодые миллиардеры — Дерипаска и Абрамович. «Собеседник», например, именно им приписывает роль идеологов захвата «МДМ-банком» «Конверсбанка» — одного из наиболее крупных и успешных отраслевых финансовых учреждений. К началу «операции» — а это 2000 год — «Конверсбанк» контролировал 80% денежных потоков отрасли атомной энергетики. Кроме того, предприятия Минатома были клиентами банка, а многие из них являлись его учредителями. То есть, по сути, банк был государственным. История о том, как Мельниченко удалось завладеть стратегическим банком стратегической отрасли, до сих пор не находит объяснений. Банковская «война» длилась в течение года. За ней пристально следила московская пресса. Но из всех возможных объяснений журналисты сошлись на одном: стать основным акционером «Конверса» с блокирующим пакетом акций «МДМ-банку» помог тогдашний министр атомной промышленности России Евгений Адамов. Так или иначе, но в конце 2000 года Андрей Игоревич, оставаясь главой «МДМ-банка», занял еще и кресло председателя правления «Конверсбанка».

Вскоре покровитель Адамов был снят с должности, олигархи-идеологи занялись другими делами, дистанцировавшись от Мельниченко и фактически оставив его одного сражаться с Минатомом. 28-летний уроженец Гомеля стал действовать как умел, отчего иногда московские журналисты сравнивали его со слоном в посудной лавке.

В 2001 году идефикс молодого банкира стало заполучить контрольный пакет «Конверсбанка». Сделать это Мельниченко планировал путем дополнительной эмиссии акций, которую бы скупили родственные МДМ структуры. 24 апреля 2001 года наблюдательный совет «Конверса» принял решение о проведении эмиссии акций, большая часть которой продается «МДМ-банку». Как раз в это время в Министерстве по атомной энергетике появился новый руководитель — Александр Румянцев, вставший на защиту акционеров «Конверса» — предприятий атомной отрасли. Видимо, подозревая трудности, глава «МДМ-банка» предпринял меры: акционеры погрязли в междоусобицах, суды запретили деятельность наблюдательного совета. Но за 10 дней до окончания размещения эмиссии члены совета все-таки направили в Центробанк России письмо с просьбой признать эмиссию несостоявшейся и не регистрировать ее итоги. Внезапная проблема была решена весьма эффективно. За пару дней до истечения срока на одном из интернет-сайтов появилась расшифровка телефонных разговоров нелояльных к Мельниченко членов наблюдательного совета «Конверса». Как следует из текста, причиной переговоров насчет написания письма в Центробанк стала информация одного из участников беседы, что «Путин лично дал команду на х... убрать Мельниченко». А текст письма должны составить и привезти «ребята из «Альфа-групп» — соперники «МДМ-банка», в том числе и в деле захвата «Конверса». Разумеется, после интернет-провокации председатель наблюдательного совета отозвал свое письмо из Центробанка и подал в отставку.

Таким образом Мельниченко смог беспрепятственно завершить допэмиссию акций. Позже выяснилось, что все 9 фирм, оказавшиеся в числе новых акционеров «Конверса» и к тому же являющиеся акционерами «МДМ-банка», через подставные структуры замкнуты на оффшорные конторы, зарегистрированные в Калмыкии по одному и тому же адресу: г. Элиста, ул. Ленина, 249, кв.101.

Попутно стало известно, что среди акционеров «МДМ-банка» значится компания Energy Invest&Trade Corporation, которую подозревают в посредничестве между западными и российскими структурами, которые активно стремятся ввозить в Россию ядерные отходы. Не исключено, что для подобного рода сотрудничества «МДМ-банку» и нужен был «Конверс».

В качестве запасного варианта захвата «Конверсбанка» Мельниченко стал продавать его имущество. Наиболее эффектно у него получилось «умыкнуть» здание «Конверсбанка» стоимостью в 50 млн долларов.

Офис «Конверса» — это маленькое уютное государство в центре Москвы на Котельнической набережной. Кабинеты, конференц-залы, гараж, столовые, рестораны, сауна, бассейн и проч. Мельниченко умудрился продать это богатство не только в пять раз дешевле, но и самому себе(!).

А получилось это так. Было создано ООО «Эстейт-Дистрикт», доля «Конверса» в уставном фонде которого составила 99,9%. В оплату доли банк внес право собственности на собственный офис, оцененный некой риэлтерской фирмой в 10 млн долларов. Уменьшить стоимость экспроприированного, видимо, нужно было для того, чтобы «умыкание» прошло менее заметно. Затем Мельниченко несколько раз поменял состав участников ООО «Эстейт-Дистрикт» (владельца здания) путем скупки и продажи его долей между разными структурами, пока собственниками ООО не стали несколько фирм — акционеров «МДМ-банка», прописанных все по тому же адресу в Калмыкии.

Теперь Мельниченко не страшно было и потерять «Конверс»: из шикарного особняка он мог не съезжать. Так оно и случилось: сейчас в «государстве» размещается офис промышленной группы МДМ.

Но под шумок Мельниченко не удалось завершить операцию. Центробанк России приостановил регистрацию многообещающей эмиссии акций под предлогом проверки «Конверса». Результаты проверки, к великому облегчению как самих проверяющих, так и предприятий-атомщиков, не позволили уже вести речь о регистрации.

Из впечатляющего списка нарушений приведем лишь самое глобальное. Например, за 2001 год в «Конверсе» произошло семикратное уменьшение вложений в основные средства. Основная причина — списание с баланса здания на Котельнической набережной. Банк не сформировал резервы по операциям в 3,9 млрд рублей под межбанковские кредиты банкам Черногории. Сами же договоры с этими банками расценены как «вывоз капитала из РФ и проведение запутанных, носящих необычный характер сделок». Центробанк отметил наличие у «Конверса» и «МДМ-банка» кредитов одним и тем же клиентам, за счет чего искусственно улучшались показатели работы последнего. Например, «Конверсбанк» выдал ссуду в 9,2 млн долларов одному из предприятий группы МДМ, которую оно затем направило на погашение долгов перед «МДМ-банком».

Комиссия пришла к выводу о низком качестве управления «Конверсбанком» и рекомендовала ввести временную администрацию либо сменить председателя правления. Так Андрей Мельниченко проиграл битву за «Конверсбанк».

Чуть позже ситуация изменилась: МДМ получил «Конверс», но... без денег отрасли. Предприятия Минатома перешли в другие банки. Правда, утешительным призом для Мельниченко осталась не отобранная у «Конверса» лицензия. Петр Авен, президент «Альфа-банка», конкурента «МДМ-банка» по обслуживанию атомщиков, считает, что ситуацию выиграл все-таки его банк, а не МДМ.

«Мы были не против покупки «Конверсбанка» Мельниченко. Но на честном конкурсе. Банк должен быть не украден благодаря использованию административного ресурса и договоренности с министром, а куплен за справедливую цену. Мы создали условия конкурса, заставив Мельниченко за все платить реальную цену. Он купил в честной конкурентной борьбе «Конверсбанк», в котором нет Минатома. Это именно то, что мы хотели», — подчеркнул Петр Авен.

Закат близок?

Одновременно с лишением поста председателя правления «Конверсбанка» Мельниченко снял с себя полномочия и руководителя «МДМ-банка». По сообщению пресс-службы группы МДМ, уход с поста председателя правления «МДМ-банка» Мельниченко объяснил тем, «что налажен хороший бизнес, он динамично развивается и в настоящее время не требует моего постоянного за ним контроля. В связи с этим я могу посвятить себя другим проектам». А в мае 2002 года Мельниченко занял пост президента группы МДМ.

Ситуация с покупкой «Конверсбанка», особенно сопровожденная откровенным комментарием банка-конкурента, скорее всего свидетельствует о том, что Андрея Мельниченко проучили как мальца. А ведь группа МДМ всегда отличалась предельно агрессивной, хоть и изобретательной, тактикой в переделе собственности и до недавнего времени считалась непобедимой. В столкновениях с ней терпели поражение даже авторитеты в этой области, а упоминание фамилии Мельниченко наводило ужас на директоров крупных предприятий, считавшихся хозяевами в своих регионах. Работники контрольных служб и суды очень часто в конфликтах принимали сторону МДМ. Но — сколько веревочке ни виться...

Полагают, что начало неудачам молодого олигарха положила его затяжная осада «Конверсбанка» и нынешние постыдные проблемы с возвращением банку его недвижимости. Затем отлаженная машина «экономической оккупации» стала ломаться в других местах. В феврале 2002 года МДМ потерпел поражение в борьбе за «Дальвостуголь». Летом не состоялся так долго и тщательно готовившийся захват АО «Невинномысский Внештрейдинвест». В апреле, после гибели генерала Лебедя, в подвешенном состоянии оказался «Красуголь», 60% акций которого находилось в доверительном управлении МДМ по распоряжению покойного губернатора. К этим неприятностям добавились загадочные смерти двух руководителей фирм, входивших в состав подчиненной МДМ Сибирской угольной энергетической компании. В бизнес-кругах считают, что покойные поплатились жизнью за некие конфиденциальные сведения о сделках и контрактах МДМ. При таких неудачах не выдержат нервы даже у закаленных бизнесменов, не то что у баловней судьбы, каким представляется Мельниченко.

Журнал «Коммерсантъ Деньги» описывал празднование дня рождения главы «Норильского никеля» Михаила Прохорова, устроенного им в августе 2002 года на Лазурном берегу. Сливки российского олигархического общества отрывались по полной, обливая длинноногих моделей, подвешенных вниз головой, шампанским. И только Андрей Мельниченко весь вечер скучно просидел в углу... Неужто прощался со сладкой жизнью?

Рассмотреть и представить проект решения

Три последних дня

Александр НИКОЛАЙЧУК

Труп директора информационного агентства «Українські Новини» Михаила Коломийца нашли в Беларуси, возле дачного поселка, в котором у журналиста не было ни друзей, ни знакомых. В Минск Коломиец приехал в поисках информации, но никто не может достоверно сказаёть — какой. Все его вещи, кроме дорогостоящих часов «Ролекс», таинственным образом исчезли. Точно так же бесследно мог исчезнуть и сам Коломиец, поскольку спустя неделю после получения по линии Интерпола сообщения о его розыске — его приметы и фото — белорусские правоохранители решили похоронить Коломийца как неопознанный труп. Странная история...

Михаил Коломиец

Украина—Беларусь

В столицу Беларуси Михаил Коломиец прибыл на поезде Киев — Минск 21 октября прошлого года. По словам сотрудников «Українських Новин», в нашу страну Михаил отправился для сбора некой важной информации. Однако чем именно занимался в Минске Коломиец, ничего не известно. Более того, его реальные следы в Беларуси обнаруживаются лишь 25 октября, когда Коломиец зарегистрировался как постоялец гостиницы в Молодечно. Работники гостиницы Михаила Коломийца помнят, и имя украинского журналиста вот уже на протяжении нескольких месяцев на слуху практически у всех жителей белорусского городка. Одной из администраторов гостиницы, разговорчивой молодой девушке, Коломиец запомнился как интересный и образованный человек. Говорил мало, но с юмором и жизнерадостно. Она и предположить не могла, что спустя несколько дней веселый и интеллигентный украинец «добровольно расстанется с жизнью». На вопрос, верит ли она, что решение о самоубийстве журналист принял без посторонней помощи, девушка лишь пожимает плечами: «Кто его знает... Но странно все как-то. Уж если заранее надумал вешаться, то зачем ради этого из Киева в Молодечно ехать? А коли приехал, так и в номере мог бы на себя руки наложить...»

За несколько месяцев до приезда в молодечненскую гостиницу Коломийца в одном из гостиничных номеров удавился один из постояльцев. Зацепил веревку за дверную ручку ванной комнаты и, просунув голову в петлю, сел на пол. Работники молодечненского отеля единодушно считают: если бы Коломиец действительно хотел повеситься, то он вполне мог пойти по простому пути, а не искать уединения в лесу. Тем более что печальную историю гостиничного самоубийцы Коломиец знал по рассказам обслуги.

Изначально задерживаться в Молодечно Михаил Коломиец, по всей видимости, не собирался. О желании украинского журналиста как можно быстрее покинуть город свидетельствует тот факт, что, въезжая в гостиницу, Коломиец оплатил лишь сутки проживания. Самый дешевый двухместный гостиничный номер, который взял Михаил, обошелся ему почти в 50 тыс. рублей за сутки. Столь высокая цена за далеко не люксовский номер обусловлена спецтарифами на обслуживание в гостиницах республики иностранных граждан. В то же время для граждан России и Украины существует ряд льгот, не оговоренных в официальном ценнике. Так, несмотря на то, что номер был рассчитан на двух проживающих, жил Коломиец в одиночестве.

После того как оплаченный срок истек, Михаил внес деньги еще за двое суток гостиничного сервиса. Всего в молодечненском отеле Коломиец пробыл без малого три дня.

Чем занимался все эти дни директор крупнейшего информационного агентства Украины, следователям прокуратуры выяснить так и не удалось. Со слов гостиничного администратора известно лишь, что часов в 9–10 каждого дня Коломиец уходил на прогулку. Куда шел и зачем, улыбчивый украинец обслуге не говорил. Молча сдавал ключ и выходил на улицу. При этом никто из работников гостиницы не помнит, брал постоялец с собой какие-либо вещи или нет. Зато достоверно установлено, что каждый день ровно в 15.00 Коломиец возвращался в номер с пустыми руками. Возможно, ежедневная четырехчасовая прогулка была бесцельным хождением по молодечненским улочкам и паркам. Однако обращает на себя внимание пунктуальность, с которой совершались своеобразные вылазки в город. Ведь в упомянутый отрезок времени вполне укладываются не только походы по кафе и ресторанам, но и поездка из Молодечно в Минск и обратно. Благо интенсивность движения электропоездов между райцентром и столицей это позволяет. Таким образом, вполне возможно, что Коломиец на протяжении трех дней с кем-то встречался. Правда, относились предполагаемые встречи к разряду деловых или личных, сказать сложно. По данным украинских СМИ, Коломиец искал в Минске документы, касающиеся продажи Украиной Ираку радарного комплекса «Кольчуга». Однако на данный момент никаких подтверждений того, что Коломиец проводил на территории Беларуси журналистское расследование, нет. Как нет подтверждений и того, что директор крупнейшего украинского информационного агентства имел в Минске или Молодечно друзей или партнеров, способных предоставить ему сведения по гипотетической международной сделке. Как нам сообщили администраторы гостиницы, гости к журналисту не приходили, да и сам он в компании ни разу не появлялся. Что же касается телефонных звонков, которые сделал Коломиец, находясь в Молодечно, то детальной распечатки номеров, по которым звонил журналист, гостиница не имеет. В сервисную конфигурацию дешевого двухместного номера телефон не входил, поэтому все звонки главе украинского информационного агентства пришлось делать с мобильного телефона. Впоследствии, уже после смерти Михаила, в украинской печати появились ссылки на одного из белорусских операторов сотовой связи, сообщившего правоохранительным органам о месте нахождения пропавшего журналиста.

По словам коллег по работе и близких, в последние дни своей жизни Коломиец периодически выходил на связь. Правда, только для того, чтобы попросить прощения. Так, после недельного отсутствия на работе, 28 ноября, Коломиец позвонил своей матери Ольге Михайловне. Был очень взволнован, плакал, извинялся... Неожиданный монолог продлился всего несколько секунд, после чего, сославшись на севший аккумулятор, Михаил прекратил разговор.

Спустя несколько часов он сел в идущую из Молодечно в Минск электричку и... исчез навсегда. Спустя два дня сотрудники молодечненского РОВД на полдороге от Молодечно до Минска в лесополосе, равноудаленной как от железнодорожных путей, так и от населенного пункта Вязаны, где расположен садовый кооператив «Горизонт», найдут труп повесившегося человека. Правда, Коломийца в нем опознают не сразу. По официальной информации МВД Беларуси, возле тела Коломийца не было обнаружено ни документов, по которым можно было опознать тело, ни сумки, ни даже туфель. Никаких вещей Коломийца не нашли и в гостинице. Куда пропали личные вещи директора информагентства, и по сей день остается тайной, хотя сотрудники правоохранительных органов до сих пор проявляют особый интерес к пропавшему багажу. Тут даже казус случился. Поводом для него послужил короткий новостной сюжет, демонстрировавшийся по одному из белорусских национальных телеканалов. В погоне за эксклюзивным видеорядом телевизионщики выпросили у администрации гостиницы разрешение на съемку в номере, где жил Коломиец. К тому времени в комнату уже въехали новые постояльцы, и часть их багажа случайно попала в кадр. Наличие в номере не описанных предметов правоохранительные органы истолковали по-своему и потребовали у сотрудников гостиницы сдать припрятанный багаж погибшего журналиста...

Эксгумация

Данные о пропавшем журналисте поступили в Прокуратуру республики по каналам Интерпола 4 ноября 2002 года, но молодечненские криминалисты все же приняли решение о захоронении неопознанного трупа. Говорят, никто из сотрудников прокуратуры просто не удосужился сопоставить официальную информацию о разыскиваемом со страшной находкой. И 11 ноября завернутое в простыню голое тело Коломийца было предано земле безымянного кладбища, что расположено неподалеку от Молодечно. Спохватились следователи лишь несколько дней спустя. Проштудировав материалы проверки, прокурорские работники пришли к выводу, что 11 ноября ими был похоронен именно Михаил Коломиец. После того как правоохранительные органы страны объявили о неожиданном (в первую очередь для самих себя) открытии, в Молодечно начали стягиваться многочисленные представители республиканских и зарубежных СМИ. На эксгумации тела пожелали присутствовать несколько десятков различных пресс-групп. Боясь пропустить начало следственного действия, журналисты оккупировали практически все подступы к прокуратуре. Однако группе судмедэкспертов и криминалистов все же удалось просочиться через импровизированные заслоны и приступить к работе без дополнительной подсветки телевизионных юпитеров. О том, что «менты уже копают», журналисты узнали спустя час после начала процедуры эксгумации. Взволнованные работники СМИ тут же бросились на кладбище. Однако из-за неразберихи практически никто из представителей СМИ на эксгумацию так и не попал. Таким образом, независимых свидетельств того, что и как там происходило, нет. Как нет объяснений и тому, каким образом на руке журналиста остались незамеченными часы «Ролекс». И дело тут даже не в том, что белорусские милиционеры поспешили похоронить как бомжа человека явно не бедного. Очевидно грубое нарушение правил по проведению следственной проверки, согласно которым любые представляющие ценность предметы должны быть описаны и изъяты для последующей передачи родственникам погибшего.

Убийство или самоубийство?

По словам начальника отдела по надзору за следствием в органах прокуратур Минской области Ивана Михнюка, с окончательным вердиктом по поводу смерти украинского журналиста правоохранительные органы Беларуси давно определились: самоубийство — без вариантов. Как отметил Иван Михнюк, никаких следов борьбы на теле погибшего не обнаружено. Не дал ничего и осмотр криминалистами места происшествия. По заключению экспертов, Коломиец расстался с жизнью без малейшего принуждения и посторонней помощи. Что же касается причин, подтолкнувших журналиста к петле, то они белорусских силовиков не интересуют. Во всяком случае, до тех пор, пока дело о гибели украинского журналиста находится вне компетенции прокуратуры нашей республики. Версия самоубийства, предложенная еще на месте происшествия, до самого последнего дня следственной проверки оставалась основополагающей, хотя, как нам стало известно, некоторые сотрудники Прокуратуры республики выступали за проведение всех следственных мероприятий в рамках уголовного дела.

Что касается украинской стороны, то на сегодняшний день журналисты и родственники Коломийца не верят, что преуспевающий руководитель информационного агентства «Українські Новини» мог свести счеты с жизнью. Того же мнения, видимо, придерживаются и украинские силовики. В конце прошлого месяца Прокуратура Украины возбудила уголовное дело по факту смерти директора агентства «Українські Новини» Михаила Коломийца. Однако ни о каких «эскадронах смерти» в мотивировочной части начатого дознания не упоминается. Расследовать причину смерти журналиста украинские следователи будут по статье 120 Уголовного кодекса Украины («Доведение до самоубийства»). При этом, скорее всего, основной упор в расследовании будет сделан на бытовых взаимоотношениях журналиста с близкими родственниками и друзьями. Кроме того, прокуратура Украины намерена инициировать масштабную финансовую проверку информационного агентства «Українські Новини», одним из собственников которого являлся Михаил Коломиец.

Доработать

Правда об Оскаре Шиндлере

Итка Грунтова развенчала миф о праведнике

Наталья СУДЛЕНКОВА

Оскар Шиндлер был любимцем женщин и сослуживцев по абверу, человеком, спасшим жизни 1200 евреев, немцем, заслужившим звание «Праведник народов мира». Он стал главным героем получившего Букеровскую премию «Ковчега Шиндлера» Томаса Кеннели и семикратно оскароносного «Списка Шиндлера» Стивена Спилберга... Он же был «мерзавцем», «взяточником», «изменником Родины», «вражеским шпионом», «бабником», «пьяницей»...

Автор известных в Чехии исторических бестселлеров все о том же Шиндлере депутат чешского парламента Итка Грунтова добилась, что герой ее книг был вычеркнут из списка уроженцев Пардубицкого края, которые вошли в сборник «Лицо Пардубицкого края». «Считаю позорным, что в Свитавах этому нацисту стоит памятник», — это, пожалуй, самое мягкое из того, что Итка Грунтова адресует бывшему выходцу из бывшего промышленного центра судетских немцев города Свитавы.

Но надо отдать Оскару Шиндлеру должное — он умел жить, а не выживать. Ведь так или иначе, для него Вторая мировая война не была трагедией, перевернувшей всю его жизнь. Где еще найдется член НСДАП, во время войны устроивший себе сытую жизнь за счет эксплуатации евреев, без особых проблем переживший немецкую капитуляцию да еще провозглашенный в Израиле «Праведником народов мира»?

Специальная информация

Оскар Шиндлер родился 28 апреля 1908 года в 10-тысячном городке Свитавы. Чехов среди жителей города было немногим более 100 человек, все остальные — немцы. С 1924 года после окончания средней школы Оскар начал работать в фирме своего отца. Именно в одной из своих служебных поездок Шиндлер познакомился со своей будущей женой Эмилией. Той, которая почти в 90 лет, незадолго до своей смерти, скажет, что «список Шиндлера» на самом деле был составлен человеком по имени Голдман. Он вписывал туда людей за деньги. Нет денег — нет места в списке.

Они поженились 6 марта 1928 года. В качестве приданого Оскар Шиндлер получил от своего тестя 100 тысяч крон, которые составляли по тем временам весьма приличную сумму. В своих воспоминаниях, названных «Я, Эмилия Шиндлер», вдова рассказала, что на эти средства ее муж купил роскошный автомобиль, а оставшиеся деньги растранжирил. Оскар работал на самых разных предприятиях, пытался заняться частным бизнесом, но без особого успеха. Эмилия отмечала: «Несмотря на свои недостатки, у Оскара было большое сердце, он был всегда готов помочь тем, кому это было необходимо, он был вежливый, великодушный, ... но совершенно незрелый. Всю жизнь он меня обманывал, потом возвращался и просил прощения...» У Шиндлера было двое внебрачных детей — сын Оскар и дочь Эдита. В браке с Эмилией детей не было.

Новая жизнь для Оскара Шиндлера началась в 1935 году, когда он вступил в Судетонемецкую партию. Ту, которую в конце XX века не иначе как гитлеровской пятой колонной будут называть даже государственные деятели Чехии во время официальных встреч с немецкими делегациями.

Шиндлер совсем не был ангелом. Это лишний раз подтверждают изыскания архивистов, нашедших документы, в которых упоминаются его тогдашние клички — «Мерзавец-агент», «Шиндлер-мерзавец» и другие, не менее ласковые. На протяжении 1931–1938 годов Шиндлер 6 раз представал перед судом. 5 раз из них он был оштрафован за драку, а в 1938 году был осужден на два месяца заключения за угрозы, мошенничество и драку. Г-жа Грунтова утверждает, что и в 1933 году будущий герой Спилберга побывал в тюрьме — на этот раз за соучастие в хищении.

Но 1938 год стал переломным в раскрытии еще одного таланта Шиндлера. После заявления недозавербованного Оскаром полицейского Рудольфа Грушки Шиндлер был задержан и был вынужден признаться в сотрудничестве с немецкой имперской разведывательной службой — абвером. Свою измену чехословацкому государству Оскар Шиндлер пояснил желанием «подзаработать». Его доход тогда составлял от 6 до 10 тыс. крон в месяц. По тем временам учитель получал 800–1000 крон, профессор университета или депутат парламента — 5 тыс., а автомобиль «Шкода-популяр» стоил 16 тыс. крон. (Гораздо позже, в 1956 году, в письме одному из израильских знакомых Шиндлер признался, что «как немец я был заинтересован в присоединении немецкого пограничья Чехословакии к Империи».)

Его задержали 18 июля 1938 года. И тут Оскару повезло. Пока шло расследование и уничтожение созданной им агентурной сети, Европа захватывалась немцами. «Мюнхенский сговор» спас Шиндлера, вполне возможно, от смертной казни как изменника родины.

В начале октября Оскар Шиндлер героем вернулся в родные Свитавы. И не остался в стороне от процесса, тактично названного «аризацией» новых территорий: у предпринимателей неарийского, чаще еврейского, происхождения отбирались — в лучшем случае выкупались — их доли в местных предприятиях. Но Шиндлер переехал в город Моравская Острава и активно занялся работой на абвер. На этот раз — на польском направлении.

После оккупации Польши Шиндлер стал владельцем завода по производству эмалированной посуды. Ранее ею владел Авраам Банкиер, который после прихода Шиндлера остался управляющим фабрики. Привлечение еврейского труда объяснялось прежде всего его дешевизной. Дабы увеличить производительность своего предприятия, Шиндлер построил собственный небольшой концлагерь, деликатно названный «трудовым». Банкиер обеспечивал Шиндлера не только дармовой рабочей силой, но и «левой» наличностью. Пользовавшийся свободным входом и выходом из гетто Банкиер носил продукцию завода на черный рынок, где продавал ее в шесть раз дороже официально установленной цены. Там же Банкиер покупал для гостей Шиндлера — гестаповцев — контрабандные кофе, шоколад, сигары и прочие деликатесы.

В то же время заключенные «трудового лагеря» страдали от недоедания. Представитель законспирированного «Совета помощи евреям» позже вспоминал, что только в начале 1944 года «Шиндлер согласился время от времени пропускать на территорию лагеря конные повозки с хлебом...».

Поэтому, когда в мае 1944 года производился отбор физически здоровых заключенных, которые могли продолжать работать на вновь создаваемом заводе, многие были в ужасе. Бывшая заключенная Пелла Манделова вспоминает: «14 мая 1944 года мы стояли обнаженные во дворе, а немецкий врач нас осматривал. Слабых отбраковывал и посылал в концлагерь. Я страшно тогда боялась, что не пройду...»

В связи с приближением советских войск было принято решение «трудовой лагерь» эвакуировать в город Брненец, находившийся на территории немецкого протектората, и начать там производство патронов. Строительство лагеря началось в конце 1943 года. Семь заключенных из числа отправленных на строительство замерзли. Их закопали прямо на территории лагеря и там же поставили новые бараки.

Шиндлеру пришлось тяжело. Надо было перевезти все имущество (бриллианты, золото, картины, фарфор, шелк, антикварная мебель и пр.), накопленное в Кракове, в Чехословакию.

В 1966 году Министерство внутренних дел Чехии по поводу Шиндлера вело расследование, в котором было указано, что «во время эвакуации заводов из Польши Шиндлер украл ценное имущество из замка польского шляхтича». Надо было вывезти и заключенных.

Вот в этот момент и появляется, с точки зрения Итки Грунтовой, единственный подлинный список Шиндлера. Перед эвакуацией сотни (!) людей были собраны во дворе предприятия. Шиндлер встал у ворот и выкрикивал фамилии тех, кого забирал с собой. Как говорили свидетели тех событий, владелец забрал с собой в «новую жизнь» только 50–60 человек, остальные были отправлены в Маутхаузен, Освенцим либо Штутгоф. Именно об этом списке Эмилия Шиндлер сказала, что в него люди попадали за деньги. Но в одном она ошибалась: фамилия человека, составлявшего список, была не Голдман, а Голдберг. За внесение в список он брал в основном бриллианты. О Голдберге помнят многие бывшие заключенные. Они говорят, что Голдберг и Шиндлер были близки, потому что бриллианты в оплату Голдбергу привозил Шиндлер. Сам Голдберг после войны сменил фамилию — и исчез.

Во время работы на заводе в Брненце ни одна из заключенных не имела права забеременеть. Ослушавшуюся ждала смерть. Кстати, как выяснила Итка Грунтова, смертность в лагере Шиндлера была самой высокой из всех лагерей, входивших в систему концлагеря Гросс-Росен.

После войны Шиндлер эмигрировал в Аргентину, попытался там разводить нутрий, обанкротился, оставил жену Эмилию разбираться с кредиторами и перебрался в Германию. Эмилии позже помогло правительство Аргентины и израильтяне. А Шиндлер спился и умер в 1974 году от рака. Он завещал похоронить себя в Израиле, и это предсмертное желание было исполнено.

Итка ГРУНТОВА на протяжении многих лет изучала историю своего родного края, особенно ее интересовал период с 1918-го по1946 год. О подлинной роли Оскара Шиндлера в развитии событий она узнала из архивных документов. И с тех пор нет более страстного борца за восстановление исторической справедливости, поруганной, с ее точки зрения, Томасом Кеннели и Стивеном Спилбергом.

— Что вас привело к расследованию деятельности Шиндлера?

— Это произошло случайно. 10 лет я была председателем историко-документационной комиссии «Чешского Союза борцов за свободу» и жила неподалеку от городка Брненец, где находился один из филиалов крупного концлагеря. Материалы относительно этого филиала я начала собирать еще в 1986 году. И конечно, во время этих архивных поисков я наткнулась на имя Оскара Шиндлера. Мне бы никогда не пришло в голову, что наступит время, когда его личность будет так прославлена, и мне придется посвятить значительную часть своей жизни его персоне. Когда я услышала по радио «Свободная Европа», что Спилберг снимает фильм о Шиндлере, я не могла этому поверить. Именно тогда я начала интенсивно работать непосредственно в направлении поиска материалов о Шиндлере.

— С какими трудностями вам пришлось столкнуться?

— Во время этой работы я выяснила, что уголовное дело в отношении Шиндлера исчезло. Речь идет об уголовных делах против Шиндлера времен 30-х годов. Кстати, один из моих собеседников — директор крупного музея — пришел к выводу, что все документы, компрометирующие Шиндлера, были устранены специально. Все факты, касающиеся Шиндлера, пришлось собирать из уголовных дел, возбужденных против других людей. И таким образом мне удалось получить подлинную картину деятельности Оскара. Но я думаю, что на этом пути еще могут быть открытия.

— Вы сказали, что не знали заранее, что будет сниматься фильм. Но книгу Томаса Кеннели вы читали?

— Да, «Ковчег Шиндлера» я читала на немецком. Но на этой книге написано «роман». Поэтому я не воспринимала ее как документальную. Для меня это была и есть беллетристика. Неожиданностью было то, что Спилберг использовал роман, только роман, для съемки фильма, который я, кстати, не смотрела.

— Но вы имеете о нем представление?

— Детям в школе я как-то пустила на видео завершающую часть картины, где показывают концлагерь в Брненце. И когда я увидела самый настоящий голливудский финал — приезжает такой убогонький советский казачок, а все заключенные уходят в сторону садящегося солнца, на запад, — то я прямо подпрыгнула на стуле и позвала в класс свидетеля всех тех событий. И тот рассказал, что советские солдаты, вооруженные автоматами, 8 мая разбили ворота, разобрали заграждения концлагеря. Те, кто был в концлагере, изможденные, рыдали от счастья, пели «Интернационал», обнимали советских солдат. И я хотела, чтобы мои школьники этот рассказ слышали, потому что это — правда, а не фильм Спилберга. Хотя, конечно, такая концовка фильма Спилберга не устраивала.

— А где был сам Шиндлер в тот момент, когда советские солдаты разбивали ворота?

— Его уже не было, потому что это случилось 8 мая 1945 года. Сам Шиндлер уехал из лагеря несколько раньше. 8 мая из Брненца уезжали остатки гитлеровских войск. Эмилия Шиндлер говорит, что они уходили из лагеря в колонне немецких солдат. По словам одного из свидетелей тех событий, когда жители города вместе с советскими воинами пришли в лагерь, там не было ни одного немецкого солдата. С перепоя остался один капо, его потом бывшие заключенные линчевали.

— Как Шиндлер получил свой завод в Польше? Он его купил или же это была так называемая аризация?

— Это была именно аризация. Он сначала был управляющим, но полных документов о том, как развивались события, нет. Похоже, что он если и выкупил завод, то у рейха, а не у бывшего владельца.

В прессе писали о том, что Шиндлер в Германии получил компенсацию за свое потерянное во время войны имущество, в том числе и за заводы в Кракове и Брненце. Я тщательно просмотрела все кадастровые книги. Здесь, у нас, Шиндлер никогда, никогда не был зарегистрирован в качестве владельца предприятия. Мой польский коллега также всегда утверждал, что и в Польше Оскар Шиндлер ничего не купил.

— Что такое вообще «Список Шиндлера»?

— Списков, вообще говоря, несколько. У меня, к примеру, есть транспортный лист со списком тех заключенных, которые приехали из Кракова в Брненец. Сохранились и продовольственные списки. Они возникли в апреле 1945 года. Еще один список возник после войны. Это был список тех, кто выжил в Брненце.

— Правда ли, что ваша семья имеет собственный опыт выкупа родственников из концлагерей?

— Да. Мой отец был арестован сразу же после оккупации, 1 сентября 1939 года. Он был политическим заключенным, членом социал-демократической партии. Один из друзей моего отца — адвокат — искусственно возбудил уголовное дело, чтобы моего отца перевели из концлагеря в следственный изолятор на территории протектората. И за взятку, которую дали гестаповцу, тот подменил бумаги в деле, и отца отпустили. Чтобы собрать деньги на взятку, наша семья была вынуждена продать два дома, автомобиль, одалживать у знакомых.

В дело

Болезнь — «Legion étrangère»

Владимир ВАСИЛЬЕВ

После развала СССР и падения железного занавеса, когда выезд за границу упростился настолько, что стал для многих обыденным делом, у молодых парней появилась одно модное течение, которое по прошествии лет стало носить признаки заболевания. Имя его — «Legion étrangère». Так называется место во Франции, куда стремятся в последнее время по различным причинам не нашедшие себя на родине белорусы. Эквивалент русского варианта — Иностранный французский легион.

Речь о легионе как заболевании идет скорее в социально-психологическом плане, чем медицинском. Применяют же термин «болеть» по отношению к спорту или, скажем, к любимому делу. Вот и здесь болезнью названа фанатичная увлеченность легионом. И различать следует две ее формы.

Первая: когда «пациент» пока еще только мечтает туда поступить, основываясь на рассказах очевидцев и журналистских опусах, зачастую сильно приправленных романтикой и хорошо оплачиваемым героизмом.

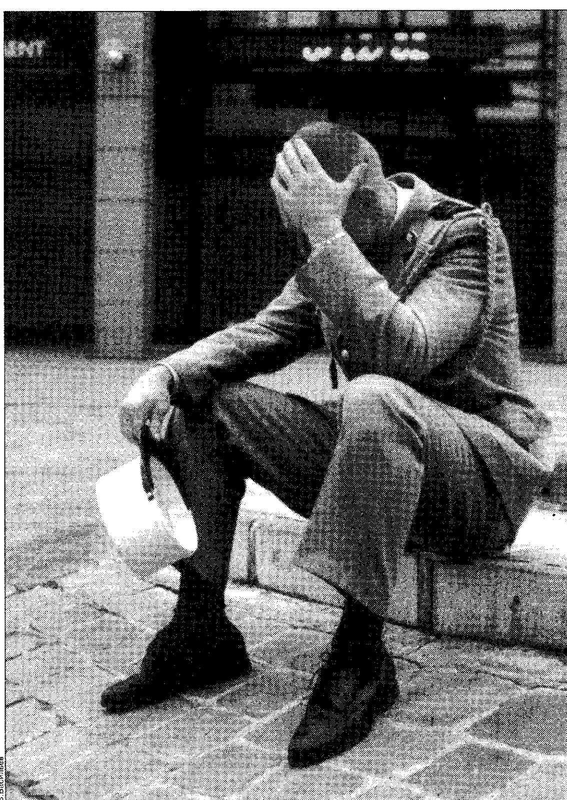
Вторая: когда «заболевший» уже сам прошел определенный срок службы в легионе, познал, что называется, его изнутри, дезертировал оттуда, а затем... вновь вернулся в «легионерскую семью», осознав, что только там он чувствует себя нужным, спокойным и защищенным.

Первую форму можно отнести к излечимым заболеваниям. Иной раз достаточно недели в «обезьstriннике» (своеобразная школа молодого бойца на стадии отбора), чтобы понять, что это не твое, и надо рвать отсюда когти, радуясь команде «сивиль» (быть списанным на гражданку). Другие излечиваются первым месяцем службы после подписания контракта, когда молодого рекрута испытывают не только тяжелыми физическими нагрузками, но и дедовщиной.

А вот вторая форма болезни — хроническая. «Пациент», оставляя легион законным (окончание контракта) либо незаконным способом (дезертирство), уже не может избавиться от болезненной привязанности к нему.

Не наемники, а действующая армия

Legion étrangère — это действующая кадровая французская армия, служба в которой осуществляется аналогично службе в регулярных войсках на контрактной основе. Основное отличие лишь в том, что контракты заключаются не с гражданами Франции, а с иностранцами, временно находящимися на данный момент на французской территории. История легиона, берущая начало в 1831 году в Алжире, полна знаменательных дат и событий. И на ее протяжении долгое время отмечались факты, когда под знаменами ИФЛ укрывались беглые или разыскиваемые в своих странах преступники. Сегодняшний легион гордится тем, что с этими позорными страницами покончено.

Легионеров замечают за странным занятием

Или, во всяком случае, служба внутренней безопасности, прозванная с легкой руки братьев-славян «гестапо», делает все возможное, чтобы рекруты приходили на службу с «чистыми» биографиями.

Не всегда это, правда, им удается. И даже среди белорусов-легионеров есть те, кого дома разыскивают за совершенные преступления. Совсем недавно сам видел в Минске на стенде «Их разыскивает милиция» фотографию парня, с которым несколькими днями ранее в ходе подготовки этой статьи общался во Франции. И был он в форме легионера. Понятно, что дорога домой теперь ему закрыта. Да и в легионе, если прознают про такую «криминальную рекламу», по головке не погладят. Скорее всего, по заключению того же «гестапо» его просто отправят на «сивиль».

Что же касается службы, то ее легионеры несут, как правило, в горячих или трудных (для нормальных французов) точках.

Конкурсный отбор

Рассказы о том, что поступить в легион просто — неправда. Конкурс порой достигает 10 человек на место. Правда, с учетом текучести кадров обновление рядов ИФЛ производится постоянно. Поэтому на сборных пунктах, разбросанных по всем крупным городам Франции, практически никому не отказывают. Чем больше конкурс, тем качественнее отбор.

Кстати, особенно умных и образованных не очень-то привечают при детальном отборе. Некоторым белорусам было отказано в приеме именно потому, что высшее военное образование и 5-6 лет службы офицером белорусской армии делали кандидата непригодным по французским меркам для службы в легионе. Легиону нужна крепкая мышечная масса и, главное, обучаемая, а не уже обученная.

Как результат, в основном легко проходят отбор наши белорусские спецназовцы (особое предпочтение отдается радистам и парашютистам), не успевшие за время службы «развратиться» командными чинами. Основные требования: хорошая физическая подготовка; спокойный, без психических срывов нрав; дисциплинированность и среднестатистическое мышление, проверяемое в ходе психологических тестов.

Сразу отмечу, славян в легионе много. Возможно, поэтому в последнее время в посольстве Франции в Минске были случаи отказов в получении виз молодым парням крепкого телосложения, в отношении которых имелось подозрение, что они едут сдаваться в легион. Спросите, почему дипломатическое ведомство было против повышения конкурса среди кандидатов в легионеры? Ответ очевиден. Не поступившие или невыдержавшие испытаний первых месяцев службы молодые люди предпочитали не возвращаться в Беларусь, а оседать нелегально в близлежащем к Обани (там находится штаб легиона) Марселе. Мало кому из них удавалось затем легализоваться путем женитьбы или получения законного трудового контракта. Многие пополнили ряды работающих «по черному» эмигрантов из бывшего СССР.

Легких денег не бывает

Зарплата легионера на территории Франции при полном казенном содержании составляет около 1000 евро. Получив через пару лет звание капрала, можно обрести добавку в 50 евро. Парашютный полк получает побольше, его бойцам доплачивают за совершенные прыжки. Есть еще и различного рода премии за безукоризненную службу и выслугу лет. Основной интерес в плане заработка, естественно, представляют миссии. Например, если поехать в Джибути на 2 года, то заработок составит уже около 4000 евро в месяц. В Гвиане поменьше — всего 1500 евро. Краткосрочные 3-4-месячные командировки позволят получать от 2000 до 2300 евро в месяц.

Чтобы не сложилось превратного мнения по поводу «денег на халяву», сразу замечу: просто так, задарма, никому ни за что не платят. Трудность условий службы, как и условий жизни в этих районах, пропорциональна выплачиваемому вознаграждению. Мало кому удалось в командировках избежать тяжелых тропических заболеваний. Как в Африке муха цеце, так в Гвиане комар анафель-семель могли запросто оборвать жизнь легионера. Именно за эти трудности и доплачивает французское правительство своим военнослужащим.

Социальная защищенность

Суровая медицинская проверка при поступлении объясняется еще и тем, что за приобретенные за время службы заболевания французское государство обязано платить легионеру. Это теоретически. На практике же делается все возможное, чтобы этого избежать. Например, в прошлом году один из легионеров, проходя службу в Гвиане, вместе с сослуживцами пошел вечером в местный бар и случайно оказался жертвой распоясавшегося пьяного полицейского из числа аборигенов. Страж правопорядка начал стрелять, пытаясь, по его мнению, охладить пыл разгорячившихся соотечественников, и, того не желая, случайно прострелил грудную клетку легионеру. Парня спасли, и, прибыв на европейский материк, он получил предписание о переводе на легкий труд. До сих пор продолжаются споры, что теперь с ним делать: платить пожизненную пенсию по инвалидности или выплатить небольшую единовременную компенсацию и списать на гражданку без вида на жительство?

Есть, правда, в легионе и положительные примеры. Когда одного из парней скрутило все в той же Гвиане из-за смещения позвонков, то ему сделали высококвалифицированную операцию, и он продолжает нести службу, намереваясь в очередной раз продлить свой контракт.

Хотя опять же, по словам некоторых легионеров, нередки случаи, когда на них испытывают новые медицинские препараты, якобы призванные защищать их в сложных климатических условиях. Последствия в виде снижения иммунитета в этом случае можно считать самыми легкими.

Что такое «крыша едет»?

Это расхожее выражение в легионе означает временное состояние невменяемости. Попав в такое состояние, легионер способен совершать неадекватные поступки. Вот несколько примеров.

Вернувшись из Браззавиля после командировки, где ему пришлось не только побывать под пулями, но и самому стрелять в местное население, один из легионеров был замечен своими товарищами за непонятным нормальному человеку занятием: бедняга собирал цветочки на территории своей части и считал их, пытаясь узнать, какое их количество выросло возле плаца за его отсутствие.

Другой легионер, родом с Витебщины, истосковавшийся за год службы по дому, жене и дочери, во время краткосрочного отпуска в нарушение устава купил машину и, не оформляя страховки, других документов, решил съездить к родным. Благо, что еще на французской территории он совершил неопасное ДТП и вынужден был отказаться от идеи рискованного путешествия. Отвечая спустя пару месяцев на мой вопрос, как он собирался пройти без паспорта две границы и проехать пол-Европы на незастрахованной машине, оформленной на прежнего хозяина, этот 38-летний мужчина ничего вразумительного ответить не смог. Ему казалось, что, имея в кармане несколько тысяч долларов, он сможет преодолеть и не такие препятствия.

Как-то после утомительного марш-броска по бразильским джунглям легионеры остановились на привал и были удивлены сброшенными сверху на них кусками дерева. Увидев, что это шалят местные обезьяны, бойцы ИФЛ просто расстреляли их из помповых ружей. А один из находившихся в их группе французских нацистов еще и отрубил упавшим раненным обезьянам головы, наслаждаясь расправой над поверженным «врагом».

Можно привести массу случаев, когда после тяжелых перегрузок легионеры подсаживались на иглу или уходили в тяжелый запой. Ожидать адекватности от действий одурманенного зельем или лекарствами человека сложно. И следующая история — яркое тому подтверждение.

Белорусское пятно в истории легиона

Об этом случае писали практически все газеты Франции. О нем рассказывали и многие газеты других европейских стран. Легионер белорусского происхождения Алик Войтюк (имя, данное ему в легионе) 2 июля 2000 года в 3 часа ночи недалеко от Обани пытался похитить автомобиль «Ситроен-Эвазьон». В этот момент появились хозяева: супружеская пара и их 13-летняя дочь. Потеряв над собой контроль, легионер, угрожая французам газовым пистолетом, заставил их сесть в машину и вывез в лес за городом. Там он убил супругов металлическим режущим предметом, предварительно привязав их к дереву. Девочка после изнасилования была задушена убийцей ремнем безопасности автомобиля. Через день после того, как тела были найдены, преступник был пойман. По версии следствия, он скончался в следственном изоляторе, перерезав себе вены бритвой.

Сослуживцы Алика, с которыми мне довелось впоследствии общаться, отмечали странности в поведении Войтюка задолго до случившегося. Например, он хвастал, что знает семь способов удушения человека без оставления следов на теле. Стал проявлять повышенное внимание к холодному оружию типа ножей в виде звездочек ниндзя. Тренировался их метать. Имея неплохую должность персонального водителя капитана своего полка в Кастельнодари, он специально попросился на стажировку в качестве медицинского работника. Ему нравилось ассистировать при операциях, обсуждать с легионерами способы убийств, которые он узнавал из триллеров. Однако это все оставалось без внимания со стороны его руководства, под пером которого родилась фраза в его личном деле: «Характеризуется как хороший элемент, хорошо вписавшийся в военную жизнь легиона».

Возвращение домой

Оно происходит по-разному. Кого-то, как во времена афганской войны, отправляют в виде «груза 200», чем приходится, в частности, заниматься и белорусскому посольству в Париже. Некоторые легионеры, достигнув одной из своих целей или потеряв всякую надежду на их достижение, возвращаются домой живыми и почти невредимыми. Для пересечения немецко-польской границы им требуется справка, выдаваемая консульским отделом одного из белорусских дипломатических представительств. Как правило, основная роль в подготовке этого документа принадлежит белорусским дипломатам в Париже. С этой справкой бывшие легионеры садятся на самолет или поезд и возвращаются на родину. Условия реадаптации на родной земле зависят от времени, проведенного за рубежом, и наличия средств в кармане или на банковском счету.

Но есть и те, кто остается служить в ИФЛ или работать во Франции, ожидая получения обещанного французского гражданства. У каждого — своя судьба.

Для служебного пользования

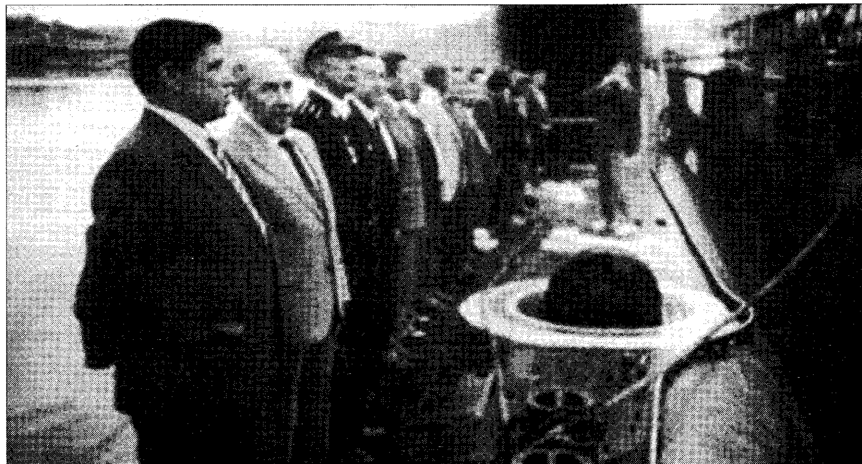
Для ознакомления

Не знал их мир спасенный

Тридцать лет власти молчали о героизме и самопожертвовании экипажа подводной лодки К-19

Юрий РАБЧУК

В одном из номеров «Морского сборника» за 2002 год опубликована маленькая заметка о том, что для разделки на металлолом на судоремонтном завод «Нерпа» под Мурманском из Ара-губы отбуксирована находившаяся там на отстое с 1990 года атомная подводная лодка К-19. Для людей, воспринимающих море и корабли как романтику, эта информация — ничего не значащее событие. Совсем по-иному воспринял ее минчанин Иван Петрович Кулаков, проходивший на этой подводной лодке срочную службу: К-19 изменила его судьбу и все последующие годы держала на грани жизни и смерти. И все-таки он пережил первенца советского атомного ракетного подводного флота, ту самую «Хиросиму», о которой столько было написано и правды, и небылиц и из-за которой как минимум дважды весь мир стоял на грани ядерной катастрофы.

Ветераны К-19 на спуске флага

Иван Кулаков

А начиналось все действительно романтично.

1 декабря 1957 года белорусский паренек Ваня Кулаков из деревни Петриги Мстиславского района был призван на службу в Военно-морской флот. Через полгода, закончив в Ленинграде учебку, был зачислен в команду ДПЛ «Б-69», которая базировалась в г.Полярный. Но еще будучи в учебке, проходя дополнительную медкомиссию, молодые моряки догадывались: им предстоит более серьезная служба, нежели та, на которую призывали. Эти догадки оправдались позже, когда уже во время службы на дизельной подводной лодке приехал «покупатель» и набирал новую команду. «Он беседовал с каждым персонально и спрашивал, желаем ли мы служить на новых кораблях, а именно — на атомных подводных лодках, — вспоминает Иван Петрович. — Естественно, желание было огромное: как-никак — новое, никому до этого не известное. Так я попал в Северодвинск и был зачислен в команду К-19, первого атомного подводного ракетоносца, который еще стоял на стапелях».

Головная лодка проекта — К-19 — была заложена на заводе в Северодвинске 17 октября 1958 года, спущена на воду 8 апреля 1959 г. и вступила в строй 12 ноября 1960 г. Первые успешные пуски ракет с борта К-19 были проведены в октябре 1960 г. Но за удачей потянулась полоса трагедий.

4 июля 1961 г., во время проведения учений «Полярный круг», во время следования в заданный район Северной Атлантики для проведения пуска ракеты после всплытия из-под арктического льда на К-19 произошла авария реактора левого борта с заклиниванием главного и вспомогательного циркуляционных насосов.

Экипаж лодки под командованием капитана 2-го ранга Н.В.Затеева в кратчайшие сроки — всего за два часа — сумел смонтировать из подручных средств нештатную систему охлаждения аварийного реактора и тем самым предотвратил его взрыв. Трудно даже представить себе, каковы могли быть последствия такого взрыва близ Исландии, почти на самой вершине Европы...

Вот как рассказывает об этом непосредственный участник тех далеких событий И.П.Кулаков:

— В 1961 году нас отправили в автономное плавание в Атлантику. Мы должны были подойти к берегам США, Канады, пройти через Датский пролив, войти в кромку льда, найти полынью и всплыть, чтобы произвести ракетный залп по мнимому противнику. Оставалось сутки идти до кромки льда, когда возле норвежского острова Янмайн, где расположена военная база НАТО, у нас произошла авария атомного реактора. В 4 часа по московскому времени у нас проходила пересменка: вторая смена сдавала вахту, третья, в которой находился и я, вахту принимала. По специальности я был старшиной команды трюмных машинистов, в моем подчинении находилось 15 человек и вся корабельная система в заведовании. Уже все отсеки доложили о заступлении на вахту, замечаний нет, как через 7 минут с пульта управления поступил доклад: в первом контуре одного из реакторов упало давление. А раз упало давление — значит, заклинило насосы, прекратилась циркуляция охлаждения реактора. Все происходило очень быстро. Раз нет давления, значит, где-то произошел прорыв по первому теплоносителю, самому радиоактивному. В это же время датчики приборов начали фиксировать возрастание радиоактивности в реакторном отсеке. Одновременно начало зашкаливать датчики приборов указания температуры реактора, и стало непонятно: какая температура, что происходит в реакторе? Как трактовалось в документах, в случае резкого возрастания температуры, ежели нет охлаждения аппарата, может произойти или ядерный взрыв, или тепловой. Хрен редьки не слаще: и в первом, и во втором случаях гибель лодки и личного состава, заражение радиоактивностью всего побережья северной Европы (а при попутном ветре и Англии) неизбежны. Было предложено всеми имеющимися средствами пытаться начинать охлаждать реактор. Как? Когда на заводе строили лодку, были предусмотрительно поставлены дополнительные насосы Т-4а, но саму систему не исполнили. Наши механики доказывали заводским инженерам и пролетариату, что ее нужно смонтировать. Но соревнование с американской атомной ракетной подводной лодкой «Джордж Вашингтон» вносило в планы советских кораблестроителей свои коррективы. Поэтому нашей команде пришлось самой монтировать систему. В это время в отсеке уже была очень большая радиоактивность, которая расползалась по другим отсекам. Для работ в таких условиях не было предусмотрено средств спецзащиты. Противогазы, легководолазные костюмы у нас были. Но они громоздкие, в них невозможно повернуться в лодочной тесноте. Очки запотевали, ничего не было видно. Моряки снимали маски, работали с открытым лицом, дышали зараженным воздухом. Но вскоре смонтировали эту систему, запустили насосы, и пошла прокачка реактора. Через некоторое время приборы начали фиксировать температуру реактора, команда вздохнула с облегчением. Но беда одна не приходит: на лодке отказала антенна дальней связи. Командир принял решение повернуть лодку и идти подальше от советских берегов, но ближе к своим лодкам, находящимся на учениях. До базы нам надо было идти около трех суток, но, как определили дозиметристы, за это время мы придем в базу как летучий голландец — ни одной живой души на лодке не останется. Мы пошли к Фоерским островам, чтобы хоть по маломощному передатчику связаться с нашими кораблями. Первая группа моряков работала в зараженном отсеке до тех пор, пока их не вынесли на руках. Они получили по пять-шесть тысяч рентген, просто сгорели. Это все равно что жителя Севера на целый день положить под палящее южное солнце. Здесь же картина была еще страшнее: глаза налиты кровью, выпучены губы, изо рта шла пена, рвота... Смонтированная в экстремальных условиях система охлаждения вскоре опять вышла из строя, температура реактора поползла вверх. Нужно было снова идти устранять неполадки. Мы втроем — капитан 3-го ранга Енин, старшина Березов и я — пошли в отсек, устранили течь.

После этого мне еще дважды предстояло заходить в зараженный отсек, устранять различные неполадки. Когда я в третий раз входил в отсек, в котором стоит шум механизмов, но нет ни одной живой души — аж пилотка на голове приподнималась. Страха не было, было какое-то жуткое состояние: знаешь, куда идешь, а идти все равно надо...

Первой на помощь аварийной атомарине пришел экипаж находившейся поблизости дизельной лодки С-270 под командованием Ж.Свербилова. Подойдя прямо к борту К-19, Ж.Свербилов сделал все от него зависящее, чтобы оказать помощь атомоходу, даже пытался взять его на буксир. Когда же это не удалось (был шторм), а уровень радиации на К-19 многократно превысил все мыслимые нормы, Свербилов принял на борт экипаж аварийной лодки.

На радиограмму с вопросом «Что делать?», отправленную командиром К-19 в штаб флота, пришел ответ, который иначе как издевательским не назовешь: поите личный состав соками и кормите фруктами. В Североморск-то море...

Моряки переходили на С-270 голыми, переодеваясь на свербиловской лодке. Некоторые были с автоматами, которые, как вспоминают участники тех событий, старпом С-270 отбирал и бросал за борт... Потом подошли спешившие навстречу из Североморска эсминцы. Несмотря на шторм, Свербилов пересадил на один из них, «Бывалый» (наверное, с тех пор на этом корабле шутили, что на «Бывалом» все бывало...), часть наиболее здоровых моряков. Оставшихся же пришлось доставить в госпиталь самому... Несмотря на усилия спасателей, 14 моряков из экипажа К-19 скончались от переоблучения, многие получили большие дозы радиации. Группу из шести человек, которые первыми заходили в отсек, отправили в Москву, где они через неделю умерли. Похоронили их в свинцовых гробах, не сообщив даже родителям. И только случайно в 90-х годах были обнаружены их могилы.

Вспоминает И.П.Кулаков:

— Я тоже получил большую дозу облучения. Первые дни были рвоты, головные боли. Потом самолетом отправили в Ленинград, где я попал в Военно-медицинскую академию в отделение военно-полевой медицины. Через два-три дня резко поднялась температура, пошел бурный процесс лучевой болезни. Руки, а я работал в отсеке голыми руками, были полностью обожжены, да и по сегодняшний день они у меня нездоровые. Начали интенсивно распадаться лейкоциты в крови, чуть ли не каждый день делали переливания. Укол сделают, а через эту дырочку вытекает розовая водичка. Полностью выпали волосы, кровоточили десны, шатались зубы, потерял зрение. Скончались двое моих товарищей, я был следующим на очереди. Помню, приезжало высокое военное начальство и убеждало, что мы ни в чем не будем нуждаться, что Родина нас не забудет. Да, в то время можно было обещать что угодно, когда они прекрасно знали, что наши дни сочтены. Но когда мне сделали операцию по пересадке костного мозга, я постепенно встал на ноги...

Вторая группа инвалидности и пенсия в размере 32 рублей — вот такой была благодарность Родины 22-летнему Ивану Кулакову за спасенный мир. А с диагнозом «астено-вегетативный синдром» — что-то вроде психического расстройства (о лучевой болезни вслух говорить запрещалось) — на работу устроиться было практически невозможно. Около года жил в Украине у брата. Но жить иждивенцем не в правилах Ивана. Он написал о своей судьбе в политотдел воинской части. Там его не только поняли, но и приняли в качестве сверхсрочника, где он и служил до 1980 года вплоть до выхода на пенсию.

После аварии лодку К-19 отремонтировали, вырезав и заменив оба реактора на новые (старые затопили близ Новой Земли вместе с находящимся в них ядерным топливом). 26 февраля 1964 г. лодка вновь вступила в строй. После этой аварии К-19 получила у моряков неофициальное название «Хиросима» и репутацию несчастливого корабля. В 1968-1969 гг. К-19 прошла модернизацию по проекту 658М и летом 1969 г. первой в ВМФ СССР выполнила подводный пуск БР Р-21.

15 ноября 1969 г. К-19, вышедшая в район полигона боевой подготовки Северного флота, в подводном положении столкнулась на траверзе мыса Териберский с американской АПЛ «Gato», осуществлявшей в советских водах разведку, ударив ее в борт. Лишь по счастливой случайности (К-19 шла малым ходом) все завершилось в общем благополучно. 24 февраля 1972 г. во время несения боевой службы, находясь в районе к северо-востоку от Нью-Фаундленда, К-19 пережила очередную аварию. Пожар, возникший в машинном отделении, унес жизни 28 членов экипажа. Еще 14 человек, блокированных в кормовом отсеке без продовольствия и воды, в условиях полной темноты, держались почти месяц, пока аварийный корабль не обнаружили спасательные суда «Атаган» и «Бештау», а также буксир СБ-38, и 2 апреля 1972 г. довели его до своей базы в Гаджиево. После этого случая К-19 вновь отремонтировали на СРЗ «Звездочка», и с 5 ноября 1972 г. она вновь продолжала нести боевую службу наравне с новыми атомоходами.

25 июля 1977 г. К-19 была переклассифицирована в большую ПЛ, а 26 июля 1979 г. — в ПЛ связи. В период с 1977-го по 1983 гг. лодка прошла модернизацию по проекту 658С, а 19 апреля 1990 г. по условиям советско-американского Договора ОСВ-1 была исключена из состава флота и поставлена на отстой сначала в губе Сайда (Гаджиево), а позже — на прикол в губе Ара (Видяево). Время утилизации К-19 странным образом совпало с утилизацией там же К-141 «Курск».

Обсудить в коллективе

В поисках Белой Дамы

Владимир БОГДАНОВ

Дежурная для каждого местечка история о местном привидении в Гольшанах имеет под собой вполне реальную основу. Самый известный белорусский призрак — Белая Дама — являлся здесь десяткам людей.

С Белой Дамой я «познакомился» в декабре 2001-го, когда впервые попал на территорию, где, по рассказам, обитает призрак. К углу монастырского корпуса в Гольшанах пристроена двухэтажная шестигранная башенка. На первом этаже — кабинет директора филиала Национального художественного музея Чеславы Акулевич. Она и показала мне то самое место на стене комнаты, где постоянно появляется (или проявляется) образ Дамы. Над входной дверью под облупившейся свежей штукатуркой проступало темное пятно, в очертаниях которого при большом желании можно было угадать летящую женщину. Я достал фотоаппарат. Снимал я в тот день много. Остался на всякий случай последний кадр. Чтобы не испортить единственную попытку, тщательно прицелился и щелкнул. А когда потом проявил пленку, то был, мягко говоря, удивлен: снимок получился совершенно… кривым. Будто в момент съемки перекосило градусов на 30 то ли камеру, то ли дверь, то ли меня. Это заставило более внимательно отнестись к рассказам людей, со всей серьезностью утверждавших, что лично видели, слышали, ощущали, словом, контактировали с самым знаменитым призраком. Все мои гольшанские собеседники — представители разных возрастов, профессий, мировоззрений — говорили о Даме как о реальной соседке, со своими странностями, а порой и дикими выходками.

Белая Дама — своего рода уникальный экспонат музейной коллекции. Правда, очень уж беспокойный.

— Легенда такова: в 1618 году Павел Сапега торопился построить монастырский корпус к определенной дате. И вдруг одна из стен упала. Ее перестроили, но стена вновь рухнула, — рассказала Чеслава АКУЛЕВИЧ. — Строители постановили принести жертву. Решили: первая из жен, которая принесет обед, будет живьем замурована в стену. Молодой парень, который только что женился, взмолился, чтобы жену, которую он очень любил, что-то задержало в дороге. Но именно она, летящая на крыльях любви, прибежала первая. Ее и замуровали в злосчастную стену.

Прошли столетия. Развалился Сапеговский дворец. Дважды разрушался и перестраивался здешний костел. И только монастырь прочно стоит. Иногда на втором этаже можно услышать чьи-то бегущие шаги, хотя помещения пусты. Порой эхо разносит по помещениям чьи-то тяжелые вздохи. Некоторым удается увидеть и саму девушку.

Странные вещи стали происходить в 1990-х, когда в ходе ремонтных работ в костеле и монастыре началась чистка подвалов. Однажды я прихожу на работу, а на столе в картонной коробке — человеческие останки. Я к рабочим: что за странные презенты? А они совершенно серьезно говорят: «Вы все время экскурсантам историю рассказываете о замурованной женщине. Так мы ее нашли». Я опешила: «Ребята, это же фольклор!»

Оказалось, они расчистили подвалы от многовековых наслоений до самого фундамента. У основания одной из стен нашли отверстие, под которым лежал скелет человека в странной позе: ногами к стене, туловище развернуто к центру помещения, руки раскинуты, нога на ноге. Ясно было: человека не хоронили, скорее всего, он умер мученической смертью. Рабочие предположили, что скелет вывалился из этой ниши.

Коробка так и осталась у меня в кабинете. Потом я надолго уехала в Минск, а когда вернулась, уже ударили заморозки, рабочие разъехались, а двери в подвалы закрыли и опечатали. Мы даже не могли вернуть кости на место: переносили их туда-сюда. Как-то на экскурсию в музей приехали медики, посмотрели останки, сказали, что это была женщина, причем молодая. Намучились мы с этой коробкой. Потом кто-то предложил: человека, скорее всего, не отпевали, давайте по-христиански захороним на кладбище, а весной скинемся, поставим крест. Я попросила двух мужчин, которые работали на реставрации в костеле и жили в Гольшанах, отнести коробку на кладбище, закопать и отметить место. Донесли они ее или зашли в пивную, а кости по дороге просто выбросили, теперь можно только гадать. Говорили потом, что дети таскали по Гольшанам какой-то череп. Как бы то ни было, сейчас спросить не у кого: рабочие умерли в тот же год с интервалом в несколько месяцев. Одному было 55 лет, второму 62. В общем-то, возраст не преклонный.

С тех пор начались неприятности. Когда мы эту коробку вынесли, арка, под которой нашли останки, дала трещину. Может, просто время пришло, но трещина пошла гулять по всей стене. Приехали архитекторы, понаставили специальных маячков, сказали — если трещина через полгода пройдет через маяк, значит, здание не спасти. Слава богу, уже 6 лет прошло, а маяки не тронуты. Ну а потом стали мы замечать странности в этой комнате. Обычно у нас в ней командированные ночевали, а тут вдруг стали отказываться, хоть она и самая теплая. Один архитектор заболел, мы ему кровать сюда перетащили. Наутро приходим, а он кровать вытащил и в холодном помещении с температурой лежит. Наскоро собрался, сказал, что Гольшаны его до Новинок доведут, и уехал. Другой переночевал, а наутро без всякого стеснения сказал, что ночью не мог найти ни выхода, ни выключателя. Когда очнулся, голова лежала на подушке, а сам стоял на коленях у кровати. Он еще юморил: «Я ведь партячейкой командовал, а здесь в идиота превращусь». Мы сначала похихикали, что это месть Белой Дамы мужикам, а потом шутить перестали: подобные истории все повторялись.

Несколько лет назад к нам приезжала группа Белорусского телевидения, хотели сделать предновогоднюю передачу о привидениях на тему короткевичского Черного монаха и Белой Дамы. Все шло нормально. А потом стали снимать в подвалах. Дыма напустили, изобразили даму в белом, в штору закутали монаха. В заключительной сцене девушка, которая Белую Даму играла, шла по мостику над открытой частью подвала. Она повернулась, чтобы что-то сказать, и вдруг упала прямо в подвал. Словно кто-то в грудь толкнул, и она равновесие потеряла. Пришлось среди ночи вызывать хирурга, накладывать швы на разбитую голову девушки. Всю съемочную группу из монастыря сразу как ветром сдуло.

Мне самой Даму видеть не доводилось. Как-то пришла пораньше, своими ключами дверь открываю, а внутри все, что можно, включено. И знаю, что никого в помещении нет. Иду и со злостью один за другим выключатели нажимаю, а в этой комнате, последней, люстра горит.

В.Богданов
Гольшанский монастырь

Я только хотела нажать выключатель, но кто-то меня опередил. Не помню ни человека, ни фигуры, а только чужую руку. Я тогда решила, что это у меня последствия перенесенного гриппа. Никому ничего не сказала, а потом оказалось, что почти у каждого сотрудника есть своя «странная» история.

Днем я спокойно нахожусь в своем кабинете: она в это время обычно не «шалит». Но ночевать здесь ни за какие деньги не останусь.

Найти людей, которые лично видели Белую Даму, оказалось не сложно. Через некоторое время в музей заглянул удивительно серьезный молодой человек. Максиму ЛЮТКОВСКОМУ всего 12 лет, но рассказывал он подробно и обстоятельно, и даже проводил меня на «место встречи»:

В.Богданов
Максим Лютковский

— Как-то мы с другом играли у музея. Тут была яма. Я в нее забрался, а Игорь убежал. И тут мне вдруг стало так страшно, что я и вправду из ямы выпрыгнул. А потом оглянулся, а между двумя деревьями, что возле сарая, что-то белое висит, как будто женщина. Я, честно говоря, немного испугался и отвернулся. А когда опять посмотрел туда, ее уже не было. Так что видел я ее всего секунды 3-4, но запомнил хорошо. Она была в таком платье вроде свадебного. Лицо белое, платье белое. И висит над землей — где-то на полметра.

Не желая принимать мальчишеский рассказ просто на веру, я спросил Максима в лоб: «Послушай, а ты не приукрашиваешь слегка?» Он ответил так, что мне, взрослому, стало даже неловко: «В смысле, не вру ли я? Да вы что, дядя, это же грех».

А чуть позже состоялась встреча с человеком, которого трудно заподозрить в неустойчивой психике и излишней восприимчивости к аномальным рассказам. Альфонс ЛАВРИНОВИЧ — главный врач Гольшанской участковой больницы:

— Сам я никакой Дамы не видел. А вот мой 17-летний внук Алесь (сейчас он в Вильнюсе) два года назад ее повстречал. Тогда он прибежал домой с широченными глазами, забился в угол и молчал. Мать ему говорит: «Сходи на улицу, позови брата». А он ни в какую. Не пойду, говорит, боюсь. А потом рассказал, что шел домой мимо костела, вел за руль велосипед. Повернул за угол и видит: у стены монастыря прямо в воздухе висит прозрачная женщина и машет ему рукой, зовет к себе. Он как вскочил на велосипед, так до самого дома уже не останавливался. Я могу разобраться, когда человек врет. Это был не тот случай. Да и для нашего местечка эта история далеко не единичная. Я знаю и других людей, утверждающих, что видели Даму. Дело врача — поставить диагноз. И я думаю, что это галлюцинации. А вот почему разным людям примерно в одном и том же месте являются схожие видения — это уже другой вопрос, пожалуй, не моей компетенции. Я даже однажды спросил у ксендза нашего костела, как он относится к призракам. Но он замялся и ничего не ответил.

В общем, наслушавшись подобных свидетельств, я решил самостоятельно поискать материальные следы если не призрака, то хотя бы красивой древней легенды. Прежде всего ту самую нишу в стене, под которой рабочие когда-то наткнулись на странный скелет. По трещинам в стене музея удалось примерно определить находящуюся внизу зону подвалов, где имело смысл искать. С фонарем и фотоаппаратом спустился вниз. В узких подвалах еще стоят строительные леса, оставшиеся после так и не законченных ремонтных работ. Так что двигаться можно с большим трудом, едва ли не ползком. Конкретно искомого места я, пожалуй, так и не нашел, хотя несколько похожих ниш встретил. Но сейчас подвалы Гольшанского монастыря вычищены, а стены на большой части обложены свежим кирпичом. Где-то под ним, видимо, и скрыто то самое место, куда кто-то когда-то замуровал то, что потом было определено как останки человека женского пола.

Под лестницей, ведущей наверх, я обнаружил два деревянных ящика, доверху набитых человеческими костями и черепами, собранными при расчистке подвалов. Обстановка была, мягко говоря, мрачноватой. Тьма кромешная… Некоторое время я еще упрямо ползал в этих лабиринтах, пока в одном из глухих закутков над головой вдруг не раздался… шелест крыльев. От неожиданности я едва фонарь не выронил, а когда собрался с духом, то высветил на потолке огромную ночную бабочку. Все бы ничего, если бы не цвет. Белая. Она была совершенно белая... «Хватит дурацких совпадений», — смело сказал я себе и быстро выбрался наверх.

Оставался еще один радикальный способ проверить легенду на прочность — ночевка в монастыре. Желательно в полнолуние и в комнате с летящим силуэтом.

Однако, обстоятельно взвесив заманчивую перспективу, я проявил благоразумие. А может, действительно испугался. Причем даже не столько самой встречи с привидением (на это безрассудства как раз хватило бы), сколько перспективы получить слишком определенные ответы на мои смутные вопросы.

В общем, от ночи с привидением я отказался ввиду ее бессмысленности. Ведь существование сверхъестественного невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Другое дело, что нельзя отрицать наличие непознанного. Так и в истории с Белой дамой: ее можно только принимать или отвергать, имея при этом собственное мнение.

Есть оно и у меня, причем совершенно четкое: Белая Дама, безусловно, существует. Прежде всего как нематериальный исторический памятник национального значения. Может быть, даже не менее ценный, чем сам Гольшанский замок или монастырский комплекс. Многовековая легенда, пережившая своих создателей и разрушителей, смены исторических формаций и государств, заслуживает как минимум бережного и уважительного к себе отношения. Почему, в конце концов, так знамениты привидения той же Шотландии, где не иметь в старом замке собственного призрака и не гордиться им — просто неприлично? Ведь это не только наживка для туристов, что само по себе немаловажно, но и элемент фольклора, культуры, национальной самобытности. Наша Белая Дама пока вынуждена напоминать о себе, пугая в основном местных жителей, поскольку туристы приезжают в Гольшаны не так часто, как могли бы.

Что же касается Белой Дамы как призрака, то после всего, что услышал и увидел, отрицать наличие в древних стенах некоего необъяснимого фантома я бы просто не решился. Думаю, людям нужно верить. Может быть, и сейчас кто-то слышит легкие шаги по монастырской галерее…

В.Богданов
Подвалы молчат…

Подлежит возврату

Лживые энциклопедии

Шкловский идол может быть переименован в «Магілёўскае божышча», чтобы никто ничего такого о Лукашенко больше не думал

Сергей ШАПРАН

Нас по-прежнему надувают, когда говорят, что цензуры больше нет, что она исчезла вместе с коммунистическим режимом. Вранье! Цензура была и остается. Не возьмемся анализировать весь ее спектр. Остановимся лишь на энциклопедических изданиях. Тем более что энциклопедии и в советские, и в постсоветские времена готовились в строгом соответствии с идеологическими установками правящего режима.

Однако лгали не только советские энциклопедии — беспардонно врут или недоговаривают (и еще неизвестно, что хуже) энциклопедические справочники, выходящие с 1995 г. и поныне. Врут прежде всего в той части, где речь идет об истории Беларуси.

«Жорсткія прыгнятальнікі бел., укр., літ. і польск. народаў»

Еще Карамзин говорил, что история памятливее людей. Так оно остается и поныне. Драматург, кандидат исторических наук Алесь Петрашкевич, 27 лет проработавший в белорусских энциклопедиях, свидетельствует, что «за энциклопедическими изданиями постоянно следила целая стая церберов, специализировавшихся по целым отраслям наук. Хотя с инструкциями и перечнями объектов, лиц и сведений, о коих сообщать «не положено», редакторов никогда заранее не знакомили — все эти списки-перечни имели грифы «секретно» или «для служебного пользования». Поэтому энциклопедии создавались будто наощупь — пройдет материал или нет? И — главное — как отреагирует цековское начальство?»

В этой связи примечателен рассказ доктора исторических наук, профессора Анатолия Грицкевича, сотрудничавшего с «Беларускай савецкай энцыклапедыяй» (БелСЭ) еще с 1-го тома:

— Это история скорее юмористического толка, — рассказывает Анатолий Петрович. — Как ни удивительно, но именно в БелСЭ появилось около 100 статей по генеалогии магнатов и самых крупных шляхетских семей. Ничего подобного не было ни в одной республиканской энциклопедии. Даже в «Большой советской» было названо, может, лишь с десяток самых крупных семей вроде Шереметевых и Меншиковых. А тут — около ста! (Этот удивительный факт объяснил А.Петрашкевич: «Кастрация белорусской истории проводилась по всем направлениям. Но чтобы хоть как-то представить в БелСЭ пантеон выдающихся фигур белорусской истории, мы включили эти имена в термины «Магнатский род». Так они и прошли. Магнаты — они ведь «эксплуататоры» и «кровопийцы трудового народа»! И среди них великий композитор и государственный деятель ВКЛ Клеофас Огинский, Радзивиллы, Сапеги, Ходкевичи, Олельковичи, Острожские и сотни других имен, которыми в цивилизованных странах только гордились бы». — **С.Ш.**) И больше всего статей — девяносто — заказали мне. Я написал. А когда энциклопедические тома начали выходить, обнаружил вставленную едва ли не повсюду трафаретную фразу: мол, магнаты «былі жорсткімі прыгнятальнікамі бел., укр., літ. і польск. народаў». Но поскольку энциклопедические тома в типографию порой сдавать надо было быстро, в издательстве иногда забывали вставить эту фразу. В результате одни магнаты оказывались «жестокими угнетателями», а другие — нет. Или, помню, писал о Тышкевичах, где среди прочего рассказал и об известной польской киноактрисе Беате Тышкевич: родилась в 1937 г., снималась и т.д. Но все это было вычеркнуто. Спрашиваю: «Почему?» Отвечают: «Неудобно. Все ж таки она не угнетательница...»

«Запрещенные» войны

Профессор Грицкевич подтверждает: цензура в энциклопедиях была. И добавляет:

— Существовало даже агентство по охране авторских тайн (а в действительности — обычное цензорское агентство). Кроме того, уже спустя годы я узнал, что в ЦК КПБ, в отделе пропаганды и агитации, существовало подразделение (либо просто несколько человек), в котором энциклопедии, прежде чем их издать, читались очень внимательно, и что не надо вычеркивалось.

С этим я сам столкнулся, когда мне надо было за 2 или 3 дня написать политическую историю Великого княжества Литовского. И я, пользуясь моментом, рассказал в том числе и про войны с Россией, о чем раньше писать не было принято. В частности, рассказал и о том, что потери ВКЛ в войне с Россией составили до половины населения. Но выходит энциклопедический том, а этих цифр нет! Я подумал, что они вычеркнуты из-за сегодняшних хороших отношений с Россией. Однако причина оказалась иной: как это могла Беларусь потерять половину населения, когда самые большие потери были в Великой Отечественной войне?! Эта логика меня потрясла...

Войны с восточной соседкой не раз аукались тем белорусским историкам, которые пытались рассказать о них правду. Вспоминает опять же Алесь Петрашкевич:

— Употреблять термин «московско-литовские» или «российско-литовские» (то есть белорусские) войны — а они шли практически беспрерывно в течение пяти столетий! — было «не положено» в связи с тем, что это якобы могло вызвать у читателя «антирусские настроения». Разрешался лишь термин «польско-русская война», поскольку ВКЛ, как известно, состояло в Унии с Польшей (Речь Посполитая). Таким образом, исторический негатив от войн смещался на «агрессивную» и «ненавистную» Польшу.

Кстати, именно А.Петрашкевич возглавил потом организационно-методический центр по изданию 140-томной историко-документальной хроники городов и районов Беларуси «Память». При нем вышло более 70 томов, однако впоследствии теперь уже бывшими чекистами на Петрашкевича был состряпан донос, в котором, в частности, утверждалось, что в серии фигурируют документы, вызывающие «антирусские настроения». Речь шла о восстании Кастуся Калиновского и его биографии; об указе Екатерины II, после присоединения Беларуси к России заявившей: чтобы замирить Северо-Западный край, необходимы три вещи — русский чиновник, русская школа и православный поп; наконец, о войнах с Россией...

Правда, которую мы еще помним

И это не все. Алесь Петрашкевич вспоминает:

— В доносе также утверждалось, что в нашей «Памяці» мы негативно показываем колхозное строительство. А как ты покажешь его не негативно, если мы публикуем цифры реабилитированных — тысяча, две, а то и три тысячи! — уничтоженных мужиков, которые просто не хотели идти в колхозы и потому были расстреляны или сосланы в отдаленные места СССР? Мы просто обязаны были объяснить, что означают эти цифры!

Было в доносе и обвинение в том, что в хрониках слабо показывается всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Но мы ведь описывали не петербургскую революцию, а революцию в Пуховичах, Червене, Борисове и Койданове — какая она там была, такую и показали. Но, оказывается, сегодня нельзя этого делать. Раньше (и сейчас) нас избавляли от исторической памяти, которая складывалась на протяжении семи столетий. Теперь же нас хотели избавить от памяти о событиях, которые я еще помню, которые все мы еще помним!..

Однако, издавая хроники, я считал нужным делать книги честными и правдивыми и освещать в них не только период Второй мировой, но и всю нашу историю — от древних времен и до наших дней. Мы успели издать 76 томов. И я горжусь тем, что мы сделали. После меня книжки стали значительно тоньше, и в них превалировали материалы о Великой Отечественной. Стало больше цензуры. Вообще, складывается впечатление, что раньше цензура была «лучше», поскольку, скажем, приходишь в Главлит, и тебе открыто говорят: «Это вычеркни, а это оставь». Теперь цензорами стали председатели и члены городских и районных комиссий по подготовке рукописей, сами редакторы издательств и любые начальники. Они просто боятся правды. Но когда все перечисленные люди становятся цензорами по собственному желанию, это ужасно.

Я и сам, издавая хроники «Памяці», неоднократно защищался не от цензуры, которой официально вроде бы не существовало, а от редакторов. «Да не бойтесь вы! — убеждал я. — Поставьте этот документ! Ведь был же такой факт в истории!» Но нет... Скажем, нам не позволили в «Памяці» рассказать о таком факте. В одном из районов Беларуси партизаны готовились забрать в отряд группу молодежи — человек пятнадцать в возрасте от 15 лет и старше. План был следующий: партизаны приходят в деревню утром и, избивая парней, уводят их с собой. Их матери при этом должны были голосить на всю деревню, чтобы полицаи подумали, будто ребят забирают насильно, и не расстреляли потом их семьи. Но ночью полицаи хватают ребят и отводят в участок, где переписывают как полицейских-добровольцев. И этой же ночью другой крупный партизанский отряд, находясь на марше, сходу сметает с лица земли этот маленький полицейский участок. Ребята были закрыты в отдельной комнате. Их находит партизан-пулеметчик и, воскликнув: «А! Бобики!», — расстреливает всех до единого... Мы не смогли рассказать в «Памяці» и о том, как в Быховском районе партизанский отряд, разгромив полицию, забросал гранатами крестьянский дом, где размещался полицейский участок. Погибли женщины и дети. Правда, я потом воспользовался этими документальными материалами — на их основе написал рассказы. Как я печально шучу: рассказы из «отходов» «Памяці». Хотя разве ж это «отходы»?! Это самая суть «Памяці», суть трагедии народа. Не случайно однажды наш центр «Память» получил возмущенную, но справедливую оценку доцента-историка из Могилевского пединститута: «Что ж это у вас такая избирательная «Память»?». Возразить было нечего...

Под дурную цензуру постоянно попадал и Янка Купала. Многие стихи классика были под запретом. И даже когда в 80-х годах наступила очередная «оттепель», Купала все равно был запрещен. Вспоминает опять же Алесь Петрашкевич:

— У Купалы много публицистики, стихов, которые и до сегодняшнего дня мало кто знал. И при подготовке персональной одното́мной энциклопедии «Янка Купала» нам вновь запретили вспоминать эти стихи — стихи 1911-го, 1915-1917 гг. и даже 1926 г. Они были изъяты из книги цензорами.

Апологетика фальсификаций

Тем не менее, по свидетельству Петрашкевича, сотрудники энциклопедий стремились делать свое дело как можно честнее. Алесь Лявонович любит вспоминать слова Петруся Бровки, долгое время возглавлявшего БелСЭ: «Хлопцы, пишите честно. Если кому-нибудь что-то не понравится... Во-первых, начальство книг не читает — оно вечно занято. Во-вторых, если и прочтет, то не скоро. А когда прочтет, тогда мы уже будем на пенсии».

И, по мнению Петрашкевича, прежние энциклопедии были в чем-то объективнее сегодняшних. А что касается нынешних, то профессор Грицкевич считает, что теперь в белорусских энциклопедиях присутствует полная апологетика власти: энциклопедии пишутся с верноподданнических позиций. Сходного мнения придерживается и писатель Владимир Орлов, историк по образованию:

— Мы живем в стране-уникуме, где историческая политика государства направлена не на национальное возрождение, а на возвращение российских или советских исторических фальсификаций. Наиболее красноречиво в последнее время это проявляется в стремлении отредактировать соответствующим образом школьные и университетские учебники — мы снова и снова слышим о недовольстве Александра Лукашенко уровнем школьных учебников и, очевидно, прежде всего — концептуальными подходами авторов, которые часто характеризуются не иначе как «национал-радикалы». Не менее настойчивыми являются и попытки отредактировать подобающим образом и энциклопедические справочники.

Но не будем голословными и приведем несколько красноречивых примеров.

Чтобы не было того, что было на самом деле

Свидетельствует профессор Грицкевич:

— Когда выходили 1-й и 2-й тома «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», многие статьи были довольно смелыми по тем временам. Что, впрочем, было естественно, поскольку готовились они в 1993-1995 гг. А уже начиная с 3-го тома началась цензура — сначала небольшая, а затем — все больше и больше. Причем цензура появилась уже в самом издательстве. Она осуществлялась не столько редакторами, сколько главной редакцией издательства, в которую будто специально подбирали людей, коих можно охарактеризовать самыми настоящими цензорами, как в XIX веке в Российской империи. Пусть они не обижаются, но назову некоторых. Так, например, в 1994 году заместителем главного редактора специально по истории был поставлен член-корреспондент Академии наук Петр Петриков, бывший директор Института истории. Вот он-то читал очень внимательно! И где можно — вычеркивал, а где можно — восстанавливал советские штампы. Позже вместо него был приглашен теперешний исполняющий обязанности директора Института истории доктор наук Николай Сташкевич (однако не в качестве заместителя главного редактора, а как главный консультант). Этот человек оказался помягче, но тоже следит за тем, чтобы не проходили какие-то «слишком» национальные определения, а порой — чтобы не было того, что было на самом деле. Что касается Петрикова, то именно он весьма неодобрительно относился к статьям, в которых рассказывалось о войнах между Россией и Речью Посполитой или даже еще ВКЛ. Впрочем, выкинуть такие статьи было нельзя, поскольку они были утверждены раньше. А ломать структуру — для энциклопедии дело тяжелое и накладное: как-то вернули 1-й том из типографии, так пришлось большой штраф платить. Впрочем, в то время черкали еще осторожно и понемножку...

А вот замечания Владимира Орлова:

— В энциклопедическом справочнике «Беларусь», изданном в 1995 г., статья «Пагоня» открывается словами: «Старажытны беларускі герб...». В 11-м томе универсальной «Беларускай энцыклапедыі» образца 2000 г. одноименная статья начинается иначе: «Герб, выява вершніка з занесеным над галавой мячом...». Следовательно, первое определение — древний белорусский герб — редакторам энциклопедии не понравилось, и читателям лучше не знать о нем.

Или обратимся к еще одному примеру, связанному с событиями, может быть, самого драматического в истории человечества XX столетия. Я имею в виду Слуцкое антибольшевистское восстание. Передо мной изданный в 2001 г. 6-й том «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Статья «Слуцкае паўстанне 1920». Настораживает, что она не подписана, хотя, судя по всему, ее автором является специалист по этой проблеме доктор исторических наук Анатолий Грицкевич. Отсутствие его имени свидетельствует, что автор отказался подписывать отредактированный и, по-видимому, «отцензурованный» редакторами издательства «Беларуская энцыклапедыя» (или кем-либо еще) текст.

поговаривают, будто «Беларуская энцыклапедыя» получила с самого «верха» приказ: известного Шкловского идола в дальнейшем именовать не иначе как «Магілёўскім божышчам». Если это не просто слухи, то в высоких инстанциях существует опасение, что читатель будет продолжать ассоциировать Шкловского идола с Лукашенко, уроженцем тех же мест. То есть проводить аналогию с идолом вроде как нельзя, а с «божышчам» — пожалуйста (чтобы возникали прямые ассоциации с «божественным» происхождением ППРБ?) И когда Орлов попросил у одного сотрудника энциклопедии копию «тайного приказа», тот сделал страшные глаза: «Это же лежит в надежном месте у главного редактора!» (у Геннадия Пашкова, надо полагать). Впрочем, ждать осталось недолго, считает Владимир Орлов:

— Полистав энциклопедию «Беларусь» за 1995 г., найдем в соответствующем месте изображение Шкловского идола и следующую статью: «Шклоўскі ідал, скульптурная выява язычніцкага бажаства 10 ст. Знойдзены ў 1963 каля г.Шклова, на беразе р. Серабранка. Высечаны з пясчаніку, выш. 1,2 м, маса каля 250 кг. Тулава цыліндрычнае, ніжняя частка апрацавана як пастамент, твар мае індывід. рысы» и т.д. Заглянув в 7-й том «Беларускай энцыклапедыі», изданной в 1998 г., в статье «Ідал» увидим, что слова «Шклоўскі ідал» выделены курсивом. Вообще говоря, курсивом выделяются термины, имена, явления, которые должны стать предметом особого рассмотрения в отдельных статьях. Когда выйдет том на «Ш», мы сможем убедиться: приходил ли в издательство соответствующий циркуляр и лежит ли он теперь в сейфе у г-на Пашкова?

Понятие об истине

Еще одно наблюдение Владимира Орлова:

— Когда мы говорим об ограничении граждан Беларуси в праве на получение информации, надо упомянуть и о том, что 1-й и 2-й тома «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» вышли тиражами в 20 тысяч (на обложке — герб «Пагоня»). А вот 3-й и следующие тома («Пагоні» на них нет, остался пустой геральдический щит, что само по себе тоже символично) изданы тиражом вдвое меньшим. Можно представить, сколько библиотек и белорусских семей не получили эти такие необходимые книги! (К слову, в той же Эстонии энциклопедия выходила тиражом в 200 тысяч, чтобы в каждую семью! — **С.Ш.**) В этой связи утешить себя можно только тем (хотя это слабое утешение), что эти тома подцензурны и редактировались в соответствии с политическими установками власти.

И заключительный вопрос профессору Грицкевичу:

— Анатолий Петрович, а стоит ли вообще доверять энциклопедиям?

— В целом все-таки стоит, поскольку основная масса статей готовится работниками энциклопедий с чисто информативной целью. И редакторы, с моей точки зрения, должны снимать налет политики, а если этого не избежать, обязаны представлять различные точки зрения, существующие в научной среде, пусть совсем коротко. Правда, в «Беларускай энцыклапедыі» это правило давно не выдерживается. Хотя в 1-м и 2-м томах, когда главными редакторами были ныне покойные Михась Ткачев, а потом Борис Саченко, можно было писать еще достаточно смело и правдиво. А уже после 1995 г. ситуация в стране кардинально изменилась, и подготовка энциклопедий пошла по советскому, накатанному пути. Но поскольку в нашей истории были уже и годы возрождения, полностью вернуться к старым принципам цензорской ревизии практически невозможно, ведь успело появиться новое поколение историков, которое более свободно, нежели предшественники. И поэтому большинство статей к истине все-таки приближается. Полностью же истинными я их не назову, поскольку, сами понимаете, со временем меняются и точки зрения, и наше понятие об истине. Но я все-таки доверял бы энциклопедиям. Хотя, конечно, белорусскую энциклопедию иногда читать тяжело и грустно…

Но сравним эту статью с той, что появилась через год в 15-м томе «Беларускай энцыклапедыі». Судя по содержанию, автор статьи — опять же профессор Грицкевич (дело в том, что и эта статья «анонимная», хотя другие, расположенные рядом, — «Слуцкая друкарня», «Слуцкая канфедэрацыя 1767», «Слуцкая абарона 1655», — подписаны А.Грицкевичем). Что могло не понравиться редакторам или цензорам 15-го тома «Беларускай энцыклапедыі» в статье, размещенной в исторической энциклопедии, которую можно было бы воспроизвести полностью? Читаем: «...БРС (Беларуская рада Случчыны. — **С.Ш.**) выдала дэкларацыю, у якой абвяшчаліся мэты яе дзейнасці: «1. Беларусь павінна быць вольнай, незалежнай рэспублікай у яе этнаграфічных межах. 2. ...Слуцкая Рада дакларуе цвёрда стаяць за незалежнасць роднае Беларусі і бараніць інтарэсы сялянства ад гвалту з боку чужаземных захопнікаў. 3. У выпадку патрэбы Слуцкая Рада будзе бараніцца нават сілаю аружжа, нягледзячы на лічбовую перавагу ворага». Все эти пункты в 15-м томе отсутствуют. Из этого следует, что редакторам не импонирует главная цель слуцких повстанцев, а именно — желание сделать Беларусь в ее этнографических границах свободной и независимой республикой. Или не нравится, что Слуцкая Рада имела намерение твердо стоять за независимость родной Беларуси? Или, наконец, не по душе, что Слуцкая Рада собиралась защищать независимость страны силой оружия, если это потребуется? Вообще говоря, когда я читал эту статью, временами возникало впечатление, что она была отредактирована каким-нибудь комиссаром 16-й советской армии, душившей Слуцкое восстание. Ведь мало того, что изъяты наиболее важные моменты, сам рассказ о восстании ведется отстраненно, будто оно никоим образом не имеет отношения к родине автора статьи. Будто эти жертвы не приносились на алтарь будущей независимой Беларуси!

Писатель В.Орлов оказался проницательным читателем: автором статей о Слуцком восстании является действительно Анатолий Грицкевич. Поэтому слово — ему:

— Первый настоящий конфликт с новым руководством «Беларускай энцыклапедыі» возник еще в 2001 году, когда я написал статью о Слуцком восстании. Собственно, именно я первым начал о нем писать и определил его как восстание за независимость Белорусской Народной Республики против большевиков (и в какой-то мере — против поляков, хотя Слуцкий повет располагался уже на территории БССР). Поэтому и сдал в энциклопедию статью, аналогичную тем, что писал раньше. Впрочем, я предложил написать еще про Слуцкий и Грозовский полки, про Слуцкую бригаду и Слуцкую Раду — орган руководства этой территорией и самим восстанием. И получилось так, что статья про Грозовский полк, выйдя раньше, слишком большого сопротивления не вызвала. Она была чисто информативная: как образовался полк, как действовал и т.д. А статья про Слуцкий полк не пришлась ко двору. «Нам лишнего не надо!» — возразили мне. Но поскольку в рассказе про Грозовский полк была ссылка на то, что позже будет еще и статья про Слуцкий полк, то она все-таки прошла, но значительно сокращенная. Статью же про Слуцкую бригаду вообще не опубликовали. Хотя был совершенно иной масштаб, другие события: смена командования, попытка командира передать сведения советской стороне и побег этого командира через линию фронта, а потом его расстрел на советской стороне, несмотря на то, что командир большевикам уже все выдал.

Что же касается непосредственно рассказа о Слуцком восстании, то я в течение одного года трижды встречался с руководством энциклопедии — обсуждали одну эту статью. И в последний момент со мной пожелали поговорить еще три человека, в том числе главный консультант Николай Сташкевич. Они уже стояли насмерть: писать про независимость БНР не будем! Мол, расскажите лишь о крестьянском восстании (эти крестьянские восстания против политики военного коммунизма в то время прокатились по всей России, поэтому ничего «крамольного» в этом будто бы уже не было). Мы поспорили, однако последнее слово было за ними. И потом через редактора мне передали: ни в какую. Я ответил: «В таком случае подписывать статью не буду». И она пошла без подписи.

Впрочем, как заметил Грицкевич, ему и после этого конфликта продолжали заказывать статьи. «Я соглашался, — говорит историк, — поскольку считаю, что, несмотря на произошедшее, надо стремиться приближаться к истине. А по-детски обидеться и махнуть рукой?.. Не думаю, что это было бы правильно».

Многострадальные Куропаты

— Но, может быть, самый печальный и самый близкий к нам исторический пример, — замечает Владимир Орлов, — это статья про известные всему миру Куропаты, где в 1937-1941 гг. НКВД каждую ночь запускал свой чудовищный конвейер и где были уничтожены, по разным оценкам, от десятков тысяч до четверти миллиона советских и иностранных граждан. Но обратимся к энциклопедическим справочникам. В энциклопедии «Беларусь», изданной в 1995 г., читаем: «Курапаты, урочышча пад Мінскам, дзе ў 1937-41 органы НКУС БССР праводзілі масавыя расстрэлы цывільных грамадзян... Як месца масавых расстрэлаў К. сталі шырока вядомы грамадскасці ў 1988 пасля публікацыі арт. З.Пазняка і Я.Шмыгалёва...» Далее речь о деятельности госкомиссии, о том, что в Куропатах было выявлено более 500 могильных впадин, и наконец: «Паводле папярэдніх падлікаў у К. магло быць расстраляна ад 30 да 100 тыс. чалавек».

А теперь откроем 4-й том «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», изданный уже в 1997 г. В статье «Курапаты» приведены примерно те же факты: расстрелы проводились сотрудниками НКВД. И даже уточнено количество захоронений — фигурирует уже цифра 510; то же количество жертв. Правда, появляется небольшое, но симптоматичное дополнение: «У ходзе расследавання правяралася інфармацыя Мінскага гар. клуба гіст. ведаў, што ў К. ляжаць ахвяры фаш. генацыду, у т.л. яўрэі, дэпартаваныя з краін Зах. Еўропы. Аднак такія звесткі адсутнічаюць у матэрыялах Надзвычайнай дзярж. камісіі па выяўленні і расследаванні злачынстваў ням.-фаш. захопнікаў і іх саўдзельнікаў у Беларусі ў час акупацыі; няма іх і ў Мемарыяльным ін-це катастрофы і геразму еўрап. яўрэйства ў Іерусаліме (Палесціна), пракуратуры г. Гамбург (ФРГ)». Таким образом, была намечена тревожная тенденция.

Прошло еще два года, и вышел 9-й том «Беларускай энцыклапедыі». Статья «Курапаты» значительно сокращена, а упомянутая тенденция вылилась в принципиально новый подход. Да, в Куропатах «знойдзены астанкі людзей», в 1988 г. «створана ўрадавая камісія», «Пракуратурай БССР узбуджана крымінальная справа». На этом подобие со статьями, процитированными выше, ограничивается, поскольку дальше читаем: «У ходзе расследавання правяраліся 2 версіі. Паводле адной, тут да вайны супрацоўнікі НКУС БССР расстрэльвалі рэпрэсіраваных жыхароў рэспублікі, паводле другой, у К. ляжаць ахвяры фаш. генацыду... Вядзенне крымінальнай справы працягваецца». И ни слова о количестве могил, о числе жертв! По моему мнению, такие статьи вообще не должны появляться в энциклопедиях. Как тут не вспомнить мое любимое изречение Сервантеса: «Лживых историков надо вешать точно так же, как и фальшивомонетчиков»!

В свою очередь профессор Грицкевич подтверждает:

— Версия о том, что в Куропатах были расстреляны гамбургские или еще какие-то евреи, существует давно. И есть группа людей, стоящих на большевистских позициях и упорно, из года в год, повторяющих версию, будто расстрелы производились немцами. Хотя специалисты-историки и те, кто занимался расследованием, убеждены, что расстрелы проходили до 1941 г. Да и потом, у фашистов существовала специальная система уничтожения — те же концлагеря. То есть приведенная в энциклопедии версия не проходит даже с точки зрения немецко-фашистской логики. А тем более нет никаких вещественных доказательств. И статья о Куропатах — это образцовый показатель стремления закрыть информацию о расстрелах НКВД.

Правда об идолах

Издание 18-томной энциклопедии еще не завершено, поэтому еще будет что анализировать и сравнивать. Не исключено, что энциклопедическое руководство может еще страшно оконфузиться, поскольку

Размножить

Жизнь под рентгеном

Леонид БОРТКЕВИЧ

История этого коллектива, как и история «Битлз», — легендарна. «Песняры» родились в 1970 году, когда стали первыми на 4-м конкурсе артистов эстрады. И после трансляции выступления группы по телевидению миллионы людей покорила новая, оригинальная, простая и чистая музыка. Тогда казалось, нельзя было охарактеризовать или объяснить себе, что это было. Быстрота, с какой взлетела звезда «Песняров», была феноменальной. Казалось, Бог одарил Владимира Мулявина невозможным: редким вкусом композитора и аранжировщика в сочетании с прекрасными вокальными и актерскими данными. Он в то время являлся еще и одним из лучших гитаристов Европы.

Как произошло мое знакомство с Мулявиным? Каково было мое становление как певца? Об этом, а также об Ольге Корбут, которая на протяжении 22 лет была моей супругой, и о многих других будут мои воспоминания.

Леонид Борткевич после окончания школы

Книга моей жизни началась еще за два месяца до того, как я родился. 18 марта 1949 года от ран, полученных на фронтах Великой Отечественной войны, и от любви к маме умер мой отец. Я родился 25 мая 1949 года парадоксальным Близнецом с отпечатком страдания, который неуловимо присутствует в глазах многих славянских народов, и с грустной еврейско-белорусской мелодией, звучащей в моей груди каждую последующую секунду бытия после моего рождения.

В тот день, когда папа умер, мамы не было дома, и, когда ей сообщили об этом, она сильно испугалась. В результате два месяца спустя родился маленький Леонид Борткевич с весом 2 кг 200 граммов, весь в прыщах. Детский врач, профессор Кацман, который работал тогда в 1-й минской клинической больнице, сказал, что это дитя жить на свете не будет. Каково же было его удивление, когда через три года мучительного выхаживания мама показала доктору своего симпатичного большелобого бутуза, который чисто выговаривал почти все и даже пытался немножко читать, так как дома, не стенке перед кроватью, висела «Азбука в картинках».

А чуть позже я заучивал наизусть все стихи и книжечки Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Сергея Михалкова, коих благодаря маминым усилиям у нас была огромная этажерка.

Родился я певцом, музыкантом или художником, сказать не могу даже сейчас. Внутри у меня происходит постоянное противоборство этих профессий, и ни одна из них никак не возьмет верх. Это усугубляется еще и тем, что я Близнец, и «второй» Борткевич, находящийся внутри, никак не дает принять какое-то единое решение. Первому приходится сомневаться буквально во всем. И еще: я родился безнадежно любвеобильным, потому что всегда, влюбившись в какую-нибудь девочку, отдавал ей всю душу без остатка, ничего взамен не получая.

Я всегда считал, что человек измеряется своей способностью любить. Я люблю всех и вся. Я убежденный оптимист и никогда не помню и не замечаю зла, которое мне что-нибудь или кто-нибудь причинит.

Где бы ни находилась моя душа, вокруг нее все должно быть красиво. Где бы я ни жил, всегда обставляю себя аквариумами с рыбками. Люблю животных и антикварную мебель, хотя с возрастом понимаю, что материальное — не главное, и больше предпочитаю путешествовать, а еще хочется оставить что-то духовное после себя.

В детстве меня никто не учил рисовать, так же, как и петь. Никогда не забуду, как однажды в детском саду через красивую старинную стеклянную дверь я увидел лежащий на столе белый чистый лист бумаги и цветные карандаши. Эта картинка сводила меня с ума, она до сих пор стоит у меня перед глазами, как некое сказочно-волшебное действо, которое должно вот-вот произойти. Цветных лошадей, зверей, людей я рисовал на бумаге из головы — не по памяти, а по представлению.

Я не очень любил учиться, мне очень быстро все надоедало. Я закончил восемь классов средней школы и пять классов музыкальной по классу трубы — с полным багажом любого мальчишки. Это был и спорт (я обожал футбол и занимался боксом), и двор с мальчишескими шалостями со всеми вытекающими отсюда последствиями (разбитые окна у нехороших соседей, воровство яблок, пари, кто перепрыгнет высокий забор), и многое-многое другое.

Я поступил в архитектурный техникум. На этот шаг нас с мамой толкнула бедность, в которой мы жили. Мы надеялись на стипендию, хотя были бывшей дворянской семьей. Как известно, по отцу своему мы были потомками польско-литовского князя Радзивилла. Мой дедушка Ричард — один из немногих сбежавших после войны из ГУЛАГа, велел продать или уничтожить все, что имело отношение к нашему древнему роду, и благодаря этому семья и потомки не попали в эти проклятые богом лагеря.

С детства перед моими глазами во сне и наяву предстают сказочные готические замки. Я очень любил ездить с моей тетей Аней и двоюродными сестричками в костел в местечко Красное под Минском. Меня влекла туда и детская любовь к девочке-католичке, с которой у меня не было возможности познакомиться, и я мог ее видеть только там. Благолепие икон, мерцание свечей и органная музыка производили на меня неизгладимое впечатление. Я любил смотреть и высматривать каждую мелочь в иконах и впоследствии в картинах великих мастеров, великих художников. Я могу рассматривать одну картину часами, падая от усталости. Я никак не могу понять, как за одну экскурсию можно пройти весь Эрмитаж или Лувр.

И, конечно, были книги, которые я просто «глотал», жуя корку сухого хлеба и чесноком. Фантастику я читал томами: Беляев, Герберт Уэллс, Станислав Лем и в особенности Жюль Верн захватывали мое воображение, звали к путешествиям и приключениям, к открытиям новых миров и героическим поступкам.

Но больше всего душа моя наполнялась и горела все-таки от великого искусства кино, куда меня моя мама все время водила, не пропуская ни одного фильма. Лемешев, Утесов, Георг Отс, музыка советских композиторов того времени меня покоряли своим волшебством и безграничным оптимизмом (и пускай теперь говорят, что это было искусство социалистического реализма). Я прочитал когда-то роман родоначальника соцреализма М.Горького «Жизнь Клима Самгина», и убежден, что философской глубины и драматизма этого романа хватило бы на сотню книг ныне модных авторов. Горький, как и многие другие талантливые люди, стал воплощением того времени, и, как многие другие, пал жертвой сталинских интриг. И я присоединяюсь к словам великого русского писателя, однажды сказавшего, что народ наш, всегда с любовью ненавидящий свое правительство и с ненавистью любящий себя, остается самым великим народом.

Вся моя жизнь состоит из многих значимых эпизодов, по каждому из которых можно снимать кино. Все они складываются в одну главную дорогу со многими ответвляющимися от нее большими и небольшими, старающимися все время сползти в сторону тупиками. Это происходит спонтанно и как бы независимо от меня. Как будто бы Бог руководил и только ждал того момента, когда автор напишет первое слово. Все основные события обязательно происходят только в пятницу. Я верю в судьбу и поэтому не стараюсь ее как-то исправить или изменить. Считаю, что всеми руководит какая-то режиссура свыше. Когда Ольге Корбут корреспонденты задавали вопрос: «Как вы этого достигли?» — она отвечала: «Если бы не было гимнастики, я бы ее придумала сама». И поэтому все происходит очень легко, и тебе только остается направлять свой мозг и волю в кажущемся нужным направлении.

Когда-то в очень хорошем советском фильме «Добровольцы» я услышал такую фразу, что, дескать, надо идти по жизни по главной дороге, и тогда случится самое главное: ты встретишь своих друзей и свою любовь, которая бывает только раз, и произойдет Его Величество Случай.

Сейчас мне пятьдесят три года. Я могу быть председателем любого мирового, самого авторитетного жюри в любом жанре искусства. Объездив весь мир, имея в друзьях многих великих, на мой взгляд, людей, некоторые из которых уже умерли, я, будучи небогатым (материально), не понимаю, что такое зависть. Люблю и стараюсь быть похожим на людей выше меня, при этом никогда не имею кумиров и остаюсь таким же непосредственным, не представляющим жизнь без секса жизнерадостным оптимистом, как и много лет назад.

И, как это ни трудно, я стараюсь все делать в меру. Хотя с течением времени плохие и хорошие привычки, характер, что изменить нельзя, делают тебя противным, приевшимся самому себе — это не главное, это тропинка ответвляющаяся. Здоровое тщеславие, которого у меня было в избытке в детстве, ведет меня дальше. Я заучил для себя такую формулировку: «Когда ты стоишь на стартовой прямой своей жизни рядом со своими сверстниками, ты должен понимать, что она короткая, и что независимо от того, насколько ты прекрасен и умен, кто-то все равно должен обогнать тебя, а кто-то обязательно останется позади. Но ты должен постараться не толкаться локтями, хотя это очень непросто. Иначе какая-то сила, режиссура свыше, свернет тебя с главной дороги, и ты не получишь тот единственный шанс остаться духовно богатым и счастливым. И шанс этот второй раз никогда не дается».

Мой творческий путь, мое становление как певца началось еще в раннем детстве. Я рано осознал, что у меня очень хороший голос. Но в детстве я даже стеснялся этого. И мои двоюродные сестры, чтобы заставить меня петь, закрывали меня в ванной. И оттуда, где меня никто не видит, я им пел разные песни, стараясь подражать голосам исполнителей.

Говорят, у моей матери тоже был прекрасный голос. Долгое время она проработала на тракторном заводе распредом в кузнечном цехе — выписывала наряды рабочим. Она и поныне жива. А начала она там работать с самого основания завода. Моей маме приходилось много работать, чтобы дать мне образование. Она знала наизусть много песен и часто пела, когда приходили гости или подруги. Но после смерти отца, который был инвалидом войны, она перестала петь и больше замуж не вышла. Она его очень любила.

Одно из моих первых выступлений было в школе. Нас тогда принимали в пионеры, и нужно было подготовить несколько номеров самодеятельности. И там была такая песенка:

«По зеленой травке
Чижик-пыжик скачет,
А в саду на лавке
Ученица плачет».

А мои слова были:

«Что ты, что ты, Зойка,
Двойка ведь не дело,
У тебя, наверно,
Голова болела».

Это был дуэт с девочкой, которую действительно звали Зоей. Собрались родители, и после перерыва должно было быть наше выступление. Но в перерыве мы играли во дворе школы в прятки и случайно ударились с мальчиком лбами, когда прыгали через кусты. У меня тут же вскочила шишка, но петь же все равно надо было. Вот я и вышел такой герой — со слезящимся глазом и шишкой. И с таким плачущим видом (у меня еще и голос лирический) спел эти слова. На этом концерте находился Андрей Васильевич Мамонтов — известный хоровик-дирижер. Он был руководителем хора мальчиков Дворца пионеров. И ему очень понравилось, как я спел. Видимо, шишка помогла мне войти в образ. Андрей Васильевич сразу взял меня в свой хор солистом.

Потом был хоровой ансамбль «Юность» при консерватории. Меня туда привела моя троюродная сестра Людмила, которая там пела. Великолепная была певица. В этом ансамбле я тоже стал солистом. Там пели студенты старших курсов консерватории, и мне параллельно предложили принять участие на их занятиях по педпрактике. Хотя дыхание у меня было уже поставлено, так как я окончил музыкальную школу по классу трубы, все равно мне эти занятия очень много дали в плане профессиональных навыков: как держать верх, как управлять голосом, как филировать и многое другое.

В 8-м классе передо мной встал выбор. Я знал, что буду либо художником, либо музыкантом. Но мы с мамой очень бедно жили, так как мама одна работала на тракторном заводе, и я решил, что мне надо идти в архитектурный техникум, потому что там платили стипендию. Именно там я первый раз в жизни взял в руки микрофон. А было это так. 1-го сентября мы пришли в техникум на второй курс. Я захожу в пустую аудиторию, смотрю — сидит на столе парень и играет на гитаре. Да как играет! Классику, с красивым тремоло. Я был поражен. Я посмотрел на него и сказал себе: «Все, это друг на всю твою жизнь». Это был Анатолий Волк. Так оно и случилось. Мы подружились. Как оказалось потом, Толя играл на гитаре в оркестре техникума под руководством Владимира Скороходова, который в будущем станет заместителем министра культуры БССР.

Однажды я ждал Толика в зале, где проходила репетиция оркестра. На следующий день должен был состояться праздничный концерт, посвященный 7 ноября, и мальчик, который у них был солистом, пел песню Полада Бюль-Бюль оглы:

«Ты мне вчера сказала,
Что позвонишь сегодня».

И он никак не мог правильно вступить. Музыканты уже устали играть вступление, и Скороходов объявил перерыв. Толик, расстроенный всем этим, подошел ко мне и говорит: «Ну подожди еще минут пятнадцать, когда этот вступит, и мы сразу пойдем. Просто у нас тогда было какое-то дело. А я ему говорю:

Л.Борткевич — солист ВИА «Золотые яблоки»

«Как это можно не вступить, что тут вступать?»

«А ты что думаешь, это легко? — говорит мне Толя. — Пошли, я тебе сыграю, попробуешь». Мы пошли к сцене, и он сыграл мне вступление на гитаре. Я тут же вступил и спел целый куплет, подражая голосу Полада Бюль-Бюль оглы. И тут я вижу, в дверях появился Скороходов и говорит: «Ну-ка, ну-ка, мальчик, давай-ка еще раз». Сыграли вступление всем оркестром, и я снова правильно вступил, спел уже всю песню до конца. Тогда Скороходов спросил: «Чей это мальчик? Наш, техникумовский?» Толя ответил: «Да, конечно, в моей группе учится. Мой друг!» «Все, — говорит Скороходов, — завтра будешь петь на концерте». Вот так я попал в этот оркестр.

Потом Скороходов покинул оркестр, потому что уже стали модны «Битлз», появились гитарные ансамбли. Анатолию отдали все права руководителя, и мы создали вокально-инструментальный ансамбль. Придумали ему название — «Золотые яблоки». Мы все тогда любили фантастику Рэя Брэдбери, а у него был такой рассказ «Золотые яблоки Солнца». Я, кстати, видел Рэя Брэдбери в 1997 году в Атланте. Он был совсем старенький. Я не поверил глазам своим. Не думал, что он еще жив.

В ансамбле мы играли свои песни. Анатолий Волк и Саша Сорокин сочиняли музыку и стихи. У нас уже была своя собственная манера исполнения. Параллельно мы пели белорусские народные песни, песни «Битлз» и «Роллинг стоунз». Так, например, аранжировка всем теперь известной белорусской народной песни «Скрыпяць мае лапці» была сделана сперва «Золотыми яблоками». И уже потом, когда я пришел в «Песняры», я предложил ее Мулявину, и она стала одним из хитов в репертуаре «Песняров».

Мы устраивали свои концерты, играли на капустниках в Оперном театре, играли и танцы. Наш барабанщик Игорь Коростылев, не зная ни одного английского слова, не ничуть не смущаясь, пел песни наших кумиров на английской фене. И надо сказать у него это очень здорово получалось. Успех «Битлз» и «Роллинг стоунз» кружил нам головы.

«Октябрь»

Мало кто знает, что существующий сегодня кинотеатр «Октябрь», который является украшением главной магистрали города Минска — проспекта Франциска Скорины, это мой дипломный проект. Я сделал этот проект, когда оканчивал архитектурный техникум. На месте нынешнего «Октября» тогда находился другой кинотеатр — «Зорька». И мы с мамой всегда ходили туда смотреть кино. Все песни на музыку Дунаевского и Богословского, на которых я воспитывался и рос, были услышаны там. И удивительную шутку сыграла судьба, что именно мой проект и лег в основу кинотеатра «Октябрь».

Первое, что я сделал в планировке, это стадионные входы и превышение между рядами, чтобы было хорошо видно. Потому что в «Зорьке» меня всегда раздражало, что я ничего не мог увидеть из-за голов впереди сидящих людей.

Сам проект я сделал очень красочным. Не просто тушью, как это было принято, а типографской краской в цвете. Он оказался настолько ярким, что когда мне нужно было нарисовать людей, чтобы показать масштаб, они просто терялись, и пропадала перспектива. И тогда я из журнала «Архитектура США» вырезал конного полицейского и поместил его спереди. Получилось очень здорово. Я сказал себе: «Что будет, то будет» — и оставил все как есть. Любой проект перед дипломом должен вначале посмотреть консультант. Моим консультантом был Василий Илларионович Зайцев — наш преподаватель по рисунку. Хороший дядька, но в архитектуре был очень консервативен. Тогда мы с Толей закрыли мой проект в оркестровке, чтобы он его не увидел раньше времени. И я показал ему лишь перед самой защитой диплома. И когда Зайцев его все-таки увидел, то схватился за голову: «Это слишком ярко, вычурно, надо завуалировать... Что за полицейский тут?» А ему нужно было написать рецензию на мой проект. Вот он про все про это написал и поставил предварительную оценку — «хорошо».

На защиту дипломных работ приехал сам председатель Госстроя Король. Причем перед этим он был на защите дипломных проектов в политехническом институте. Мой проект оказался последним, и мы подсматривали в замочную скважину, как там идет защита.

Король все время сидел за столом и уже, видимо, устал. Но когда был показан мой проект, он сразу вышел из-за стола, взял очки и подошел поближе. «Чем это сделано?» — спросил он. Я с испугу вскочил и заикаясь ответил: «Ти-ти-типографской краской». «Интересно», — сказал Король. В этот момент ему зачитали рецензию. И неожиданно для меня он сказал: «Отлично, только отлично надо поставить». И уже потом в своей заключительной речи отметил, что очень доволен дипломными работами, и что некоторые проекты — тут он посмотрел в мою сторону — лучше, чем в политехническом институте.

Как мне потом рассказывали, мой проект висел в техникуме еще очень долго как образец лучших проектов. И когда кинотеатр «Октябрь» был построен, я понял, что был сделан плагиат моего проекта, причем даже в деталях. В 2001году меня пригласил на съезд Союза архитекторов мой друг, секретарь союза Александр Корбут. Там я вручал награды и грамоты за лучшие проекты. И тогда я узнал, кто содрал мой проект. И на этом съезде мой вклад в архитектуру подтвердили официально.

Звезда «Песняров» вспыхнула после их победного выступления на 4-м Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Надо сказать, что на этот конкурс «Песняры» поехали как аккомпанирующий состав Нелли Богуславской. И назывались тогда еще «Лявонами». Совершенно случайно их услышало жюри, а в жюри тогда входили такие мэтры, как Леонид Утесов и др. И коллективу предложили принять участие в конкурсе, вот только название как-то не подходило. И тогда Леня Тышко предложил название «Песняры», взятое из купаловской классики, и все сразу согласились. В общем, в Москву приехали «Лявоны», а из Москвы с 1-й премией уехали знаменитые «Песняры». И, как мне потом рассказывали, когда они ехали поездом обратно в Минск вместе с руководством Министерства культуры БССР, то чиновники, как ни странно, были обескуражены. Они не знали, что же им теперь делать, ведь нужно шить костюмы, покупать аппаратуру...

Я также, как и многие другие, увидел «Песняров» после этого конкурса. Накануне мы с мамой купили новый телевизор. И совершенно случайно я смотрел концерт лауреатов 4-го Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Объявили ансамбль «Песняры», который исполнил тогда две песни: «Хатынь» и «Темная ночь». Я был потрясен и просто каким-то внутренним чутьем почувствовал, что буду там петь. Я не знаю, почему. До этого мне очень нравились «Орэра», «Гайя» (великолепные были ансамбли), но «Песняры» меня сразу покорили.

После окончания техникума мы с Толей Волком работали в «Белгипросельстрое». И однажды в отделе, где я работал, раздался звонок. Я поднимаю трубку и слышу голос, который показался мне очень знакомым:

«Это звонит вам Владимир Мулявин. Мы ищем солиста в ансамбль «Песняры». Не могли бы вы прийти на прослушивание?»

Я не поверил. Возникла пауза. Ну, думаю, это Толины шуточки. И говорю: «А не пошел бы ты...» — и кладу трубку. Подхожу к своему рабочему столу и думаю про себя: а что, если это не он, не Толик? В душу закрались сомнения. А Толик работал этажом ниже. Надо проверить, решил я. Спускаюсь к Толику и начинаю так аккуратно его расспрашивать. А тот за кульманом, весь в работе. И говорит мне: «Ленечка, не мешай, давай попозже поговорим». Тут я понял: это был не Толик. Стало страшно неудобно. Поднимаюсь наверх и думаю, позвонят еще раз или нет? И... раздается звонок. Это уже звонил Даник, мой хороший друг, который работал в постановочной группе в «Песнярах». Он сказал мне: «Тебе Мулявин звонил, он хочет тебя прослушать. Приходи завтра утром, он будет тебя ждать». Прихожу я к Володе Мулявину домой. А жил он тогда в том доме, где находится кинотеатр «Центральный», на последнем этаже. Захожу. Меня встретила Лида Кармальская — его жена. Смотрю, а Володя еще спит. Лида его будит и говорит: «Вставай, к тебе мальчик какой-то пришел. Наверное, на прослушивание». А я так гордо заявляю: «Я не пришел, меня пригласили». Володя встал, протер глаза, накинул рубашку и говорит мне: «Бери гитару. Пой». А я ведь тоже не лыком шит, и говорю ему: «Я и на гитаре не очень хорошо играю, да и не место здесь. Тут консерватория рядом, может быть, вы там меня послушаете». А для меня консерватория уже была как дом родной. Там в музыкальных классах была хорошая акустика, и рояль стоял, чтобы распеваться. Тогда Мулявин говорит: «Пошли». Приходим мы в один из классов, и я начинаю ему показывать все, что умею. Распелся во весь голос. Спел песню «Ах ты, степь широкая» из репертуара Лемешева. Мулявин послушал и наиграл мне песню «Белая Русь ты мая». Написал мне текст на газете и говорит: «Спой, но так, чтобы слиться со мной». Я один раз послушал и сразу «сфотографировал» его манеру исполнения. И мы слились идеально, унисон великолепный. И тогда Володя мне сказал: «Боже мой, сколько я вокалистов профессиональных перепробовал, а тут такая находка! В общем, завтра приходи на репетицию в филармонию». А я говорю: «Как это в филармонию? Я же работаю». — «Где?» — «В «Белгипросельстрое», архитектором». — «Ну ладно», — сказал Мулявин.

На следующий день стою я за своим кульманом. Вчерашние события мне стали казаться какими-то нереальными. Подымаю голову, смотрю — мулявинские усы мелькнули. Все кругом сразу его узнали. Мулявин подошел к начальнику нашего отдела и стал о чем-то с ним разговаривать. Я сразу понял: это по мою душу. Зовут меня. И наш начальник мне говорит: «Ну что, Леонид, тут за тобой пришли очень известные люди, хотят тебя забрать. Ты как, свою работу сделал?» Я говорю: «Да». — «Ну тогда иди». Больше этого «Белгипросельстроя» я никогда не видел.

«Как молоды мы были...»

Приезжаем мы в филармонию. Я стал знакомиться с ребятами: Мисевичем, Тышко, Демешко, Бадьяровым. И тогда Володя Мулявин говорит: «Вчера я под впечатлением от твоего голоса написал песню. Давайте репетировать». Сел за рояль и стал играть. Это была «Александрына».

А уже через пару дней состоялся мой дебют. Это был творческий вечер белорусского поэта Аркадия Кулешова. Концерт проходил в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. На меня надели костюм Валеры Мулявина (брата Владимира Мулявина. — **Л.Б.**), который мне был великоват, и выпихнули на сцену. А сам этот зал помимо того, что имеет не очень хорошую акустику, еще и устроен так, что зрители сидят практически перед тобой. И ты находишься будто под рентгеном. Я поначалу сильно волновался, но как только запел, забыл обо всем. Голос полился, и все прошло очень хорошо. Я спел прекрасно, и ребята даже стали меня качать после выступления. К слову, на том концерте присутствовал Король — председатель «Белгосстроя», который мне потом сказал: «Может, ты и был бы замечательным архитектором, но тогда в Беларуси не было бы такого замечательного певца — Борткевича».

После этого выступления у нас сразу начались гастроли по Дальнему Востоку. В течение полутора месяцев мы давали по несколько концертов в день. Нужно сказать, что ставки, которые существовали в филармонии, были небольшие. Но было такое предписание: если филармония «горит», то есть не выполняет план, то тогда приглашаются известные коллективы, у которых будет 100-процентный аншлаг. И эти коллективы филармония брала на свои фонды. В этом случае ставки были в два раза выше. И «Песняров» всюду приглашали, потому что залы «ломились». Это была фантастическая популярность. Были огромные очереди за билетами, была конная милиция, были девочки, бегущие за автобусом. Слава «Песняров» росла как снежный ком.

После гастролей по Дальнему Востоку я получил свою первую зарплату в «Песнярах». Что-то около пяти тысяч рублей. Это были огромные деньги на тот момент. И когда я приехал домой, то, желая удивить маму, а мы никогда не видели с ней много денег, придумал разменять всю сумму на трешки. И потом на диван я высыпал целую гору этих трешек. Получился здоровенный курган. И когда моя мама пришла с работы и увидела этот курган, ей стало плохо. У нее из глаз брызнули слезы. Держась одной рукой за сердце, она спросила: «Сынок, с кем ты связался? Откуда эти деньги? Ты же никогда ни у кого копейки не взял, как ты мог?» Я ей говорю: «Мамочка, я их заработал». Я попытался ей все объяснить и успокоить, но все было напрасно. И только после того, как я позвонил Володе Мулявину, и тот сам приехал и подтвердил, что это действительно мои деньги, что я их заработал сам, моя мама успокоилась. И уже потом мы с мамой купили мебель и цветной телевизор — тогда это было еще в диковинку. Вот так я запомнил свою первую зарплату в «Песнярах».

Началась гастрольная жизнь, что называется, «на колесах». Иногда приходилось работать по три и четыре концерта в день. А случалось и по пять. Причем никаких фонограмм, все исполнялось «вживую». Много партий вверху, много сольных песен. И еще умудрялись между концертами репетировать, поскольку Мулявин писал новые песни, и старались их сразу вводить в концертную программу. Но это было здорово. Как бы ни было тяжело, но когда чувствуешь этот успех, эту отдачу зала, кроме удовлетворения и эмоционального подъема больше ничего не ощущаешь. Все это, конечно, было потрясающе для меня.

У нас не было никакого лимита в работе. Мулявин сказал — и мы пошли. Перед концертом мы всегда распевались песней «Ой, рэчанька-рэчанька» а-капелла. Песни писались в поездках между концертами. Правда, лучшие песни, такие, как «Алеся», «Вераніка», «Мой родны кут», были написаны, когда Владимир Мулявин вместе с Игорем Лученком поехали на лечение в Трускавец.

Концерт, перекусили — и надо репетировать. Снова концерт — и снова репетиция. Вот такой был график. Некоторые ребята еще вечером собирались, чтобы поболтать и выпить пива. А я трупом валился спать после такого сумасшедшего дня. Но тем не менее я благодарен Господу, ведь эта работа была в удовольствие. Мы были молоды и отдавались ей полностью.

Рассмотреть

Такое недавнее прошлое...

Василь Быков. Из книги воспоминаний

(Окончание. Начало в №№ 11, 12)

Пицунда

Как-то на исходе лета мы с Ириной (супруга В.Быкова. — **Ред.**) поехали в Пицунду, где был писательский Дом творчества и куда обычно ездили наши члены СП. У меня обострилась астма, поэтому морской климат Ялты, где я провел месяц в прошлом году, оказался мало подходящим. В Пицунде, рассказывали бывалые отдыхающие, есть реликтовая хвойная роща, весьма благоприятствующая легочникам. (Как потом оказалось, так оно и было, разве что с одной существенной поправкой — роща находилась в ведении ЦК КПСС, и доступ в нее для простых смертных, разумеется, был закрыт.)

Вначале тамошний Дом творчества меня разочаровал — высотный жилой корпус, неумолчная сутолока в огромной, на сотни мест, столовой, множество отдыхающих, среди которых надо было поискать знакомых. В этот раз, правда, несколько нашлось, и среди них, немногих, — Володя Короткевич с женой Валей. Интересно было узнать, между прочим, что Валя некоторым образом моя землячка: ее отец происходил из деревни Вотьковичи, что располагалась через луг от моей деревни, девичья фамилия Вали — Вотькович. Хотя она родилась в Средней Азии и, разумеется, мало что знала об отцовских местах. До Пицунды я ее знал мало, она жила и работала в Бресте, а переехав в Минск, мало соприкасалась с нашей с Ириной компанией. По всей видимости, у нее с Короткевичем была своя компания. В Пицунде тоже особенно подходящей компании не было (кроме разве Бронислава Спринчана с сыном да Алеся Савицкого), но те обычно занимались своими делами, и мы им особенно не надоедали. Более опытный в здешних порядках Бронислав, правда, помогал отмечаться в очереди на обратный билет, за что я был ему благодарен.

Погода в Пицунде стояла благодатная, море было спокойным. Однажды Володя сказал, что надо расстараться водки, потому что он завтра поутру идет с рыбаками в море. Это хорошо — идти в море, но где добыть водки? Была в разгаре пресловутая антиалкогольная кампания, корчевали виноградники, ни водки, ни вина не было в продаже. Оставалось брести в поселок, на сельский базарчик, завязывать нелегальные отношения с тетками-абхазками.

Отправились вчетвером — мы с Володей и жены. Оказалось, что Володя туда шел не впервые, дорогу знал твердо. Еще издали на месте стихийного базарчика заметили длинношеюю верблюдицу Нелю, и Володя сказал, что если тут Неля, то где-то будет и ее хозяйка Мария, у которой мы непременно отоваримся. Без больших проблем тут и получилось. Правда, верблюдица несколько раз плюнула в сторону наших женщин, которых почему-то невзлюбила с первого взгляда, зато Мария без лишних слов вынула из-под прилавка пару бутылок с мутноватой жидкостью. Воодушевленные, мы бодро направились в обратный путь. Володя всю дорогу шутил и даже пытался петь что-то о польских гусарах. На веранде нашего дома его пытались «расколоть» с его обретенным, но Короткевич держался неприступно и вечером рано отправился спать.

На рассвете он исчез. Вале сказал, что к вечеру вернется.

А.Клещук

Василий Быков

Но не вернулся и к ночи, не было его и завтра поутру. Мы стали тревожиться. Некоторые из соседей успокаивали: мол, от двух бутылок ничего страшного не случится. Им возражали в том смысле, что к двум можно прибавить еще, если только позволит арифметика. Похоже, так оно и случилось. Володя вернулся на третий день — мокрый, усталый, но веселый и даже с некоторыми трофеями, которыми одарил женщин, — крошечными морскими коньками. «А рыба?» — нетерпеливо спрашивали его. «Рыба плавает по дну, не поймаешь ни одну», — был исчерпывающий рифмованный ответ.

Я по сию пору не уверен, что Володя действительно ходил в море, а не еще куда-либо. Тем не менее несколько последующих дней он жил тем походом, живописал бурю, в которую попал возле мыса Карадаг, когда их баркас едва не выбросило на скалы. Но рулевой (конечно же, им был Короткевич) ловко переложил руль и тем спас от гибели «утлую посудину». Женщины ойкали в испуге — а вдруг бы утонул! «Этого не могло случиться, — отвечал Володя, — потому как я — автор неоконченного романа, который опекают боги». Я слушал его красочный рассказ и вспоминал другой случай в Минске, когда однажды встретил Короткевича с перевязанной и подвешенной на перевязи рукой. «Понимаешь, старик, — сказал он тогда, — какая со мной приключилась история. Вчера иду вот по этой улице и вижу: два бугая избивают девушку. Красивую девушку. Ну как было мне с моим шляхетским воспитанием такое стерпеть? Я бросился в драку и раскидал обоих, словно щенков. Правда, и мне перепало — сломали руку. Но черт ее побери — срастется! Зато спас девушку. Должен тебе сказать — красивую девушку». Я удивленно слушал его, не зная, верить или нет. Потом уже случайно узнал, что пьяноватый Короткевич упал на лестнице в подъезде и сломал руку. Та, равно как и другая история, случись они с кем другим, могли бы удивить, а то и возмутить слушателя, Короткевич же не возмущал. Пожалуй, все дело в том, как все это подать и с кем все случилось. У Короткевича все получалось очень натурально и даже возвышенно, оставалось разве что смеяться.

После памятной рыбалки Володя несколько дней не показывался в столовой. Валя говорила: пишет. И в самом деле писал — торопился окончить свой приключенческий роман, посвященный жене. А когда появился снова, в который раз возникла прежняя проблема — где добыть чачи? Дело в том, что наш знакомый базарчик в поселке милиция уже прикрыла. На неметеной площадке при опустевших скамейках топталась одна злая верблюдица Неля. Оставалось отправляться куда подальше — попытаться раздобыть чачу у сельских абхазцев.

По дороге за чачей

Мы решили наведаться в расположенную за горой неблизкую абхазскую деревню.

По дороге Володя выглядел трезвым и мрачным, разговаривал о вполне земном и насущном — нашей литературе. Рассказывал, как когда-то в издательстве «Мастацкая літаратура» готовили к печати его роман «Каласы пад сярпом тваім». Как друзья-собутыльники не хотели или не могли помочь, и он один на один боролся с могущественным в то время издательским боссом Матузовым. И все-таки он победил — роман вышел. А где теперь Матузов? Пропал, канул, умер, и мало кто его вспомнит. А роман останется в литературе, как остался в истории его герой — великий Калиновский. Потому как роман — от Бога. А редактор — порождение дьявола.

Короткевич утешал меня в моих тогдашних и прежних заботах, говорил, что наша литература будет жить в народе, пока будет жить народ. «Но народ может и не жить, если того не захочет», — словно передумав, уточнял он. Я не возражал. В моей подкорке уже некоторое время формировалась идея нового произведения. Спустя несколько дней, сидя в затишной от ветров лоджии нашего корпуса, написал первую фразу: «Карова скубала траву...»

Наверное, есть рациональное в утверждении, что уже на генетическом уровне женщина сильнее мужчины. В процессе непростого существования она в наименьшей мере поддается воздействию среды, сохраняет свою первородную сущность. Особенно это обнаруживается в конфликтные моменты, когда появляется надобность отстоять себя, семью, детей. А то и мужа-мужчину. Мужчина лишен такой определенности, ибо чересчур много обстоятельств внешнего мира влияют на его менталитет: здесь и власть, и политика, социум во всей своей совокупности, к тому же партия, армия и война, где с ним только то и делают, что ломают, ставят на колени. Наверное, все это и сформировало современный, не самый привлекательный в истории и литературе архетип белорусского мужика — бедный, покладистый, осторожный сверх меры. Того, о котором современный слоган цинично гласит: воровать боится, работать ленится, просить стыдится, оттого и живет бедно. Все это мы наблюдали в послевоенные годы, когда «героические» в течение всех лет войны партизаны разом утеряли всю свою отвагу и позволили помыкать собой всем, кто к ним имел отношение. В том числе и со стороны женщин, которые, похоже, вышли из войны с меньшими моральными утратами. А то еще и с обретениями — особенно что касается труднейшего опыта борьбы и выживания.

Иногда любопытствующие спрашивают: отчего это в войну белорусские партизаны оказались такими храбрыми, откуда они набрались храбрости в обезбоженной, колхозной, полуголодной стране? А все оттуда же — из 30-х годов, в результате советской дрессуры голодом, истреблением, непрерывным и разнообразным страхом за себя, за семью, за настоящее и будущее подневольных людей. Когда крестьянству, из которого по преимуществу состояла нация, уже мало что осталось терять, так как все самое ценное было потеряно. Разве что жизнь как последнюю Богом данную ценность. Но и жизнь для многих перестала быть ценностью — такой она сделалась невыносимой. В этой ситуации и таятся источники многих поступков как отдельных белорусов, так и нации в целом, — поступков, названных подвигами.

По дороге за чачей мы говорили с Короткевичем о том, что никого нельзя загонять в угол, что загнанный в угол всегда опасен как для тех, кто загоняет, так и для себя самого. Белорусское крестьянство в 30-е годы, лишенное земли и свободы, по существу оказалось загнанным в угол. От голодной смерти (украинского голодомора) его спасали огороды — сорок соток дедовской земли, на которой родила какая-нибудь бульбочка. Потом немцы загнали белорусов еще глубже, в одну общую, выкопанную для всех могилу. Что было им делать? Что делает собака или волк, когда его прищемят в загородке? Бросается на людей. Белорусы бросились на немцев. Из отчаяния. От безысходности. Вот где таятся глубинные истоки «героической» партизанки.

Если бы оккупационная политика была разумнее — немцы распустили бы колхозы, вернули бы белорусам принадлежавшую им землю, их жалкое, отнятое советской властью «тягло», — то даже в условиях войны и несвободы белорусы повели бы себя иначе. По крайней мере, как литовцы, латыши, эстонцы. Как украинцы, наконец. Пахали бы землю, растили детей, плюнув на бандитскую партизанку. То обстоятельство, что в местечках уничтожали еврейское население, их не слиш-

Владимир Короткевич и Рыгор Бородулин. 1972 год

Владимир Короткевич, Микола Аврамчик и Василь Быков в редакции журнала «Маладосць». 1973 год

деревню за чачей. Я же несколько дней кряду сидел в лоджии и на легком и шатком дюралевом столике писал «Знак беды». Иногда заходя ко мне, Володя говорил, что он ненавидит такие столики — хоть в лоджии, хоть в кафе, что они — изобретение дьявола. На них ничего приличного создать невозможно. Ему для работы был нужен крепкий дубовый стол, пачка хорошей бумаги да свежеотутюженная сорочка. Лишь в таком случае появлялось вдохновение, которое единственно вызывало желание работать.

Однажды он снова пропал на неопределенное время, а когда появился, казался неузнаваем. Был словно виноватый: с тусклым взглядом, осунувшимся лицом. В сумерках надвигавшегося вечера стал жаловаться, что внизу в кустах сидит бес, следит за ним. Говорил: «Иди, покажу». Я шел в его с Валей угловой номер высотного здания, и Володя показывал вниз: «Вон, вон!.. Выглядывает! Нет, спрятался. Ну, подожди, я тебя подкараулю...» — «Не карауль, Володя, — словно малому, с сожалением возражал я, — ложись спать». — «Нет, я спать не пойду, я буду караулить его...» Валя плакала. Все это было очень печально.

В конце нашего пребывания в Пицунде поехали с экскурсией в Сухуми, где Володя первым делом потащил всех в обезьянник. Тут он был веселым и остроумным, исполненным детского восхищения при виде всех этих малых и больших существ, что сидели, лазали и прыгали с сука на сук, казалось, не реагируя на посетителей. Володя нашел очень симпатичную молодую обезьянку, которая, встретив заинтересованный взгляд незнакомца, отважно приблизилась к нему, протянув ладошку с тоненькими черными пальчиками. «Смотрите, какое чудо! — говорил Володя. — Она же лучше людей, сколько в ней доброты и преданности...» Он клал в ее ладошку мандарин, и обезьянка с радостным взвизгом возносилась высоко на дерево.

На улице шел осенний дождь, а в кафе под пальмами было лишь кислое холодное вино, от которого Володя брезгливо морщился. И пил.

Последний привет

Короткевич и Валя уехали из Пицунды раньше нас — окончился срок путевки. Мы проводили их к автобусу, выпить на прощание было нечего. Да и не было за что. Очень обрадовались, когда спустя недолгое время получили из Минска телеграфный перевод на круглую сумму и небольшую, но увесистую посылку. Помню, шли с почты и гадали: что это прислал Володя? Похоже — кирпич. Но, как оказалось, совсем не кирпич, а бутылку добротного молдавского коньяка, который еще можно было достать в Беларуси. Ну — божеская душа, милый Володя!

Потом, уже в Минске, Валю положили в онкологию в Боровлянах, и я возил к ней Володю — в отведки. Сам оставался в машине, а он шел в корпус. Возвращался оттуда нескоро, вконец опечаленный, тайком вытирал глаза. Он любил жену...

А когда умерла, кажется, не плакал. Помню, после похорон советовался, как ему жить. Хотел найти женщину, чтобы без детей, которых ему с Валей не дал Господь Бог. И чтоб без большой родни. Меня как-то удивляли эти заботы — ему самому жить оставалось очень не много.

Незадолго до своей кончины он с особым вниманием стал относиться к тем, с кем дружил, кого уважал. В это время часто звонил на Танковую, и если не заставал меня, подолгу разговаривал с Ириной. Здоровье его ухудшалось, но он не слишком прислушивался к здоровью. Больному, конечно, не очень писалось, и он уходил в свое прошлое. Как-то навестив его, я увидел на столе старенькую и подробную карту Киевщины. Там было отмечено село, где молодой Короткевич начинал свой трудовой путь учителя. Но его звала Беларусь, и он повиновался зову белорусской земли и ее истории. Словно в предчувствии скорого финала стремился на природу, с которой суждено было вскоре окончательно слиться. Последняя поездка на любимую им Припять и погубила его.

Его кончину оплакивала вся Беларусь, которая будет долго помнить его славное имя.

Такие, как Короткевич, часто не рождаются...

ком тревожило, — лишь бы самих не трогали. Но ведь тронули и белорусов — без разбора стали расстреливать, жечь, уничтожать. Говорили — в отместку за партизанщину, что было похоже на правду. Тут Гитлер со Сталиным оказались в одной компании — компании палачей. То, что Сталин не успел доделать в предвоенные годы, довершал Гитлер в годы войны. Беларусь потеряла четверть населения и оказалась в развалинах. Чтобы затем начать «героическую» эпоху возрождения.

Никого нельзя загонять в угол — себе дороже обойдется. А моя Степанида оказалась именно загнанной в угол.

Степанида, деревенская тетка, не хотела потерять жизнь и упрямо цеплялась за иллюзорные признаки свободы. Но запоздало цеплялась. В том ее человеческая трагедия.

Но когда было не запоздало? Степанида вообще не имела своего времени, как и все окрест, эта женщина выпала из хода времени, очутилась на краю погибели. Несколько дней или недель этого дьявольского балансирования — и все кануло в небытие. Чтобы не возродиться?

Владимир Короткевич был не согласен с моим слишком фатальным взглядом на судьбу персонажа, в более широком смысле он склонен был видеть надежду. Может погибнуть человек, сословие, класс, но не погибнет нация. Белорусская нация живуча, как никакая другая, на это ее сподвигла история, ужасающее время. Как мог, он сам отчаянно цеплялся за жизнь, да не уцепился. Потому как также оказался человеком вне времени, слишком рано или поздно родившимся, не вовремя ставшим писателем. Не современным! Несовременный человек жить долго не может. Он обречен.

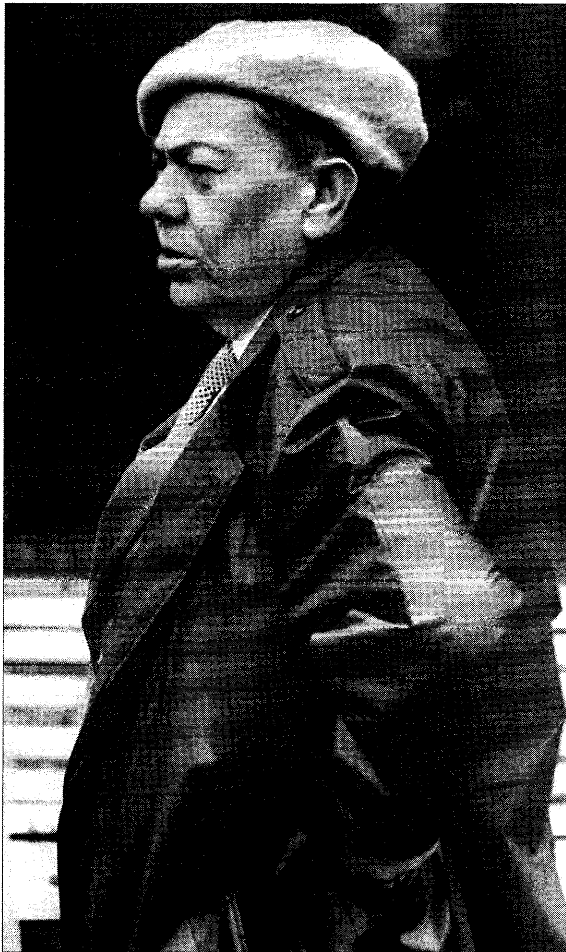
Литературные нравы

В ту пору, чтобы достичь какого-либо успеха в литературе, недостаточно было иметь литературное дарование — нужен был общественно значимый вес, начальствующая должность, невозможные без членства в руководящей и направляющей партии. Именно по этой причине наши «талантливые молодые» еще в университете вступали в партию, по окончании учебы охотно или неохотно вербовались в сексоты и, закрепляясь в столице, устраивались в редакции. Служебная карьера, в общем, мало зависела от литературного таланта — последний нередко только вредил карьере. Обычно литературные маэстро, наделенные регалиями, званиями и ответственными должностями, были никчемными литераторами, что, однако, не мешало им руководить другими. Литература была делом не только рискованным, но и весьма неопределенным, как до конца не определенным был метод соцреализма. То ли дело — должность! Литературная или, что еще лучше, — партийная. Эта кормила, безотказно обеспечивала почетом. Многие, если не удавалось устроиться в издательско-литературных редакциях, оказывались в длинных списках редколлегий литературных изданий. Некоторые, из особо доверенных, состояли в двух, трех, четырех редколлегиях, где десятками лет исполняли свои цензорские обязанности. Других обязанностей, кроме как «проверять и не допускать», у них не было, а уж эти большинство из них исполняло на совесть.

Владимир Короткевич не был даже рядовым коммунистом, не был каким-либо «членом», ни тем более редактором, что же ему оставалось? Ничего больше, кроме как писать исторические, далекие от современности романы и пить водку. Печатали его с бесконечным числом придирок (традиционно опасаясь всякого рода национализма), но пить запретить не могли. Руководство, исходя из собственного опыта, понимало, что здесь оно бессильно. Володя также понимал это как право на единственно доступную ему свободу и по возможности широко пользовался ею. Однако и тут не могло обойтись без проблем. Все Володины «прегрешения» были на строгом учете.

Когда многие «видные и известные» белорусские писатели получили причитавшиеся им государственные премии, вроде, подошел черед Короткевича. Выдвинутый Союзом писателей, он поимел реальный шанс получить ее, если бы в пику ему не был выдвинут любимец белорусского ЦК Борис Саченко. Многие тогда высказывались в том смысле, что Саченко Короткевичу не соперник, должен получить Володя. Иного мнения было начальство. На ритуал присуждения прибыл заведующий отделом ЦК Иван Антонович, который и склонил сервильный комитет в пользу Саченко. Короткевичу осталось дожидаться новой очереди. Впрочем, это его мало заботило — он торопился дописать роман.

Наше месячное пребывание в Пицунде продолжалось. Володя не раз ходил в море, наведывался в

Владимир Короткевич. 1984 год

БГ
Для служебного пользования
Ежемесячное приложение к «Белорусской деловой газете»
N2(13) 04.02.2003 года
Главный редактор **Светлана Калинкина**

Газета зарегистрирована в Министерстве информации, регистрационное свидетельство NN1758 от 21.03.2002г. Редакция может опубликовать материалы, отражающие только мнение авторов, в порядке обсуждения. Перепечатка со ссылкой на «БДГ. Для служебного пользования». Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений и за ошибки в них.

Подписные индексы ДСП:
индивидуальная подписка **63568**
ведомственная подписка **635682**

Генеральный менеджер издательства «БДГ» **Петр Марцев**
Учредитель и издатель **Издательское частное унитарное предприятие «Марат»**

Отпечатано с диапозитивов заказчика на полиграфическом РУП «Красная звезда», 220073, г. Минск, 1-й Загородный переулок, 3.

Материалы, помеченные знаком печатаются на правах рекламы.
Тираж 26500
Заказ 223
Подписано в печать 01.02.2003г. в 17.00

Размещение рекламы: тел/факс (017) 216-25-87, 216-25-88,285-08-93,285-08-94. **Отдел распространения:** тел/факс (017) 226-87-99, 222-27-20. **Адрес редакции:** 220039,Минск,ул.Чкалова,12,4-й этаж. **Телефоны редакции:** 216-25-85, 285-08-92, 224-95-70, 216-25-84